

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

6

Ноябрь — Декабрь

1987

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Н. С. Полищук (Москва). У истоков советских праздников	3
О. Р. Будина, М. Н. Шмелева (Москва). Проблема традиционности современной бытовой культуры русского городского населения	15
Н. С. Кон (Москва). Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе	26
Р. Я. Денисова (Рига). Популяционно-антропологический аспект этногенеза	37

Дискуссии и обсуждения

Обсуждение статьи Ю. В. Бромляя, М. В. Крюкова «Этнография: место в системе наук, школы, методы» (СЭ, 1987, № 3)	48
Ю. В. Арутюнян (Москва). О дифференциации и взаимодействии этнографии и социологии в исследовании национальных процессов	48
Н. А. Бутинов (Ленинград). О предмете этнографии	52
В. И. Козлов (Москва). К вопросу о границах этнографической науки	53
К. В. Чистов (Ленинград). Наши предшественники и история этнографии	57

Памяти Пушкина (1837—1987)

В. Е. Гусев (Ленинград). Этнографические интересы А. С. Пушкина	60
---	----

Из истории науки

В. П. Алексеев (Москва). Творчество Николая Ивановича Вавилова и изучение истории человечества	72
--	----

Сообщения

А. П. Галстян (Ереван). Некоторые аспекты армяно-русского двуязычия (по материалам этносоциологического обследования населения Еревана)	81
О. Б. Наумова (Москва). Национально-смешанные семьи у немцев Казахстана (по материалам экспедиции 1986 г.)	91
Е. А. Глянский (Ленинград). О технике стрельбы из лука у народов Северо-Востока Сибири	100

Поиски, факты, гипотезы

Н. Г. Краснодембская (Ленинград). Сингальский царь Пандукабхая — прообраз Кришны? (к вопросу о ранней этнической истории народов Южной Азии)	110
--	-----

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

Наши юбиляры

Список основных работ д. и. н. И. С. Вдовина (к 80 летию со дня рождения)

Научная жизнь

- Л. Е. Куббель (Москва). На III Конгрессе Международного общества этнологии и фольклора Европы
В. Б. Евтух (Киев). Советско-американский симпозиум «Роль этничности в современных обществах»
Д. Д. Тумаркин (Москва). Выставка «Сокровища культуры народов Океании»
Е. С. Соболева (Ленинград). Маклаевские чтения (VI—VIII)

Коротко об экспедициях

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- М. В. Крюков (Москва). Китайские ученые о таксономии этнических общностей
С. Г. Чантуришвили (Тбилиси). Этнокультурные аспекты древних грузинских исторических хроник (Новейшие издания в русском переводе хроник из свода грузинских летописей)

Общая этнография

- В. С. Баевский (Смоленск). Matti Kuusi Proverbia septentrionalia

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1987 г.

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, С. А. Арутюнов, С. И. Брук,
Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева, Т. А. Жданко,
Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель (зам. главн. редактора),
Г. Е. Марков, Р. М. Мунчаев, А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора), П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин.

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
телефоны: 126-94-91, 123-90-97
Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

© Издательство «Наука»,
«Советская этнография», 1987 г.

Н. С. Полищук

У ИСТОКОВ СОВЕТСКИХ ПРАЗДНИКОВ

В первый же год после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, ставшей переломным событием всемирной истории, в Советской России начали создаваться праздники, новые не только по содержанию, но и по форме. Детище эпохи революционных преобразований, ознаменовавшаяся крутой ломкой старых общественных отношений, советские (революционные) праздники, не имели прототипа в традиционной праздничной культуре ни одного из народов, населявших Россию.

Как известно, праздники являются неотъемлемой частью общественного быта, в развитии и совершенствовании которого решающую роль играют политические, социально-экономические и культурные преобразования. Этим в значительной степени объясняется и динамизм праздников, проявляющийся в изменении их состава, содержания и структуры, а также соотношения новых и традиционных элементов¹.

Первые советские государственные праздники (1 Мая, 7 Ноября, 8 Марта, 23 Февраля и др.) родились как политические и идеологические². В силу этого создание их было преимущественно организованным, целенаправленным процессом, в котором слились два потока. Один шел «сверху», другой — «снизу», о чем красноречиво свидетельствуют и «Обращение ВЦИК ко всем губернским, уездным, волостным Советам о принятии мер к организации первомайского празднества и его лозунгах», напечатанное 27 апреля 1918 г. в «Известиях ВЦИК»³, и публиковавшиеся на страницах губернских и городских газет разработанные на местах «инструкции» по организации празднования годовщины Октябрьской революции⁴, и церемониалы первомайских и октябрьских торжеств⁵, и регулярно помещаемая как в центральных, так и особенно в местных газетах информация о работе комиссий (комитетов) по подготовке к празднованию 1 Мая и 7 Ноября.

Однако инструкции и «сценарии» праздников, определявшие их идеологическую нагрузку и политическую направленность, а также выделяв-

¹ См. подробнее: Будина О. Р., Шмелева М. Н. Общественные праздники в современном быту русского городского населения // Сов. этнография. 1979. № 6.

² Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М., 1985. С. 281.

³ Декреты Советской власти. 17 марта — 10 июля 1918 г. М., 1959. Т. II. С. 174—175. № 98.

⁴ См., например: Инструкция празднования годовщины // Коммуна (Газ.). Калуга, 1918. 25 окт.; Инструкция по устройству празднования в Костромской губ. // Советская газета. Кострома, 1918. 25 окт.

⁵ См.: Порядок шествия в празднование 1-го Мая... // Известия Тверского совета раб., крест. и красноарм. депутатов (далее — Известия... Тверь). 1918. 27 апр. (Приложение к № 44); Церемониал шествия демонстраций по улицам Петрограда 1-го Мая 1918 года // Красная газета. Пг., 1918. 29 апр.; Церемониал празднования 1-го Мая // Известия Вятского губ. исп. комитета советов крест., раб. и солд. депутатов и Вятского совета Раб. и солд. депутатов (далее — Известия... Вятка). 1918. 30 апр.; Церемониал шествия войск, детей и рабочих города Костромы в день празднования Октябрьской революции 8-го ноября // Советская газета. 1918. 5 ноября (специальная вклейка); Порядок торжества годовщины Октябрьской революции, выработанный губернской центральной комиссией по устройству празднеств по г. Калуге // Известия Калужского губ. исп. комитета Советов раб., крест. и красноарм. депутатов. (далее — Известия... Калуга). 1918, 6 ноября.

шие кульминационные («узловые») моменты торжеств, оставляли широкое поле для проявления личной инициативы тех, кто должен был претворять планы в жизнь. Результатом творческого вклада на местах в разработку праздничного церемониала явилось существенное варьирование не только композиции «сценария» ранних советских праздников и их художественного оформления, но и основных элементов ритуала при сохранении единства целевых установок и содержания праздника. К сожалению, эта сторона формирования советских праздников, свидетельствующая об активном участии в их создании широких масс (была тесно связана с первыми днями революции), осталась вне поля зрения исследователей, что привело к смещению некоторых акцентов при освещении ранних советских праздников. В результате в литературе утвердилась несколько упрощенная схема их «сценария», из которого практически выпали траурный церемониал и торжества, связанные с открытием (реже закладкой) памятников революционным деятелям прошлого, а также культурно-просветительных учреждений и учебных заведений. Забытыми оказались и некоторые другие, не менее существенные компоненты праздничных торжеств, вызванные к жизни политической и экономической ситуацией в стране. Например, обязательное приглашение на торжества в город представителей сельской бедноты; участие в общегородской манифестации воинских частей; на 7 Ноября — подарки детям и красноармейцам, тогда же — бесплатные обеды, а кое-где и завтраки для детей, чай, «закуска», иногда обед или ужин для участников праздничного шествия (порой только для гостей из села) и т. п.

Причиной некоторых «перекосов» при рассмотрении ранних советских праздников, на мой взгляд, послужило то, что начальным этапом становления советской праздничной культуры занимались преимущественно искусствоведы и философы, интересы которых пересекаются, но не до конца совпадают с интересами этнографов, рассматривающих все компоненты праздника. К тому же исследователи, как правило, ограничивались анализом праздничных торжеств, происходивших в Москве, Петрограде и некоторых, преимущественно губернских городах, не касаясь периферии⁶, где позиции традиционной праздничной культуры были значительно прочнее, чем в крупных городах, что не могло не сказаться на проходивших там праздничных торжествах.

Настоящая статья представляет собой попытку характеристики самого раннего этапа истории советской праздничной культуры — революционных праздников и памятных дней 1918 года. Преимущественное внимание в ней будет уделено праздникам «на местах».

Статья основана на материалах периодической печати 1918 г.⁷, главным образом местных газет, широко освещавших общественный быт не только губернских и уездных городов, но и волостных центров, и даже отдельных сел и деревень, находящихся в глубинке.

Газеты, особенно местные, — один из богатейших источников изучения праздничной культуры народа, дающий возможность «окунуть» в эпоху, почувствовать пульс времени и уловить глубинные процессы, еще незаметные для современников, но хорошо видимые спустя десятилетия. И тем не менее газеты все еще недостаточно используются этнографами. В значительной мере это объясняется трудоемкостью их обработки. Библиографических указателей к ним насчитываются единицы. Но и в тех редких случаях, когда они есть, бытовой материал, а именно он интересует этнографа, в них почти не отражен, поскольку сосредоточен преимущественно в разделах информационного характера, как правило

⁶ См., например: *Пиотровский А.* Хроника Ленинградских Празднеств. 1914—1922 гг. // *Массовые празднества. Сборник комитета социологического изучения искусства*. Л., 1926. С. 53—84; *Цехновицер О.* Празднества Революции. Л., 1931; *Мазеев А.* Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978. С. 235—300.

⁷ В дальнейшем при ссылках на газеты 1918 г. будут указываться только число и месяц.

не расшифровывающихся в указателях. Поэтому исследователь вынужден просматривать все заметки, опубликованные в газете.

Источником для написания статьи послужили главным образом информационные материалы разделов: «Хроника», «Местная жизнь», «По уездам», «По нашему краю», «Областной отдел», «По Советской России» и др., а также специальных рубрик: «К празднованию 1 Мая», «К годовщине Октябрьской революции», «Празднование годовщины Октябрьской революции» и т. п. тринадцати губернских и городских и четырех центральных газет.

Газеты 1918 г. отразили характерную для периода становления советского государства атмосферу широкой гласности и подлинного демократизма, а также необычайно высокую общественную активность трудовых масс, совершивших революцию и теперь отстаивающих ее завоевания от внешних и внутренних врагов.

В них широко освещалась деятельность создававшихся при губернских исполнительных комитетах комиссий по организации празднования 1 Мая и особенно годовщины Октябрьской революции. Принятые на заседаниях комиссий решения, обращения к населению и различным организациям и учреждениям, а также возникавшие на них дискуссии через два-три дня благодаря газетам становились известны всем.

Газеты служили основным проводником в массы сведений о различных аспектах подготовки к празднику. Они сообщали о записи в хор для разучивания революционных песен и помещали объявления о спектаклях; информировали читателей о готовящихся концертных программах и спектаклях; об источниках финансирования празднеств; работах по приведению «в более благоустроенный вид» улиц и площадей, снятии «режущих глаз» памятников «эксплуататорам» и символов старого строя (двуглавый орел, корона, дворянские гербы и вензеля) и замене их новыми⁸ и т. д. и т. п. Типичным образцом подобной информации могут служить заметки, опубликованные в канун и в первый день праздника Октябрьской годовщины в газетах Иваново-Вознесенска и Тулы. Автор первой из них, рассказывая о последних приготовлениях к празднику в фабричном селе Лежневе (Иваново-Вознесенская губ.) писал, что там: «...готовятся к постановке бесплатного детского спектакля, спектакля для взрослых. Отдельваются помещения для бесплатных детских обедов. Готовятся материалы для украшения улиц и помещений: Рабочего клуба, театра и Совета... Художественные силы из рабочей пролетарской среды работают над флагами, плакатами и портретами великих социалистов почти 24 часа в сутки... И работа действительно кипит в полном смысле этого слова»⁹.

Хроника, помещенная в тульской газете, информировала читателей не только о последних приготовлениях к празднику, но и о вечерней программе первого дня его:

«Вчера весь день продолжалась работа по подготовке празднования... украшались красными флагами, картинами, эмблемами, вензелями и пр. здания „Пролеткульта“, ...советских учреждений и пр. Делались приготовления и проба электрической иллюминации, *украшалось и приводилось в порядок братское кладбище павших борцов за свободу*, воздвигались трибуны и пр. (Курсие мой.— Н. П.)... Сегодня, в первый день празднества, состоится ряд митингов на тему „Годовщина октябрьской революции“ в „Пролеткульте“, клубе Красной Армии, кинематографе „Свет“ и др.»¹⁰.

В газетах нашли отражение абсолютно все мероприятия, прямо или косвенно связанные с празднованием первой годовщины Октября. Тверские «Известия...», например, опубликовали обращение местного издательства «Коммуна» ко всем членам партии Тверской губ. с просьбой

⁸ Эти мероприятия предусматривались «Декретом о памятниках Республики», принятым 12 апреля 1918 г. См.: Декреты Советской власти. Т. II. С. 95—96. № 52.

⁹ *Пролетарский работник*. Подготовка к празднованию годовщины революции//Рабочий край. 5 ноября.

¹⁰ К празднованию дня революции//Вооруженный пролетарий. 6 ноября.

«представить в издательство... цитаты из произведений и изречений революционеров и вождей пролетариата всего мира. Цитаты, — отмечлось в нем, — будут выбиты на мраморных досках и укреплены на фасадах общественных учреждений и других видных местах»¹¹. Издательство предлагало также представить «проекты лозунгов на флаги и плакаты»¹². Почти за месяц до праздника в петроградской газете появилось сообщение о том, что «две наилучшие украшенных колесницы», участвующие в праздничном шествии, будут отмечены «художественной премией». Украшение каждой колесницы, подчеркивалось там, «должно отражать революционный порыв восставшего пролетариата или представлять ничтожество разбитого буржуазного мира»¹³. В Костроме был объявлен конкурс на проект трибуны-памятника Октябрьской революции¹⁴, в Твери — на обложку сборника, посвященного годовщине революции, и «рисунки к плакатам (темы: союз пролетариата и деревенской бедноты, мировая революция, власть рабочих и крестьян, контрреволюция задана, красный и белый террор и т. д.)»¹⁵, а в Петрограде — на сценарий «на тему, дающую обрисовку характерных черт происшедшего социального переворота»¹⁶.

Сообщалось в газетах и о мероприятиях, сопутствующих праздникам: о снабжении населения продовольствием в праздничные дни и обеспечении бесплатным питанием детей и беднейшего нетрудоспособного населения¹⁷; о подготовке сборников статей, воспоминаний и материалов, посвященных годовщине Октябрьской революции, участвовать в которых приглашались все коммунисты, а также работники советских учреждений и общественных организаций¹⁸; о ходе работы по созданию и установке памятников, «долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции»¹⁹; о новом «революционном календаре», переименовании улиц и площадей больших и малых городов, а также отдельных населенных пунктов, волостей и т. п.

Знакомясь с подобной информацией, начинаешь осторожнее относиться к активно обсуждаемой в нашей периодике в последние два-три года проблеме переименования улиц, городов, промышленных предприятий, учебных заведений и т. п. Данное явление рассматривается, как правило, в негативном плане, даже в тех случаях, когда речь идет о событиях почти 70-летней давности. Мне кажется, происходит это потому, что мы забыли о причинах, вызвавших своего рода эпидемию переименований в первые годы существования Советского государства. Как известно, знаменем тех лет было революционное преобразование мира. Отсюда стремление отметить все устаревшее (или казавшееся таковым) и заменять его новым, чтобы увековечить память о революции, избавившей трудовой народ России от бесправия и эксплуатации. Порой эта жажда обновления приводила к курьезам. Так в связи с обсуждавшейся в печати возможностью замены существующего летосчисления новым «начинающимся днем Великой Октябрьской революции» (по примеру Республиканского календаря французской республики), в одной из пе-

¹¹ Украшение улиц, общественных зданий и т. п. надписями и цитатами, «отражающими идеи и чувства революционной трудовой России», предусматривалось «Декретом о памятниках Республики» и принятым в июле 1918 г. по предложению В. И. Ленг «Постановлением о постановке в Москве памятников великим людям» (Декреты Советского правительства. 11 июля — 9 ноября. М., 1964. Т. III. С. 48. № 29).

¹² Цитаты и лозунги//Известия... Тверь, 16, 17 и 18 окт.

¹³ Художественные премии за две лучших колесницы//Красная газета. 11 окт.

¹⁴ Советская газета. 2 окт.

¹⁵ Конкурс//Известия... Тверь. 16, 17 и 18 окт.

¹⁶ Театр//Красная газета. 22 окт.

¹⁷ Октябрьские куличи//Там же. 11 окт.; Питание населения в дни октябрьского горьжества//Коммунар. М. 1 ноября; В городе//Вооруженный пролетарий. 6 ноября; Красный праздник в Иванове//Рабочий край. 10 ноября.

¹⁸ Ко всем тт. коммунистам и советским работникам Тверской губ.//Известия. Тверь, 12 окт.; К октябрьской годовщине (Ярославль)//Красная газета. 18 окт.; Празднование годовщины Октябрьской революции//Рабочий край. 30 окт.; То же//Там же. 1 ноября.

¹⁹ Декреты Советской власти. Т. II. С. 96.

роградских газет было опубликовано письмо читателя, считавшего, что «не следует ограничиваться одним только изменением летосчисления, но также изменить и названия дней недели и месяцев. Хотя такая реформа может показаться слишком смелой,— писал он,— однако в наше революционное время, зачастую казавшееся еще вчера невозможным, становится фактом сегодня». И далее: «...бесспорно, что было бы своевременнее заменить ничего не говорящие сердцу пролетариата Марты и Августы славными именами революционных вождей социализма. Хотя бы, например, так: Январь — Энгельс, Февраль — Лассаль, Март — Маркс и т. д. А дни: понедельник — день революции, вторник — борьбы, среда — победы, четверг — труда, пятница — социализма, суббота — красного знамени и воскресенье — день свободы»²⁰. Предложение это, видимо, никто не принял всерьез, поскольку откликов на него не последовало. Но оно было типичным для времени, девизом которого стала строка из пролетарского гимна «Интернационал» — «Мы наш, мы новый мир построим».

Замена многих названий улиц и площадей, приуроченная к 1 Мая и особенно к 7 Ноября 1918 г., также вполне отвечала духу времени. Вряд ли разумно в наши дни негодовать по поводу того, что, например, Миллионная улица в Петрограде была переименована в ул. Халтурина, в Туле — в Октябрьскую, а в Шуе — в ул. Льва Толстого; Екатерининская ул. в Перми — в ул. Ленина, а одноименная площадь в Москве — в пл. Коммуны; Александровская ул. в Иваново-Вознесенске — в Советскую, а площадь с аналогичным названием в Москве — в пл. Борьбы; Царевская ул. в Костроме — в Пролетарскую, Б. Шереметевская в Иваново-Вознесенске — в ул. Фридриха Энгельса, Полицейский мост там же — в Народный, а Приказный мост в Иваново-Вознесенске — в Красный и т. п. Разумеется, не все названия нуждались в замене. Порой, главной причиной ее становилось желание придать особую торжественность празднованию 1 Мая или годовщины Октября. Например, в дер. Дворской Новинской волости Астраханской губ. 7-го Ноября 1918 г. ее жители, украсив деревню красными флагами, собрались на сход, после которого местная детвора вместе с учителем пела революционные гимны, а затем с общего согласия было принято постановление о переименовании дер. Дворской в дер. Карла Маркса²¹. По всей вероятности, решение схода было кульминацией нового праздника, «праздника праздников», как он был назван в «Нижегородской коммуне»²².

Для первых послереволюционных лет характерно было сосуществование новых (революционных) и старых (церковных) праздников. Как отмечалось в одной из газет начала 1919 г., «количество праздничных, свободных от работы дней стоит в тесной связи с экономической жизнью народа каждого государства. Чем меньше дней в году работает... народ, тем меньше вырабатывает он продуктов»²³. В стране, переживавшей разруху и голод, истекавшей кровью от войн, сначала мировой, а затем гражданской, экономическая сторона праздника приобретала особое значение. Думается, она сыграла не последнюю роль в резком сокращении в 1918 г. числа нерабочих дней церковного праздничного календаря, признававшихся государством в царское время. Практика их празднования, сложившаяся в стране в 1918 г., была узаконена в начале 1919 г. Постановлением Пленарного заседания Совета Профессиональных Союзов от 2 января были объявлены нерабочими, но непраздничными и потому не оплачиваемыми, дни пяти наиболее почитаемых праздников православной церкви: 6 января (здесь и далее старый стиль) — Крещение, 25 марта — Благовещение, 15 августа — Успенье, 25 и 26 декабря — Рождество Христово, а также пятница и суббота страстной,

²⁰ Локшин Ю. Революционный календарь (Из писем читателей)//Красная газета. 1 ноября.

²¹ Деревня Карла Маркса//Красная газета. 16 ноября.

²² Октябрьские торжества в Нижнем Новгороде и губернии. Торжественное заседание//Нижегородская коммуна. 12 ноября.

²³ Нерабочие дни//Рабочий край. 1919. 5 марта (Хроника).

понедельник и вторник пасхальной недели²⁴. Тем самым на будущее исключалась необходимость разъяснений и частных постановлений по поводу остальных церковных праздников в тех случаях, когда они приходятся на рабочие дни²⁵.

В 1918 г. «красный календарь» еще только начинал складываться. Наряду с общими для всей республики в некоторых городах и регионах отмечали свои памятные даты и праздники. Общими для всех были: 22 января — годовщина «Кровавого воскресенья», 12 марта — День падения самодержавия, 18 марта — День Парижской коммуны, 17 апреля — годовщина Ленского расстрела рабочих, 1 мая — День Интернационала, 7 ноября — годовщина Октябрьской революции, 24 ноября — День красного офицера. Из них нерабочими днями были объявлены только два основных праздника — 1 мая и 7 ноября. Среди «местных» дней «красного календаря» можно назвать 28 апреля — День Рабоче-Крестьянской Красной Армии (Тверь), 15 сентября — День рабочих кооперации (Иваново-Вознесенск, Кохма и др.), 12 октября — празднества по случаю освобождения Самары (Иваново-Вознесенск, Вичуга, Шуя, Середка и др.), 22 декабря — День Красной Пресни (Москва).

Чтобы составить хотя бы некоторое представление о процессе формирования советского праздника, а также об общем и особенном, присущем праздникам и памятным датам «красного календаря» первого года революции, мне представляется целесообразным коротко охарактеризовать в хронологической последовательности каждую из выделенных групп.

Памятные даты

22 января — годовщина «Кровавого воскресенья». В Москве состоялась многотысячная демонстрация рабочих и солдат, пришедших на Красную площадь к могилам борцов за свободу, носившая «чисто классовый характер». В Нижнем Новгороде и Сормове прошли многотысячные митинги. Во Владимире шествия солдат и рабочих закончились общим митингом и т. п. Всюду рабочие и солдаты шли с красными знаменами, оркестрами, революционными песнями²⁶.

12 марта. День низвержения самодержавия, судя по газетам, отмечался не очень широко и преимущественно как день траура по погибшим борцам. Их памяти были посвящены митинги, на которых исполнялись «Похоронный марш» или «Вечная память» (пролетарская традиция, возникшая в 1905 г.). Кое-где состоялись манифестации²⁷.

О праздновании Дня Парижской коммуны (18 марта) у меня данных нет. Видимо, в 1918 г. оно не получило еще широкого распространения. Вероятнее всего, в этот день устраивались собрания.

17 апреля — День годовщины Ленского расстрела рабочих. Отмечался не всюду. В Москве в разных концах города прошли многотысячные собрания, посвященные Ленским событиям. В Иркутске состоялась «грандиозная демонстрация»²⁸.

22 декабря (годовщина московского вооруженного восстания 1905 г.) Москва отмечала День Красной Пресни. Программой праздника предусматривалось торжественное шествие от Прохоровской мануфактуры к могиле Н. Э. Баумана (Ваганьковское кладбище) с возвращением к месту сбора, где должен был проходить митинг-концерт. На

²⁴ Н. С. С. Сокращение праздников в России//Рабочий край. 1919. 26 марта.

²⁵ См., например: Николин день — не праздник//Красная газета. 21 мая; 2-е августа — день непростительный//Петроградская правда. 2 авг. (Московская жизнь); 1-ое октября — рабочий день//Красная газета. 12 окт. (Из Москвы по телефону).

²⁶ Москва. Демонстрация 9-го января//Борьба и труд. Владимир. 13 янв. (Телеграммы); Нижний Новгород//Там же. 11 янв.; Сегодня демонстрация. План шествия демонстрации 9-го января//Там же. 9 янв.

²⁷ Гаврилов Посад//Рабочий край. 19 марта (Местная хроника); Кинешма//Там же. 22 марта (По нашему краю); Митинг//Там же. 26 марта (Местная хроника).

²⁸ Памятный день//Рабочий край. 20 апр. (По России); В память Лены//Там же. 27 апр.

чер было назначено торжественное собрание. Однако из-за небывалой Москве снежной бури шествие и дневной митинг-концерт не состоялись. Могила Н. Э. Баумана посетили лишь отдельные рабочие. Концерт-митинг был проведен вечером и собрал многочисленную аудиторию.

22 декабря утром в газете «Коммунар» было опубликовано письмо И. Ленина «К рабочим Красной Пресни». Участники митинга в ответ послали ему приветствие²⁹.

День Красной Пресни по существу такой же день траура, как и 9 января. Однако их разделяют 11 месяцев, а для 1918 г. это целая эпоха. За прошедшее с тех пор время был накоплен известный опыт проведения революционных праздников. И День Красной Пресни уже задумывался не как памятный день, а скорее как рабочий праздник. Тут и сценарий, предусматривающий митинг-концерт.

Будучи явлением общественного, а не праздничного быта, памятные дни 1918 г. имели мало общего с праздником и к праздничному календарю могут быть отнесены весьма условно.

«Местные» дни «красного календаря»

28 апреля. В Твери праздновали День Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Его программа заранее была объявлена в местной газете. Праздник состоял из торжественной и массово-развлекательной частей. Первая половина торжественной части была выдержана в традициях старого армейского церемониала: военный парад, вручение знамени только что организованному полку, шествие полка через весь город. Во второй его части пролетарские традиции (летучие митинги) сочетались с городскими (кружечный сбор в пользу Красной Армии). Завершал праздник (2-ая часть) спектакль «из жизни рабочих дореволюционного периода»³⁰.

15 сентября — День рабочей кооперации. В 1918 г. отмечался впервые, и, если судить по газетам, просмотренным мною, преимущественно в Иваново-Вознесенской губ. Возможно, это объяснялось тем, что День кооперации фактически был профессиональным праздником. Установленный в августе 1917 г. Первым Всероссийским съездом рабочей потребительской кооперации, он должен был «пропагандировать идеи кооперации среди тружеников-пролетариев»³¹. В 1918 г. в роли пропагандистов выступили дети. Центральным событием праздника в Иваново-Вознесенске, например, стало шествие детей (около 2 тыс. чел.). По примеру взрослых они шли с красными флагами и разноцветными флажками и несли лозунги рабочей кооперации. По окончании шествия их накормили обедом и напоили чаем, а затем повели в кинотеатр. Взрослые собрались вечером на митинг, где под звуки похоронного марша выжили вставанием память погибших. В заключение митинга они направили телеграмму В. И. Ленину с пожеланием скорейшего выздоровления³² (30 августа на него было совершено покушение).

Здесь те же компоненты торжественного ритуала, что и в первомаяском празднике — митинг — траурная церемония — шествие (детское). Торжественное оформление зданий кооперации и самой манифестации повторяет первомайское, только в более скромных масштабах. Но есть здесь и новый компонент — бесплатное угощение детей.

12 октября. В Иваново-Вознесенске и губернии состоялись торжества по случаю освобождения Самары. И хотя была суббота, фабрики и заводы не работали. В 10 час. утра на них прошли митинги. К 12-ти часам рабочие (с красными флагами, плакатами, революционными песнями), а также находящиеся в городе воинские части стали стекаться

²⁹ День Красной Пресни//Коммунар. 20, 21, 22, 24 дек.

³⁰ День Красной Армии//Известия... Тверь. 25 апр.; В воскресенье 28-го апреля в Красной Армии//Там же. 27 апр.

³¹ Сосневский Н. День рабочей кооперации//Рабочий край. 5 сент.

³² Славич. День рабочей кооперации//Рабочий край. 17 сент.; Архангельский М. в рабочей кооперации//Там же. 19 сент.

на центральную площадь, в разных концах которой были установлены две трибуны. Общегородской митинг открыли одновременно появившиеся на трибунах окружной военный комиссар М. В. Фрунзе и «секретарь партии коммунистов» Д. А. Фурманов. По окончании митинга был введен военный парад. Затем все собравшиеся с музыкой и песнями шли по трем центральным улицам города и вернулись опять на площадь празднество закончилось кратким митингом³³. Аналогичные торжества, только без военного парада состоялись в Вичуге, куда с песнями революционных песен и с красными флагами пришли рабочие из соседних фабричных поселков: Тезина, Бонячек, Гольчихи и Старой Вичуги, а также в Шуге, Кохме, Середи и других фабричных центрах³⁴.

Здесь практически та же схема торжественного ритуала, что и Первого мая. Отсутствует только траурная церемония, но зато в качестве отдельного компонента выступает военный парад, что было продиктовано посвящением праздника крупной победе Красной Армии.

24 ноября в стране проводился День красного офицера под лозунгом «Рабочий и крестьянин, готовься стать красным командиром!». На Красной площади состоялся военный парад, в котором участвовали курсанты военных школ. Затем они пришли на Советскую площадь (обычный маршрут праздничных манифестаций 1918 г.), где перед ними выступил В. И. Ленин. Вечером во многих районах Москвы состоялись митинги и концерты. Аналогичные торжества были и в Перми³⁵. Сведений по другим городам в газетах, просмотренных мной, не оказалось. По-видимому День красного офицера в основном прошел как очередная политическая кампания.

Все праздники этой группы были в первую очередь политическим актом. В них еще нет того органического слияния политики, идеологии с праздничным действием, которое только и может сделать политический праздник явлением праздничной культуры.

Праздники общегосударственные

1 Мая — первый (хронологически) государственный праздник страны Советов. Отмечался очень широко. Во всех городах состоялись митинги, манифестации³⁶, шествия, в которых участвовали воинские части местных гарнизонов, профессиональные союзы, советские, партийные культурно-просветительные организации, а также дети. В ряде городов (Владимир, Вятка, Екатеринбург, Кунгур, Сарапул, Солигалич, Нижний Тагил и др.) процессии манифестантов после общего митинга направлялись к братским могилам или на кладбище, чтобы почтить память борцов за свободу возложением венков на могилы, произнесением траурных речей-клятв, исполнением «Похоронного марша» или «Венки памяти» (реже)³⁷. В Петрограде все колонны демонстрантов проходили мимо братских могил на Марсовом поле, в Москве — на Красной площади. Кое-где одним из центральных моментов праздника была церемония вручения знамени рабочим полкам, торжественное переименование главной городской площади, открытие Народного дома. Вечерняя программа была не менее разнообразной: митинги (митинги-концерты), показ кинофильмов «по специальной программе»; спектакли и концерты к участию в которых были привлечены «лучшие художественные и артистические силы», (зачастую все зрелища бесплатные). В отдельных городах (Петроград, Москва, Екатеринбург, Нижний Тагил и др.) состоялись народные гуляния, была иллюминация. В Петрограде, например, праздник завершился фейерверком, устроенным матросами, пускавшими

³³ Красный праздник трудящихся//Рабочий край. 16 окт.

³⁴ Вичуга. Иваново-Вознесенской губ.//Рабочий край. 16 окт.

³⁵ День красного офицера//Коммунар. 26 ноября; День красного офицера//Красная газета. 23 ноября.

³⁶ В газетах чаще всего употребляется этот термин.

³⁷ 1-е Мая на Урале//Известия Пермского губ. исп. комитета Советов раб. и арм. депутатов (далее — Известия... Пермь), 15, 18, 19 мая.

кораблей ракеты и «огненные фонтаны», а в фабричном селе Родники Иваново-Вознесенская губ.) — несколькими ружейными залпами и залпом ракет.

1 Мая все города, особенно промышленные, имели праздничный вид. Цветовая гамма их убранства изобиловала зеленым (гирлянды из еловых веток) и всеми оттенками красного цвета (флаги, плакаты, «драпировка» фасадов зданий и т. п.). Красным цветом были окрашены и колонны демонстрантов: красные «бантики» или розетки на груди, красные ленточки («алые бабочки») на штыках пехотинцев и на пиках кавалеристов, красные знамена и плакаты над головой, красные флажки в руках детей, красная драпировка на везущих их автомобилях и т. п. Сливаясь, все это создавало впечатление огромной красной реки, струящейся по улицам и площадям городов и селений. Праздник был красным не только в переносном, но и в прямом смысле.

Это был праздник, которому стремились придать «грандиозный Всероссийский характер», о чем в частности свидетельствуют и упоминавшееся ранее Обращение ВЦИК, предлагавшее «всем Советам принять все меры к организации первомайского празднества, возможно лучше разработать его планы»³⁸, и газетные публикации конца апреля.

Подготовка к празднованию 1 Мая, развернувшаяся на местах, дала ощутимые результаты. Характерной особенностью его была вариативность и многокомпонентность не только массово-развлекательной, но и торжественной части. Последнее, на мой взгляд, служит убедительным свидетельством творческого участия в создании «сценария» праздника огромного числа людей.

Размах вариаций ритуала торжественной части Первомая был очень велик. Самый краткий «сценарий» (митинг, шествие) был в сельской местности. Самый развернутый — до десяти и более «актов» (если считать отдельным актом каждый митинг и шествие по новому маршруту) — в обеих столицах и некоторых губернских городах. Во Владимире, например, торжественная часть должна была начаться в 11 час. утра и закончиться в 7 час. вечера митингом на центральной площади. И все же, вне зависимости от «объема» торжественной части, основными ее компонентами («строительными кирпичиками») всюду были: митинг — траурная церемония — шествие. Последнее служило как бы связующим звеном, композиционной основой сценария, объединяя все его компоненты в единое целое.

6—9 Ноября — годовщина Октябрьской революции. В 1918 г. сроки (продолжительность) ее празднования не были едиными для всех губерний, что объяснялось политической и военной обстановкой. Например, в Калуге, Рязани, Твери, Туле праздник согласно распоряжению центра длился всего полтора дня (с 12-ти часов 6-го и весь день 7-го Ноября), а в Костроме и Иваново-Вознесенске — три с половиной дня (с 12-ти часов 6-го, 7, 8 и 9 ноября). Естественно и программа праздника различалась. Но картина торжеств везде была приблизительно одинаковой. В газетах, широко освещавших и приготавливших к празднику сами торжества, неизменно подчеркивались их грандиозность, массовость³⁹, активное участие в празднествах трудового населения. «Никогда ничего подобного не видела ни Россия и ни один из ее городов. Куда девалась обычная российская серость и неумение проявлять свои чувства на улице, — писал обозреватель газеты „Беднота“, — везде громадные толпы народа, везде самое непринужденное веселье»⁴⁰. На необычность празднования первой годовщины Октября, его непохожесть на государственные праздники дореволюционной России обращали внима-

³⁸ Декреты Советской власти. Т. II. С. 175.

³⁹ В Тихвине, например, в празднествах участвовало 5 тыс. чел., в Козлове — 1 тыс., в Твери — до 60 тыс., а в Воронеже в 38 праздничных колоннах, направлявшихся на братское кладбище шло около 100 тыс. чел., (среди них были и военнопленные — немцы, австрийцы, венгры). См. Советская провинция в великую годовщину//Известия, Тверь, 12 ноября.

⁴⁰ Годовщина революции в провинциальных газетах. По городам//Беднота. 23 ноября.

ние и тверские «Известия...»: «Это не „казенный праздник с ритуалом по заказу, не парад царского дня с бездумными и бессмысленными шествиями солдат, поедающими глазами начальство“, с безучастной толпой праздно зевак, чувствуется что-то необычное, новое...»⁴¹. Впервые в истории России народ праздновал день своей победы, день, открывавший новую эру в истории человечества. И именно этим определялись новизна, необычность празднования первой годовщины Октября — «праздника праздников», который по аналогии с главным христианским праздником часто называли *революционной, пролетарской, красной Пасхой*, подчеркивая тем самым его особое место в праздничном календаре Советской России.

Немалую роль в создании яркого, запоминающегося торжества сыграла и та огромная повседневная работа, которую в течение месяцев вели комиссии (комитеты) по подготовке празднования годовщины Октября, опиравшиеся на широкий круг советских и партийных работников, представителей профсоюзов, деятелей культуры и всех «сведущих в устройстве празднеств». Достаточно полное представление об основных направлениях их работы дает опубликованная в тверских «Известиях...» информация о местной комиссии, ее структуре и задачах. В сообщении перечислено семь подкомиссий, входящих в нее: лекционная, издательская, театральная, техническая, «по памятникам», «по общественным мероприятиям», продовольственно-хозяйственная. Задачи лекционной, издательской и театральной подкомиссий ясны из их названий. В обязанности технической подкомиссии входило: «украшение флагами, плакатами города, учреждений, устройство иллюминаций, постановка обелисков, трибун, арок; выработка маршрута торжественной манифестации и вообще вся техническая часть по организации праздника». Подкомиссия «по памятникам» ведала установкой памятников, переименованием улиц и площадей, украшением фасадов революционными изречениями. Подкомиссия «по общественным мероприятиям» занималась организацией приютов, яслей, библиотек, читален; продовольственно-хозяйственная — питательных пунктов⁴². В Костроме при Бюро Костромского комитета по организации праздника годовщины Октября была создана еще информационная комиссия с целью широкого освещения в местной печати всего материала, относящегося к празднованию деятельности местного комитета, комиссий, организаций и учреждений, работавших в этом направлении в других городах и местностях России и т. п.⁴³

Композиционной основой Октябрьского торжества как и Первого мая были митинг и манифестация⁴⁴. Наряду с манифестациями в большинстве городов 6—8 ноября прошли торжественные собрания (вечера), на которых подводились итоги первого года революции и определялись задачи на будущее, а кое-где и военные парады (Иваново-Вознесенск, Кострома, Красный Холм, Перемышль и др.). И торжественные собрания и военные парады сохранились в праздничном ритуале годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции до наших дней.

На собраниях, а в сельской местности на митингах, часто принимались «клятвы», резолюции, телеграммы в адрес В. И. Ленина и Советов народных комиссаров. Поток их был так велик, что В. И. Ленин «ввиду перегруженности телеграфной сети республики, предложил прекратить прием и передачу приветственных телеграмм, кипами посылаемых из провинции»⁴⁵.

⁴¹ Odius. Празднование годовщины Октябрьской революции. На Советской площади//Известия Рязанского губ. совета раб. и крест. депутатов (далее — Известия Рязань). 10 ноября.

⁴² Пролетарская Пасха//Коммунар. 20 окт.; В дни пролетарской Пасхи//Там же. 3 ноября; Красная Пасха//Беднота. 12 ноября и др.

⁴³ Празднование годовщины Октябрьской революции//Известия... Тверь, 10 окт.

⁴⁴ От информационной комиссии//Советская газета. 17 окт.

⁴⁵ Мазаев А. И. Указ. раб. С. 242, 259—265.

⁴⁶ Прекращение приема правительственных телеграмм//Коммунар. 22 ноября.

Важным компонентом церемониала Октябрьских торжеств, несущим большую идеологическую нагрузку, была траурная церемония, утверждавшая преемственность идей и поколений.

Составной частью октябрьского торжественного церемониала во многих городах и некоторых селах было открытие (закладка) обелисков в память революции, «памятных досок» павшим борцам, памятников «деятелям революции всех стран и времен и знаменитым писателям». В Москве, например, было открыто 10 таких памятников, обелиск в честь годовщины Октября (на Советской площади) и мемориальная доска работы С. Т. Коненкова на Кремлевской стене (у братских могил), в церемонии открытия которой участвовал В. И. Ленин⁴⁷. В Петрограде — два: памятник К. Марксу (у Смольного) и «Великому металлисту» — «могучий рабочий с молотом в руках, опирающийся на наковальню» (у Дворца труда)⁴⁸. В Слободске (Пермская губ.) открыли памятник Революции, в с. Кисловом Кунгурского у., Балашове, Воронеже, Ельце, Козлове, Твери и некоторых других городах и селах — памятники К. Марксу.

Не менее значимым компонентом торжественной части празднества было и открытие различных учебных заведений (пролетарские университеты, технические училища, школы), а также культурно-просветительных учреждений (фабричные театры, клубы, библиотеки, народные дома).

Частью праздничного ритуала в большинстве городов и сел в связи с тяжелым продовольственным положением в стране стало бесплатное угощение (обеда, чай с закуской, реже «паек») участников манифестаций, в первую очередь лиц, обучающихся военному делу, представителей села в городе и представителей города в селе, а также детей и нетрудоспособного населения. Детям сверх того еще давался подарок.

«Сценарий» празднования первой годовщины Октября, как и 1 Мая, был настолько насыщен всевозможными мероприятиями, что исключал развитие домашне-бытовой части праздника.

Художественное оформление праздника отличалось не меньшим разнообразием чем его состав. В большинстве городов оно имело «свое лицо», на что обратили внимание и современники⁴⁹. Праздник всюду начинался по-своему. В Петрограде о его приходе возвестили 25 пушечных выстрелов, раздавшихся в 12 час. ночи 6-го ноября, в Костроме — три фейерверочных выстрела — в 12 час. дня, в Солигаличе — конные трубачи и т. п. Но самый мощный сигнал-салют прозвучал в Нижнем Новгороде. 6-го ноября в 12 час. дня там раздался пушечный выстрел. И тут же «воздух огласился длительным гулом свистков и гудков со всех фабрик и заводов. Неистово свистели железнодорожные паровозы и на тысячи ладов переливались пароходные свистки и сирены»⁵⁰.

В некоторых городах праздничные шествия обогатились карнавальными элементами — предвестниками агитмаскарада и политкарнавала, расцвет которых пришелся на середину 1920-х гг. В Перми, например, «военный карнавал» изображал «революцию, предсмертные судороги империализма, смерть империализма..., раболепие духовенства перед самодержцами-императорами и т. д.»⁵¹. Иной сюжет был представлен в Городце. На колеснице, запряженной тройкой лошадей, находилась «живая символическая картина», изображавшая «рабоче-крестьянскую социалистическую Россию». За ней следовал «возница с тт. К. Марксом и Лениным (...прекрасно загримированные товарищи коммунары)»⁵².

⁴⁷ Торжества в Москве. Съезд идет//Беднота. 9 ноября; Октябрьские торжества в Москве. Шествие и открытие памятников//Коммунар. 9 ноября.

⁴⁸ Памятник «Великому металлисту»//Красная газета. 9 ноября.

⁴⁹ Советская провинция в великую годовщину.

⁵⁰ Октябрьские торжества в Нижегородской губ.//Нижегородская коммуна. 12 ноября.

⁵¹ Праздник революции//Известия... Пермь. 10 ноября.

⁵² Из Городца, Балахнинского у.//Нижегородская коммуна. 12 ноября (По губернии).

Впечатляющим зрелищем было состоявшееся в ряде городов уничтожение символов старого строя, принимавшее разные формы. В Москве, например, это были факельные шествия, организованные в разных районах города вечером 6 ноября. Они направлялись к 11 площадям, на которых при огромном стечении народа сжигались эмблемы старого строя — набитые соломой чучела кулака, помещика, купца и пр. Таковой «спектакль» был разыгран на Красной площади, где на Лобном месте сожгли чучело кулака. В этом «спектакле» были заняты и участники Всероссийского съезда бедноты, обряжавшие чучело⁵³. «Как остатки старого мира» под радостные крики «Ура» в последний день праздника сожгли чучело в одной из деревень Елизаровской вол. Павловского уезда Нижегородской губ.⁵⁴ В Воронеже была сожжена «гидра контрреволюции» в виде змея с тремя головами — царем, попом и кулаком⁵⁵. В Белозерске «чучело капитализма» сбросили с трибуны⁵⁶.

По сравнению с 1 Мая в провинции разнообразнее стало и художественное оформление колонн манифестантов. На их знаменах теперь можно было увидеть картины, насыщенные революционной символикой. Так в Иванове-Вознесенске обращали на себя внимание изображения Геркулеса, который в «железных тисках душит черного орла» и исполненная фигура рабочего, дробящего молотом разорванные цепи⁵⁶. Революционной символикой были пронизаны и огромные панно, украшавшие городские площади и здания⁵⁷. В селе символом праздника по-прежнему оставалось только красное знамя.

Празднование первой годовщины Октябрьской революции было не менее ярким явлением новой праздничной культуры русского народа. При едином для всей республики содержании и очень близком сценарии праздника в нем обнаруживается много вариантов художественного оформления одного и того же компонента, что свидетельствует об активном участии «низов» в его создании. Там, где традиционная праздничная культура сохранилась лучше, она накладывала отпечаток на общие, как бы унифицированные компоненты праздника. Так в Снотской волости Брянского уезда Орловской губ. толпа крестьян ходила в деревню в деревню по старому русскому обычаю с хлебом-солью⁵⁸. В Климовичах вечерние митинги происходили на площади, освещенной горящими смоляными бочками⁵⁹. Не чужд народной праздничной культуре и обряд уничтожения символов старого строя. Еще в начале XX в. в отдельных районах России сохранялись ритуальные проводы-похороны различных мифологических существ (Семика, Кострома, русалка и др.) а также сжигание Масленицы, входившие в состав аграрной обрядности весенне-летнего цикла. Однако в октябрьских торжествах этот компонент древней аграрной обрядности, изначально — один из элементов продуцирующей магии, приобрел совершенно иной смысл. Теперь это был политический, а не магический акт, ибо вместо умирающего и воскресающего божества «хоронили» (сжигали или уничтожали) символ ненавистного прошлого, которому не должно быть возврата.

Однако в целом, в ранних советских праздниках, впитавших в себя и элементы городской праздничной культуры (преимущественно в массово-развлекательной части) преобладали пролетарские традиции. Эти праздники явились логическим продолжением и развитием таких символических для революционной эпохи форм общественного быта как митинг и демонстрация (шествие), ставшие, как уже отмечалось, композиционной основой новых праздников, отличительной особенностью

⁵³ Торжества в Москве. Сожжение кулака//Беднота. 9 ноября.

⁵⁴ Крейгман Т. Три дня радости//Беднота. 30 ноября.

⁵⁵ Советская провинция в великую годовщину.

⁵⁶ Красный праздник трудящихся//Рабочий край. 9 ноября.

⁵⁷ Подробно о художественном оформлении праздников 1918 г. см.: Ростовцев В. Участие художников в организации и проведении праздников 1 Мая и 7 Ноября 1918 году//Агитационно-массовое искусство первых лет Октября. М., 1971; Мухомов А. И. Указ. раб., с. 263—277.

⁵⁸ Алтаев Ал. Праздник алого знамени в деревне//Коммунар. 23 ноября.

⁵⁹ Советская провинция в великую годовщину.

торых были торжественность и массовость. Генетически восходя к формам классовой борьбы, митинг и демонстрация приобрели в новых праздниках ритуальное значение, подчеркивая гражданский характер торжеств и их связь с революционной борьбой.

Широко представленная в газетах 1918 г. информация о различных стадиях разработки праздничного ритуала 1 Мая и особенно годовщины Октября (дающая возможность сопоставить планируемое и осуществленное), а также многочисленные описания торжеств, проходивших в разных городах, уездах, волостях и отдельных селах, позволяют утверждать, что в создании ритуалов «красного календаря» активно участвовало все трудовое население Советской России, ставшее на сторону Советской власти. В конечном итоге именно оно и было главным действующим лицом и творцом новых праздников, рожденных Великой Октябрьской Социалистической революцией.

«Красный календарь», сложившийся в первый год революции, был закреплён в декабре 1918 г.⁶⁰ «Правилами об еженедельном отдыхе и о праздничных днях» (Приложение к ст. 104 «Кодекса законов о труде») в соответствии с декретом об отделении церкви от государства были установлены новые государственные праздники, «посвященные воспоминаниям об исторических и общественных событиях»: 1 января — Новый год, 22 января — день 9-го января 1905 г., 12 марта — день низвержения самодержавия, 18 марта — день Парижской коммуны, 1 Мая — день Интернационала и 7 Ноября — день пролетарской революции⁶¹.

⁶⁰ Вызывает недоумение утверждение А. И. Мазаева (Указ. раб. С. 235—236) о введении новых («памятные дни великих событий революционной борьбы трудящихся России и всего мира») и отмене «религиозных и старорежимных» праздников декретом о введении в Российской республике западноевропейского календаря», принятым 1 янв. (6 фев.) 1918 г. В этом декрете вопрос о праздниках не затрагивался даже косвенно (см.: Декреты Советской власти. 25 октября 1917 г.—16 марта 1918 г. М., 1957. Т. 1. С. 404—405). Нет достаточной четкости в освещении хронологии раннего этапа «красного календаря» и в работе Л. А. Тульцевой (Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985. С. 19—20).

⁶¹ Декреты Советской власти. 10 ноября 1918 г.—31 марта 1919 г. М., 1968. Т. IV. С. 190.

О. Р. Будина, М. Н. Шмелева

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИОННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В настоящее время внимание исследователей в разных областях гуманитарных знаний все более обращается к вопросам культурной преемственности, ее особенностям и роли в развитии общества. В этнографической науке особое значение при этом приобретает многоплановое, дифференцированное изучение этнокультурной традиции. В последние годы, как известно, на страницах журнала «Советская этнография» состоялись дискуссии, был опубликован целый ряд статей, которые способствуют осмыслению механизма функционирования и трансформации традиций. Продолжая эту тему, мы хотим остановиться на вопросах, связанных с характеристикой исторически сложившейся этнокультурной ситуации и ее оценкой. По существу это специальная проблема, которую, на наш взгляд, можно назвать проблемой традиционности.

Конкретный анализ культурно-бытового опыта и постоянно возникающих ситуаций, естественно, может быть осуществлен на материале разного времени и разных этнических или социальных сред. Поставить эту проблему применительно к современному русскому городу нас побудило

сложившееся на основании всех предшествующих исследований и деленное представление о соотношении культурных явлений, входящих в современный фонд бытовой культуры. При этом необходимо иметь в виду, что генетическая общность таких структурных единиц общности, как город и село, и неизбежные взаимодействия и взаимообмен в пределах их культурного фонда дают основания подходить к бытовой культуре городского и сельского населения как к вариантам национальной бытовой культуры¹.

Известно, что в современном фонде бытовой культуры содержатся как унифицированные неэтнические компоненты, так и этнические, имеющие разное происхождение и разные ареалы. Для городского варианта бытовой культуры в особенности характерна, как мы убедились, большая насыщенность этнически не маркированными явлениями. Вместе с тем он непременно включает культурные формы, в которых реализована этническая специфика культуры. Традиционные комплексы, свойственные культуре того или иного народа, часто бывают очень активными и перерабатывают, приспособливают, иногда как бы ассимилируют стародавние и «чужеродные» элементы.

Проблема традиционности, в целом многоплановая и очень обширная, предполагает сопоставительный характер анализа². Она может рассматриваться, как нам кажется, на данном этапе прежде всего при рассмотрении следующих предварительных вопросов. Это, во-первых, распространенность, или степень бытования тех или иных традиционных явлений, во-вторых, состояние самого этнографического явления.

Степень бытования, распространенность, — известная этнографическая категория, которая обычно используется для сопоставления своего рода количественная мера функционирования бытовой культуры. Что касается состояния этнографических явлений, или реалий, то здесь предполагается определение прежде всего их содержательной стороны, которая обнаруживается путем сравнения со стереотипом, типовой моделью, принятой в каждом отдельном случае за отправную точку счета.

Обращаясь к традиции как необходимому условию трансмиссии функционирования культуры, можно заметить, что, находясь в постоянном движении, она поддерживает более или менее длительное существование этнокультурных явлений, вызывает их повторение в различных вариантах в зависимости от подвижных, изменяющихся условий³.

Реализация традиции в современной бытовой культуре приобретает разное выражение, что свидетельствует о различном ее состоянии. Так, состояния непременно имеют временной и пространственный параметры. В определенном исторический момент традиции существуют, зафиксированы в том или иной ареал, либо отсутствуют в рассматриваемых границах. Сравнение конкретных культурно-бытовых ситуаций может показывать изменения, происходящие в традиции и культуре. В целом подобные наблюдения могут касаться не только факта существования традиции и ее количественного увеличивающегося или уменьшающегося ее ареала, но и содержательной стороны. Так, реализованная в культурном явлении традиция может остаться более или менее полной, если можно так сказать интенсивной по сравнению со взятой в качестве отправной точки моделью. Когда традицию изображают графически, это обозначается в виде пучка неодинаковой плотности информационных связей⁴.

В разных областях (сферах, участках) бытовой культуры состоя-

¹ Будина О. Р., Шмелева М. Н. Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города // Сов. этнография (далее — СЭ). 1982, № 6. С. 27—28.

² Такой анализ проведен авторами в подготовленной к печати монографии, посвященной развитию и функционированию этнических традиций в современном русском городе.

³ См. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. С. 118, 119 и др.

⁴ См., например, Куббель Л. Е. Культурная традиция в информационной сети культуры: функционирование и трансформация // СЭ, 1985. № 6.

традиции и бытование ее компонентов имеют разное выражение. Это связано как с неодинаковой природой самих сфер, в которых реализуется традиция, так и с факторами, преимущественно действующими в той либо иной области культуры. От совокупности всех этих условий в конечном итоге зависят характер и степень, или уровень, традиционности определенной среды.

Мы специально остановимся на различных по своей природе участках бытовой культуры, чтобы показать, каково «поведение» традиции в каждом из них. В свою очередь это даст возможность сопоставить их между собой, чтобы выявить степень традиционности.

Из материальной культуры мы выбрали для рассмотрения поселенческо-жилищный комплекс. Хотя вся область материального быта характеризуется тем, что служит удовлетворению первейших потребностей людей (на чем во многом и основывается ее условное единство), каждый из компонентов материальной культуры обладает только ему присущими свойствами. В равной мере жизненно необходимые для человека элементы материального быта существенно различаются между собой по формам развития и особенностям функционирования. И если некоторым элементам свойственны изменчивость и быстрая сменяемость, то специфика поселений и жилища заключается как раз в долговременности их существования. Представляя собой вещественное воплощение культурных традиций разных эпох — как настоящего, так и прошлого (иногда далекого прошлого), — они оказываются включенными в культурно-бытовую систему жизни нескольких (а порой многих) поколений людей. Не случайно поэтому поселения и жилища, будучи элементами материальной культуры, обычно насыщены информацией социального порядка, что также составляет их особенность. Нужно сказать также, что городской поселенческо-жилищный комплекс представляет собой более сложное явление, чем сельский вариант этой области культуры (что во многом связано с большей, по сравнению с сельской, капиталностью в застройке городов и лучшей сохранностью там материальных памятников). В городских условиях, как правило, наблюдается и больший диапазон сочетания культурных форм и их функционирования.

При выявлении содержательной стороны традиции в современном поселенческо-жилищном комплексе русских городов мы будем ориентироваться на слои традиционной культуры второй половины XIX — начала XX в. и соответственно на бытующие в нем стереотипы. Естественно, мы имеем в виду, что целый ряд типовых моделей этого периода формировался значительно раньше и на протяжении длительного времени. Однако в данном случае исходить мы будем из того, что в указанный период эти модели реализовывались в культурном явлении в полном своем объеме, составляя неотъемлемое достояние традиционной русской культуры. Здесь уместно заметить, что, говоря о традициях русского народа, в частности в области поселений и жилища, мы не считаем эти традиции исключительно принадлежностью бытовой культуры русских. Традиции, при формировании которых важное место принадлежит физико-географическим условиям, могут иметь (и имеют, как правило) более широкий, чем в других случаях, ареал и более восприимчивы к иноэтническим воздействиям. Вместе с тем на определенном отрезке времени традиции поселенческо-жилищного комплекса входят в систему ценностных ориентаций именно русского народа, что и является определяющим моментом при их квалификации.

В рамках журнальной статьи нет возможности привести анализ, который был проделан для выявления форм реализации типовых представлений о поселении и жилище в современности. Поэтому мы даем лишь некоторые итоги, полученные в ходе рассмотрения этой проблемы на материале Центрального района РСФСР. Оно велось в двух временных срезах (конец XIX — начало XX в. и 1980-е годы) при систематическом сопоставлении сельского и городского вариантов культуры. Критериями для систематики этнографических данных нам послужили результаты обобщений, сделанные в известных трудах по русским поселениям

и жилищу⁵. Жилище (более исследованная сфера) рассматривало согласно его типобразующим признакам (материал, конструктивные особенности, планировка жилого помещения, связь с хозяйственными постройками), с ориентацией на выделенные типы русского народного домостроительства. При анализе же поселений мы опирались прежде всего на наиболее важные для этнографической классификации этого элемента признаки: расположение поселения на местности, его планировка, особенности расселения жителей.

В целом можно сказать, что традиции поселенческо-жилищного комплекса, реализующиеся в современном русском городе, значительно различаются по своему состоянию. Их содержательная сторона, интенсивность неодинаковы в различных группах явлений этого участка культуры. Наибольшая полнота традиции обнаруживается на уровне общетипа, модели традиционной народной культуры. В качестве примера можно привести прибрежный тип заселения. Все города Центральной России, несмотря на их разрастание и изменение соотношения частей, расположены, как и сельские поселения в этих краях, по берегам рек и озер. В свою очередь бытование различных типов традиционной планировки (радиальная, кольцевая, квартальная, уличная) определяет, как правило, современную структуру городских поселений, а центр города неизменно выделяется при функциональном распределении городского пространства. В жилом фонде городов рассматриваемой зоны, наряду домами новых конструкций, существенное место занимают деревянные постройки, выполненные в типичной для русского бревенчатого жилища срубной технике.

Формирование традиций, лежащих в основе указанных явлений, относится, как правило, к отдаленному прошлому и в ряде случаев характеризует в целом культуру восточнославянских народов (естественно, это не исключает, как мы отмечали, и более широкого ареала этих явлений)⁶.

Будучи типобразующими, многие традиционные особенности поселений и жилища предстают в XIX — начале XX в. и в наши дни в неодинаковых вариантах и специфическом соотношении в сельской и городской среде. Так, в некоторых особенностях городского жилища нам удалось уловить даже локальные черты, свойственные крестьянскому строительству. Например, в городах Костромской области, относящейся к северной части исследованной зоны, и прежде, и теперь для сооружения стен и кровли в большей мере, чем в других районах, используют древесные материалы. Вместе с тем целый ряд других особенностей выступает в наиболее общих для русского народного жилища формах. Например, бытование русской печи, использование традиционных видов сруба и т. д.

О стойкости традиционного стереотипа жилища говорит не только наличие деревянного зодчества в русских городах (в особенности в средних и малых), но и дальнейшее развитие ряда его особенностей. Это относится к эволюции внутреннего устройства срубного дома и особенно заметно в его наружном декорировании. Резьба, которая украшает современный городской деревянный дом, является непременным элементом русского народного жилища в зоне распространения бревенчатого строения.

⁵ См.: Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения)//Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XXXI). М., 1956; Витов М. О классификации поселений//СЭ, 1953. № 3; его же. Вопросы этнографической систематики восточнославянского народного жилища (классификация типов застройки усадьбы)//Вестн. МГУ. Историко-филологическая серия. 1958. № 4; Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX — начало XX в.). М., 1967 (текст и карты); Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX — начало XX в. М., 1970; Чижикова Л. Изучение сельского жилища восточных славян. Итоги и задачи классификации//СЭ. 1975. № 4; и другие более частные работы.

⁶ См. также: Будина О. Р., Шмелева М. Н. Указ. раб. С. 33.

тельства⁷. Она традиционно украшает определенные детали дома: наличники, фронтоны, крыльца, светелки. При этом в орнаментике, используемой в декоре городского дома, преобладают те же мотивы и сюжеты, что и в сельском доме, а технические приемы выполнения резьбы также сходны.

Изменение содержательной стороны традиции или сокращение ее «плотности» можно увидеть в обширной группе явлений. Это и разнообразные варианты «замещения», возникающие при реализации типовой модели в современности, и намеренное включение традиционных элементов в новую культурно-бытовую модель, а также отдельные, разрозненные детали или черты прежнего стереотипа, бытующие на фоне унифицированных реалий. Все это свидетельствует о той или иной мере трансформации некогда «полной» традиции, стереотипного представления.

В качестве примера можно привести формирование во многих городах второго, «нового» центра, который делит со «старым» функции прежде единого городского центра. Микрорайоны, новый тип свободной планировки городского пространства, включают в себя, как правило, и элемент уличной застройки — традиционного способа планировки. С другой стороны, следует отметить, что среди различных типов планировки, которые так или иначе сочетаются в городах, нам встречалась даже рядовая застройка, генетически связанная с ранними формами организации русских поселений.

Весьма выразителен, на наш взгляд, факт «сокращения» традиции, заключающийся в замене традиционного строительного материала при реализации типовой модели связи (соединения) жилых и хозяйственных построек. Во Владимирской области (города Вязники, Гороховец) мы наблюдали, например, как дом и двор, объединенные по типу «слитной» (или скрытой) связи, полностью или частично сооружались не из бревен, как принято в традиционном жилище, а из кирпича. В свою очередь бытование русской печи, отмеченное в городских домах традиционного типа, в наши дни функционально ограничено наличием других видов отопления и агрегатов для приготовления пищи и обогрева (газ, водяное отопление). Следует отметить, что ограничение функции влечет за собой изменение местоположения печи в деревянном доме и нарушение такого важного признака в системе традиционного жилища, как тип его внутренней планировки. Заметим, что северно-среднерусский тип внутренней планировки в городах (характерный и для крестьянского жилища рассматриваемой зоны) в конце XIX — начале XX в. был распространен в большей мере, чем в настоящее время. Кроме того, как прежде, так и теперь имеет место такая организация жилого пространства, когда комплекс признаков северно-среднерусского типа обнаруживается в пределах одного помещения (а не всего дома) либо встречается в сокращенном виде.

Особое внимание обращают на себя те случаи, когда состояние традиции настолько неполно или малоинтенсивно, по сравнению с взятым в качестве модели стереотипом, что позволяет выделить лишь отдельные черты, напоминающие о прошлом типовом явлении, или даже говорить об изменении характера материализации традиции. Это, например, такие разрозненные фрагменты традиционного поселенческо-жилищного комплекса, существующие на фоне современного урбанизированного поселения, как колодец на улице, или мостки на реке для полоскания белья в пределах городской черты, либо деревянные ворота — важная композиционная деталь традиционной усадьбы, а иногда мостовая из дерева (например, Костромская обл., г. Солигалич) — элемент городского благоустройства в прошлом. Это и некоторые топонимы, например: характерное для старого города компактное расселение социально-профессиональных групп, оставившее следы в названиях улиц, переулков, иногда целых частей города. Об этом же свидетельствуют и прежние городские

⁷ Рожdestвенская С. Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы. М., 1981.

укрепления, которые превратились ныне в бульвары для прогулок, и называются до сих пор нередко «валами» и «осыпями».

Рассматривая вопрос о степени бытования тех или иных явлений селенческо-жилищного комплекса, мы обращались к данным о функционировании существующей застройки и современной планировке города. В отношении жилища оказалось плодотворным использование понятия «массовое жилище», т. е. жилище основных групп городского населения. Анализ показал, что если в конце XIX — начале XX в. массовое жилище в русском городе строилось в основном согласно традициям народного зодчества, то для послеоктябрьского периода характерно ограничение бытования в городе образцов традиционного народного жилища. Традиционное жилище в наши дни стало лишь одним из типов (обычно не доминирующим) массового жилища горожан. Значительную часть жилого фонда в современном русском городе составляют многоквартирные дома нетрадиционных конструкций. О соотношении традиционных и нетрадиционных компонентов в современном жилище более точно позволило судить сопоставление домов разных типов не только по численности, но и в связи с площадью, которой они располагают. В данном случае это послужило известной мерой функционирования жилища, определяющей его место в системе бытовой культуры народа.

Обращаясь к области семейного быта, связанной почти со всеми сторонами человеческой жизнедеятельности, отметим, что для нее в особенности характерна большая неоднородность традиций, многообразие «поведения». Семью, ее повседневный бытовой уклад в этнографических исследованиях принято рассматривать как одну из сфер народной жизни, обладающую наиболее устойчивым этническим своеобразием. Именно в семейном быту, в интимном, закрытом от постороннего взгляда, закреплённом обычаем порядке повседневного существования и поведении, который сохраняется в семейно-родственной среде из поколения в поколение, этнографы не без основания ведут поиск причин сравнительно устойчивости многих традиций, поддерживающих территориальное и временное единство людей в пределах их этнической принадлежности.

Вместе с тем семья, по своей социальной природе сопряжённая с обществом многочисленными разнообразными связями, так или иначе отражает изменения, происходящие в обществе и, пожалуй, не менее, а иногда и более непосредственно, чем другие области культуры и быта, бывает подвержена изменениям сама со всеми своими взаимоотношениями и исторически сложившимися установлениями.

По отношению к обществу семья выступает в двух функциях. Как социальный институт, обладающий определённой суммой правовых норм, она в известной мере автономна в своем укладе и во многом должна определять поведение своих членов дома и в обществе. Как малая социально-психологическая группа особого рода (основанная на родстве), члены которой связаны с обществом не только через нее, но и непосредственно — каждый сам по себе, семья допускает или вынуждена допускать известную самостоятельность мнений и поступков своих членов и следовательно открыта влиянию общества через эти связи. Отсюда та двойственность, которая вернее — то диалектическое единство стойкости и изменчивости традиций, которое господствует в современном семейном быту.

Особенно заметно эта сложность механизма традиции сказывается в современной городской семье. В городе быстрее проходят эволюционные процессы, стимулируемые урбанизацией и культурным развитием, и то же время традиции здесь не только сохраняются, но и постоянно поддерживаются, в частности, в результате оживлённой миграции населения из села в город и стабильных тесных связей большей части городского населения с селом.

На развитие такого сложного феномена, как семья, оказывает влияние множество факторов. Но, как показывают исследования, наиболее сильными и «влиятельными», непосредственно воздействующими на семейно-бытовую сферу, являются социальные факторы. Известно, что социально-экономические и идеологические изменения, произошедшие

после Октябрьской революции, привели и к сложению новой по своей социальной сущности семьи. Решающими моментами оказались отмена частной собственности на средства производства, уравнивание в общественных правах женщины с мужчиной и участие ее в общественном производстве. Природа семьи такова, что закономерности ее развития и роль традиций определяются прежде всего социально-экономическими и идеологическими основами, присущими той исторической формации, в которой она существует⁸.

Изучение культуры и быта современного русского городского населения Центрального района РСФСР с точки зрения формирования, функционирования и трансмиссии традиций показывает, что традиционность в семейно-бытовой сфере в настоящее время заключается вовсе не в сохранении типов семьи, имевших распространение среди горожан прежде, кажем в предреволюционные годы. Современная семья отличается от старой своей экономической основой, порядком наследования имущества, иным положением женщины, демократическим характером семейного строя и многими вытекающими отсюда последствиями. Однако дело обстоит не столь просто, как кажется. Установлено, что в основу развития главных особенностей современной городской семьи (а вслед за ней и крестьянской) легли позитивные, по нашей оценке, традиции, зародившиеся еще в капиталистический период в среде передовых промышленных рабочих⁹. Современную семью в известном смысле можно считать традиционной. Унаследовала она, естественно, от прошлого и традиции разных слоев городского населения, формировавшиеся в разное время; проявления их разнообразны и порою противоречивы.

Такое впечатление создается в результате присущей традиции двузначности (стойкости, стабильности и большой подвижности, вариативности), благодаря которой и обеспечивается сохранность национальной (этнической, региональной, локальной) специфики этнокультурных явлений в их развитии.

Проявление подобной мнимой противоречивости можно наблюдать в развитии центробежной и центростремительной тенденций в современной городской семье. Развитие центробежной тенденции, при которой происходили уменьшение семьи и упрощение ее состава, началось давно и имеет уже свою историю¹⁰, хотя никогда еще не принимало таких размеров, как теперь. Казалось бы, такое развитие приведет семью к изоляции от родственников, если не к деструкции, то к обеднению ее связей. Однако, как показывают исследования, одним из результатов стремительного развития в наши дни процесса разукрупнения и становления нуклеарной семьи как ведущей ее формы несколько неожиданно явились усиление и расширение традиционных, правда, трансформированных по своему характеру, связей между близкородственными семьями. Эти связи как бы компенсируют утрату отдельных звеньев внутренних связей семьи.

Изменение в современных условиях давно установившегося порядка общения семьи с ближайшими родственниками способствует сохранению взаимоотношений, характерных для широко распространенной у русских горожан (да и крестьян) семьи в три поколения, включающей супругов с их родителями и детьми. С помощью этих межсемейных связей в настоящее время происходит как бы актуализация традиционного стереотипа семьи, как можно предположить, наиболее свойственного русским.

Внешние традиционные связи городской семьи (родственные, соседские, земляческие, производственные и др.), несмотря на рост материально-хозяйственной и духовной независимости ее, в настоящее время не потеряли своего значения и выполняют в быту свойственные им роли,

⁸ См.: Ганицкая О. А. Семья: структура, функции, типы // СЭ, 1984. № 6. С. 28.

⁹ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М., 1974. С. 168.

¹⁰ См.: Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР, 1981. № 3. С. 78—96; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 180; и др.

дополняя друг друга. Характер проявления их в современном городе определяется в значительной мере реальными условиями жизни города: их социально-экономическим и культурным статусом, а также особенностями формирования населения и жилищно-поселенческого комплекса. За годы социалистического строительства в содержательной части, и в характере функционирования этих связей, особенно родственных и соседских, появилось много нового по сравнению с прошлым. Тем не менее они в целом поддерживают традиционную основу бытового общества современного городского населения, издавна сложившуюся у русских. Здесь также происходит реализация привычного традиционного представления о как бы обязательных семейных связях, полностью определяющих образ жизни горожан. И все же, конечно, современные семьи строят не по традиционной модели, так как под влиянием изменившихся условий в процессе передачи традиций из поколения в поколение изменились и формы ее реализации. Так, например, ставшее необязательным соблюдение принципа иерархии, на котором прежде строились эти связи, особенно родственные, сменила избирательность, основанная на близости интересов.

Наряду с этим в некоторых случаях традиции выражаются в сохранении более или менее неизменной формы того или иного семейно-бытового явления, тогда как содержание его сильно изменилось. Порою эти явления как некие элементы старой модели семьи как бы «выпадают» из схемы современной семьи, но в действительности поддерживают в ней известный уровень традиционности. Примером может служить представление о необходимости главенства в семье, которое стойко удерживается в быту подавляющего большинства городских семей, тогда как в само традиционное понятие «глава семьи» с течением времени стал вкладываться иной, чем прежде, и зачастую разный смысл. Да и характер главенства сильно изменился. Теперь речь идет скорее о лидерстве в семье, о роли в ней организатора, а не о главенстве в том смысле слова, в каком оно понималось в контексте старого быта.

Так же можно рассматривать традицию наследственной преемственности профессии в семье, изменившуюся по сравнению с дооктябрьским периодом и по содержанию, и по форме. Для города она имела большее значение, особенно в среде «мастеровых», ремесленников, торговцев, где была одним из важнейших моментов социализации подрастающих поколений горожан. В настоящее время изменились общие условия жизни горожан, сами производства, содержание профессий, а старая традиция в измененном виде оказывает влияние на развитие современных профессиональных занятий горожан и профессиональную ориентацию молодежи.

В современной семейно-бытовой сфере русских горожан есть и такие традиции, которые, сохраняя свою ценность в представлениях людей, удерживаются в быту, несмотря на неблагоприятные для них объективные условия. К ним можно отнести, например, обычай ежедневно собираться всей семьей за обеденным столом, чтобы совместно за беседой провести главную трапезу дня. В настоящее время этот обычай в силу различных причин удается соблюсти далеко не всегда, но стереотип его прочно укрепился в сознании горожан, видящих в нем, вероятно, выражение «сущности» семейной жизни.

В быту городских семей встречается и множество отдельных традиционных черт, вкрапленных в «контекст» современной жизни как бы почти не затронутых временем, мало измененных, силой впечатления при встрече с ними переносящих нас в прошлое. Назовем среди них, например, обычай «глядеть свадьбу», особенно в малых городах, и поведение посторонних «глядельщиков» на свадьбе, содержание некоторых горожанами квартирантов на пансионе, прием горожанами земляков из деревни и др.

В целом для традиционности в семейно-бытовой сфере русских городов в настоящее время характерны активность и многообразие происходящих трансформаций. Помимо закрепления в быту новых обычаев,

становящихся традиционными, происходит интенсивный отбор старых, в которые вносится новое, необходимое для их дальнейшего функционирования в современных условиях. При этом одни традиции получают так сказать «магистральное» развитие, другие же как бы отбрасываются на периферию быта, где они меняются медленнее.

Обратимся теперь к духовной культуре современного городского населения и рассмотрим общественные праздники. Отделяемые, хотя и несколько условно, от семейных праздников, они также образуют специфическую сферу народной жизни, особенности которой обусловлены самой природой общественных праздников, тесно связанных с идеологией¹¹. Идейная направленность, лежащая в основе праздников, составляет вместе с тем и движущую силу их развития. Становление культурно-бытовых форм в этой сфере, формирование и трансмиссия традиций, происходит здесь в основном в связи с достижениями общества на пути социального прогресса и перспективами его дальнейших свершений. Отсюда одна из характерных черт современных общественных праздников — распространение в них многих общесоветских обычаев, обрядов, ритуалов и церемоний, бытующих у разных народов страны и как бы лишенных этнической окраски.

С другой стороны, общественные праздники как часть духовной культуры народа тесно связаны с этническим сознанием и аккумулируют богатейший народный опыт праздничного общения и праздничной культуры в целом, полученный от предшествующих поколений и составляющий прочную традицию.

Кроме того, своеобразие этой сферы объясняется ее основной функцией — удовлетворением потребностей населения в периодическом отдыхе, отключении от однообразия будней, в различных видах свободного общения.

В результате влияния этих факторов развитие традиционности в общественных праздниках отличают большая динамичность основных процессов, быстрая сменяемость форм. Интенсивность трансформаций приводит к значительным, а иногда и коренным изменениям в этой области. В то же время устойчивость некоторых особенностей быта удерживает на его периферии старые, отжившие и даже раритетные формы. Наряду со стихийным приспособлением традиций к изменившейся обстановке большую роль на этом участке культуры играет профессиональное творчество, которое подчас стремится к прямому вмешательству в эволюцию национальной праздничной культуры.

Рассмотрение праздников с точки зрения содержания реализующихся в них традиций дает различные результаты. Диапазон вариативности в праздничной культуре необыкновенно широк в силу природы этой сферы, сочетания в ней стихийного и целенаправленного творчества, подвижности форм, способных к замещению и регенерированию.

В настоящей статье мы не сможем дать целостную систему праздничных явлений, поэтому остановимся прежде всего на тех, которые особенно характерны для данной сферы культуры. Так, современные общественные праздники характеризуются наличием в них большого числа новых культурно-бытовых форм. Несмотря на относительную «молодость» (сложение этих форм происходило в советский период), некоторые из них достигли такой стадии, что могут рассматриваться в качестве стереотипов. Это — большинство советских государственных праздников, среди которых связанные непосредственно с победой социалистической революции: годовщина Октябрьской революции, День международной солидарности трудящихся и более поздние, в том числе быстро упрочившийся День Победы. Нужно сказать, что праздничный комплекс¹² этих торжеств по сравнению с другими наиболее развернут; он содержит в

¹¹ Бромлей Ю. В. Новая обрядность — важный компонент советского образа жизни // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981. С. 10—11.

¹² О понятии «праздничный комплекс» см.: Будина О. Р., Шмелева М. Н. Общественные праздники в современном быту русского городского населения // СЭ, 1979. № 6.

развитом виде торжественный, массово-развлекательный и домашний компоненты.

В группе производственных праздников, также возникших в советское время, в свою очередь некоторые торжества уже можно считать сложившимися на уровне модели. Это праздники, посвященные прославлению некоторых профессий (День шахтера, День металлурга, День текстильщика, День учителя, День судостроителя и т. д.); посвящение рабочего класса, которое стало традиционным на различных промышленных предприятиях; чествование ветеранов труда, также осуществляемое повсеместно. Нужно сказать, что производственные праздники являются в основном принадлежностью общественного быта. Однако порой в их среде (это может быть город, или коллектив предприятия, или отдельные группы внутри него), где личное и общественное начала оказываются в большой мере связанными между собой, успевший войти в общественную жизнь трудовой праздник переходит и в домашнюю сферу с характерными для него гостеванием и застольем.

Среди современных сезонных праздников наиболее приближен к стереотипу, думается, такой праздник, как Проводы русской зимы. При всей разнообразии и вариативности деталей основные компоненты праздника, действующие персонажи, его идеологическая направленность достаточно устоялись. Праздник Проводов русской зимы хорошо знают, он стал традиционным, при этом его не путают со старой Масленицей, элементы которой присутствуют в Проводах русской зимы.

Неполные или фрагментарные воплощения некогда традиционной модели, праздничного стереотипа, представлены чрезвычайно широким кругом современных праздников. Как видно, высокая динамичность праздничных форм связана с природой духовных явлений, более свободных в своем «поведении» по сравнению со сферой материальной культуры¹³.

Фрагменты былых моделей, неодинаковые по своему объему, весьма различны как по характеру и роли в функционировании современной праздничной культуры, так и по «возрасту» — временной глубине функционирования первичного стереотипа. Наряду с новыми обычаями и обрядами, зачастую имеющими интернациональный характер (например, митинг, собрание, демонстрация в торжественной части государственных праздников), в отдельных компонентах праздничного комплекса различных торжеств обнаруживаются элементы или черты народной праздничной культуры прошлого. Стихийно либо намеренно включенные в новую систему праздников, они подвергаются дальнейшему (иногда непредвиденному) развитию. Например, обычаи гостевания и праздничного застолья, свойственные русскому праздничному быту, на определенном этапе оказались включенными в «домашнюю» часть советских государственных праздников. Можно сказать, что они перешли в новые торжества из старых календарных, давно сложившихся праздников, однако значительно изменились за счет новых форм развлечений и расширения круга общения.

Обрядовые и игровые элементы старых календарных праздников выступают в том или ином виде в различных современных торжествах. Обряды, связанные с елкой, нашли место, как известно, в праздновании Нового года; День международной солидарности трудящихся 1 Мая имеет генетическую связь с маевками, устраивавшимися по случаю встречи лета¹⁴. Особенно выразительны элементы календарной обрядности (хотя нередко они выступают в значительно трансформированном виде) в новых сезонных праздниках, специально сконструированных на традиционной основе. Так, на традиции старой народной Масленицы сделан акцент в празднике Проводов русской зимы. Отголоски троичско-семикской обрядности чувствуются в празднике Русской березки. В сво-

¹³ Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 316—317.

¹⁴ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979. С. 141—145.

чередь не без влияния аграрных праздников создавались и создаются такие новые торжества (они устраиваются не только в сельской местности, но и во многих районных центрах), как Праздник первой борозды, Праздник серпа и молота, Праздник урожая. Нужно отметить, что присутствие во всех этих праздниках элементов древней традиции не архайзирует их. В сочетании с иными, разнородными по своему характеру и функциям праздничными формами элементы архаической традиции помогают создавать обобщенно-национальный колорит, этнически маркируют новое празднество.

Принципиально иной характер имеют, на наш взгляд, старые календарные праздники, которые, хотя и ограниченно, еще бытуют среди части русского населения. Состояние праздничной традиции здесь сильно изменилось по сравнению с прежним стереотипом. Современные модели сильно редуцированы, в них отмечаются значительные функциональные изменения, причем иногда приходится говорить лишь о фрагментарном сохранении традиционных элементов. Однако в отличие от сконструированных новых сезонных праздников формы, в которых воплощаются такие праздники, как Пасха, или Масленица, или «остатки» Троицы, либо древние Ярилки, основаны на «натуральной», первичной традиции, находящейся, естественно, на определенном этапе своего существования.

Таким образом, уровень традиционности, как видно из приведенных примеров, в разных культурно-бытовых средах неодинаков. В поселенческо-жилищном комплексе, долговременном компоненте материальной культуры, шире, чем в других средах, наблюдается реализация относительно полной типовой модели в культурном явлении. В семейной сфере, напротив, не приходится говорить о сохранении распространенных в прошлом типов семьи: здесь имеют место фрагментарные воплощения бытовавшей прежде модели. Общественные праздники в свою очередь характеризует наличие прежде всего новых культурно-бытовых форм, отдельные из которых достигли такого состояния, что могут рассматриваться в качестве нового стереотипа.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что обращение к проблеме традиционности собственно и есть один из важнейших путей изучения механизма культурной преемственности и соответственно подход к изучению состояния и развития современной бытовой культуры народа. Такое обращение, как нам кажется, дает значительные и разнообразные возможности рассмотрения конкретного материала и его систематики.

Прежде всего представляется весьма важным предложенное здесь рассмотрение этнографических явлений с точки зрения содержания (или состояния) традиции, ее полноты и интенсивности, с одной стороны, и степени бытования, распространенности тех или иных ее воплощений — с другой. Выделенные таким способом группы явлений позволяют сопоставить их с принятой в каждом отдельном случае за точку отсчета типовой моделью, стереотипом бытовой культуры.

Этнографическое изучение современности с подобной позиции при всей сложности, разнопорядковости, а порой и преобладании стандартизованных бытующих форм культуры дает возможность приблизиться к изучению этнической специфики городского варианта современной бытовой культуры русских. Как мы пытались показать в статье, традиционность на разных участках быта обнаруживается различно, что связано с высокой вариативностью традиций в современности. В зависимости от природы явлений и доминирующих факторов развития в разных сферах можно обнаружить определенные особенности в характере и функционировании традиционного стереотипа.

Представляется, что дифференцированное изучение бытовых традиций, их сопоставление со стереотипом и определение меры распространения тех или иных групп культурных явлений, окажется весьма целесообразным при дальнейшей разработке таких актуальных этнографи-

ческих проблем, как, например, культурная интеграция города и ее консолидационные культурно-бытовые процессы в современных условиях, роль этнических и межэтнических (общесоветских, интернациональных) форм в складывании современного фонда бытовой культуры народа.

И. С. Кон

МАТЕРИНСТВО И ОТЦОВСТВО В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Вопрос о природе и характере родительских чувств и отношений вызывает сейчас острые споры. Консервативно настроенные писатели и публицисты считают единственным спасением от разводов, безотцовщины и прочих отрицательных явлений возврат к «естественным», «традиционным» формам семейного быта, рисующимся в розовом, идеализированном свете. Но сразу возникает несколько вопросов. Существует ли универсальная биологическая или культурно-нормативная модель родительского поведения, общая для всех времен и народов? Является ли родительство биологическим, социокультурным или биосоциальным феноменом, и как взаимосвязаны его разноуровневые компоненты и детерминанты? От чего зависит специфика отцовских и материнских функций? Каково место родителей в ряду других агентов социализации, как оно изменяется в зависимости от социальных условий, хозяйственной деятельности, структуры семьи и т. п.?

Эта проблематика занимает важное место в науках о человеке, включая этнографию. Достаточно сослаться на материалы III Конгресса Международного общества этнологии и фольклора Европы (Цюрих 9—12 апреля 1987 г.) или на отечественные исследования по этнографии семьи и детства. Однако чтобы поставить вопросы конкретно, необходимо уточнить предмет обсуждения. Имеем ли мы в виду безотцовщину, спонтанные родительские чувства — любовь к детям, чадолубию? Или более или менее осознанные родительские ценности, социальные установки, выражающие отношение родителей к детям? Или социальные роли отца и матери? Или культурные символы отцовства и материнства? Или, наконец, реальный стиль взаимоотношений родителей детей в данном конкретном обществе? В историко-этнографической литературе эти вопросы обычно не разграничиваются, между тем они только различны, но и предполагают разные системы отсчета.

Не менее важно уточнение социально-исторических рамок обсуждения предмета. В конкретных исследованиях речь идет, как правило, об отдельно взятом социуме в определенный период времени («токугавская Япония» или «Россия первой половины XVIII в.»). Но любое сравнение предполагает выход за эти рамки. «Современные» отношения воспринимаются и оцениваются в сопоставлении со старыми, «традиционными». Однако широко употребляемое в исторической социологии понятие «традиционное общество» многозначно. В одном случае имеется в виду доиндустриальное, сельское, неурбанизованное, докапиталистическое общество, «старый режим» Токвиля. В другом случае «традиционными формами» называют вообще все старое, историческое, привычное, укорененное в прошлом данного народа в противоположность современному, новому, возникшему недавно или привнесенному извне. В третьем случае имеется в виду собственно традиция как особый способ передачи социальной информации.

Настоящая статья не претендует на то, чтобы дать какую-то satisfactory модель истории или этнографии родительства. Я хочу тол

хематично и заостренно поставить некоторые вопросы, имеющие меж-
дисциплинарный характер.

Начать придется с биологии. Хотя родительская забота о потомстве имеет свои биологические предпосылки, она существенно различна у разных видов. Общий стиль, образец родительского ухода генетически запрограммирован и варьирует от одного вида к другому, причем его войства различают биологические виды друг от друга столь же надежно, как анатомические признаки. Важную роль играют при этом экологические условия.

Согласно представлениям современной популяционной биологии¹, если условия среды, в которой обитает данный вид, устойчивы и пред-
казуемы, K — отбор преобладает над r — отбором², в результате чего юзникает ряд демографических следствий, благоприятствующих усиле-
нию родительской заботы о потомстве. Такие животные дольше живут, ильнее увеличиваются в размерах и производят потомство через опре-
еленные временные интервалы, а не всех сразу (итеропария, от латин.
итеро — повторять и ratio — рожать, производить). Если место обита-
ния вида жестко структурировано (например, коралловый риф в про-
тивоположность открытому морю), животные будут занимать некото-
рое «домашнее» пространство, территорию или по крайней мере перио-
ически возвращаться в определенные места для кормления и в поис-
ках убежища (филопатрия — букв. любовь к родине). В обоих случаях
адаптивным будет рождение относительно малого числа потомков, для
ывживания которых необходимы повышенное внимание и забота на
анних стадиях развития. Виды, осваивающие новую, грудную для вы-
живания среду, также вырабатывают специфические способы самоза-
щиты, включая особую заботу о потомстве в период его максимальной
занимости. Специализация на таких видах пищи, которые трудно на-
юдить, использовать или охранять от конкурентов, иногда дополняется
территориальным поведением и усиленной защитой пищевых ресурсов
и период выращивания потомства; некоторые виды позвоночных спе-
циально обучают своих потомков технике собирательства. Охота, хищ-
нический образ жизни также может требовать увеличения родитель-
ского вклада для защиты жизни потомства. Эти четыре средовые фак-
тора: стабильная, структурированная среда, способствующая K -отбору;
рудные жизненные условия; сравнительно узкая пищевая специализа-
ция и, наконец, охотничий образ жизни — могут по отдельности и в со-
етании друг с другом благоприятствовать усилению родительской за-
боты.

Видовая «семейная» структура, с которой связана дифференциация
цовских и материнских функций, также имеет экологические предпо-
ылки. В частности, переход от полигамии, преобладающей у большин-
тва видов, к моногамии, т. е. устойчивому брачному союзу самца и сам-
и хотя бы на срок выращивания одного выводка³, обусловлен, по мне-
ию Э. Уилсона⁴, природными условиями, когда одна самка без
омощи самца не может вырастить потомство (скудость пищевых ре-
урсов, необходимость охраны территории от врагов, длительность пе-
иода, когда дети беспомощны и требуют постоянной материнской
еки, не оставляя самке времени и сил для других аспектов жизне-

¹ См. *Wilson E. O. Sociobiology. Cambr. (Mass.), 1975. Ch. 16; Trivers P. L. Parent Investment and Sexual Selection//Sexual Selection and the Descent of Man. 1871—*
11. Chicago, 1972. P. 136—179.

² K -отбор (K — несущая способность среды) — тип естественного отбора, характер-
для видов, живущих в стабильной среде обитания, которая позволяет поддержи-
более или менее устойчивый численный уровень популяции, он отличается от
бора, характеризующегося ее постоянным ростом.

³ Различия между животными в этом отношении огромны. По мнению Э. Уилсона,
позвоночных на 10 тысяч «полигамных» видов приходится меньше одного «моно-
ного» вида, тогда как среди птиц сезонная «моногамия» существует приблизительно
91% всех видов.

⁴ *Wilson E. O. Op. cit. P. 330.* Следует иметь в виду, что понятие «моногамия»
значает в биологии совсем не то, что в общественных науках.

обеспечения, и т. п.). Там, где родительские обязанности выполняются исключительно самка, а «отцовства» не существует, необходимость в тесном брачном союзе отпадает.

Но как ни существенны филогенетические предпосылки родительского поведения, эволюционная биология сама по себе не объясняет мотивации и институционализации у человека. Сравнительно-исторические данные убедительно показывают, что наши житейские представления на сей счет вовсе не являются универсальными, а родительская любовь, как мы сегодня ее понимаем, — продукт длительного и весьма противоречивого исторического развития.

На ранних стадиях развития человеческого общества индивидуальное родительство большей частью не институционализировалось, уход за детьми и их воспитание были делом всей родовой общины. Хотя сама идея первобытной «общности детей» не подтверждается фактами, индивидуальное родительство существует уже у австралийских аборигенов⁵, во всех традиционных обществах родственники и соседи заботятся о чужих детях несравненно больше, чем в обществах индустриальных. Во многих обществах Полинезии родительские функции, ныне, как правило, распределяются между широким кругом родственников, а детей приучают считать себя принадлежащими к группе в целом. Возникновение и поддержание индивидуальной привязанности между ребенком и его биологическими родителями в таких условиях весьма затруднительно⁶.

В отечественной демографии широкое распространение принята идея о наличии у человека особой «потребности в родительстве», «отцовстве», «в материнстве» или просто «потребности в детях». Но, справедливо заметил А. Г. Вишневский⁶, эта потребность трактуется по-разному и часто внеисторически.

Отвлекаясь от межкультурных различий, нельзя не заметить, что в традиционных доиндустриальных обществах существовал ряд общих условий, затруднявших формирование устойчивой и тесной эмоциональной близости между родителями и детьми.

Высокая рождаемость и столь же высокая детская смертность делали жизнь отдельного ребенка в глазах родителей далеко не такой ценной, как сегодня. Отношение архаического общества к детям, особенно маленьким, обычно двойственно, амбивалентно. С одной стороны культурные нормы требуют внимания и заботы о детях, с другой — отражают низкую оценку социальной значимости отдельного ребенка (инфантицид, различная оценка ценности жизни ребенка и взрослого и т. п.⁷) Такое двойственное отношение, подкрепленное религиозным фатализмом («Бог дал, Бог и взял»), сохранялось в крестьянской среде очень долго. Дело не в «бесчувствии» родителей, а в том, что рождение детей, которое вовсе не было актом свободного, сознательного выбора, сплошь и рядом усиливало материальные тяготы семьи. Да и иначе они могли бы психологически вынести неизбежную в тех условиях высокую детскую смертность? И нормативные установки, и реальное отношение родителей сильно зависели от пола ребенка.

У многих народов непосредственные контакты детей и родителей ограничивал институт воспитательства (Vormundschaft; Fosterage; tutelle) — обычай обязательного воспитания детей вне родной семьи. Самый широкий распространение в доклассовом и раннеклассовом обществе. Происхождение и функции воспитательства объясняются по-разному. Одни авторы связывают его с принятым при авунальном порядке перехода ребенка в семью матрилинейного дяди. Другие видят в нем форму искусственного родства, с помощью которой в раз-

⁵ См.: Ortner S. B. Gender and Sexuality in Hierarchical Societies. The Case of Polynesia and Some Comparative Implications//Sexual Meanings. Camb.; L.; N. Y., 1974. P. 358—409.

⁶ Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982.

⁷ См., например, Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннеклассовом обществе. М., 1987. С. 84—92.

авшемся первобытном обществе стали восполнять уже недостаточные кровно-родственные связи и устанавливать тесные отношения между кельавшими породниться семьями⁸. Широкое распространение воспитательство получило в среде феодализировавшейся и раннефеодальной нати.

В советской этнографии воспитательство лучше всего описано на примере кавказского аталычества. Ребенок, с раннего детства (если не с рождения) выраставший в чужой семье, был психологически гораздо ближе к ней, чем к собственным родителям, а последние в свою очередь не могли чувствовать к нему ту привязанность, которая создается лишь годами повседневного интимного контакта. Их взаимоотношения регулировались не столько индивидуальными чувствами, сколько социальными нормами, сознанием долга, родственных обязанностей и правил этикета.

Сама ролевая структура патриархальной семьи была жесткой и иерархической, основанной на принципе старшинства. Детям в ней отводилось сугубо зависимое, подчиненное положение. Вот, например, как описывает взаимоотношения детей и родителей в русской семье XVI—XVII вв. Н. И. Костомаров: «Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложною святостью патриархальных отношений... Покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходила в слепой деспотизм без нравственной силы. Чем благочестивее был родитель, тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже... Слова почитались недостаточными, как бы убедительны они ни были... Домострой запрещает даже смеяться и играть с ребенком»⁹.

По русскому законодательству XVII в., дети не имели права жаловаться на родителей. Детей, покусившихся на жизнь родителей, надлежало казнить «безо всякие пощады». Если же «отец или мать сына или дочь убьет до смерти, и их за то посадити в тюрьму на год»¹⁰. Уравнение кары за отце- и детоубийство было осуществлено только Петром I. Хотя семейные нравы в XVIII в. заметно смягчились, мемуарная литература первой половины XVIII в. пестрит воспоминаниями о побоях, издевательствах, родительском произволе и т. д. Разумеется, нужно различать: а) нормативные установки и б) реальное поведение, причем, и то, и другое было противоречивым и социально-дифференцированным; в быту это дополнялось индивидуальными различиями.

Столь же суровым было отношение к детям в средневековой Западной Европе (Англии, Франции). Хотя в XV—XVI вв. внимание к детям заметно возросло, это означало в первую очередь усиление требовательности и строгости, а отнюдь не снисходительности и любви. Теологи говорят исключительно об обязанностях детей по отношению к родителям, прежде всего к отцу, и ни слова о родительских обязанностях. Автор популярного во Франции первой половины XVII в. трактата по моральной теологии писал, что если отец и сын некоего человека окажутся в одинаково бедственном положении, он должен в первую оче-

⁸ См. *Периц А. И., Трайде Б.* Воспитательство//Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 38—39; *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967; *его же.* Аталычество//IX МКАЭН. Доклады советской делегации. М., 1973; *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М., 1983; *Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев.* Нальчик, 1986 (Гл. V и др.).

⁹ *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях//Исторические монографии и исследования. Т. 19. СПб., 1887. С. 155.

¹⁰ Соборное уложение 1649 г. Гл. XXII. Ст. 1, 3//Памятники русского права. Вып. 6. М., 1957. С. 430. Подробнее об отношении детей и родителей см.: *Вишневский А. Г.* Место исторического знания в изучении прокреативного поведения в СССР//Второй советско-французский демографический семинар. Суздаль. 15—19 сентября 1986. М. 1986; *Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 81—122; См. также *Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в.//Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 83—104.

редь помочь отцу, потому что получил от своих родителей гораздо больше, чем от детей ¹¹.

Монтень, посвятивший родительской любви специальную главу «Опытов» и выступавший за смягчение семейных нравов, признает, что «не особенно любил», чтобы его собственных детей «выхаживали» рядом с ним, и довольно спокойно пишет о смерти «двоих или троих» своих детей ¹².

Достаточно равнодушно относились к детям и матери из среды аристократии, чему способствовал обычай отдавать младенцев на воспитание в чужие семьи, а затем воспитывать детей в закрытых пансионах, монастырях и школах. Князь Талейран, родившийся в 1754 г., писал, что «родительские заботы еще не вошли тогда в моду. В знатных семьях любили гораздо больше род, чем отдельных лиц, особенно молодых, которые еще были неизвестны» ¹³, а Руссо с грустью констатировал, что «нет интимности между родными» ¹⁴. Сам Талейран был отдан кормилице сразу же после крещения, состоявшегося в день его рождения, и в течение четырех лет мать ни разу не навестила его, не поинтересовалась делами сына.

Что же до бедняков, то они просто не могли выходить многочисленного потомства. По данным Ф. Лебрена ¹⁵, во Франции XVIII в. из 1000 новорожденных до 1 года доживали 720, до 5 — 574 и до 10 лет — 525 детей. Особенно тяжелым было положение детей, отданных на воспитание в приют или подкинутых. Число подкидышей резко увеличилось в XVIII в. По подсчетам Ф. Лебрена, среднее ежегодное число подкидышей в Париже в 1773—1790 гг. составляло 5800 на общее число 21 25 тысяч рождений!

Даже в конце XVIII — начале XIX в., когда детоцентристская ориентация прочно утвердилась в общественном сознании, сделав родительскую любовь одной из главных нравственных ценностей, «буржуазная разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми» ¹⁶ нужно воспринимать критически.

Родительские чувства, роли и поведение, каковы бы ни были их «естественные» предпосылки, по своей сущности являются социокультурными и требуют конкретно-исторического исследования, что несовместимо с пошлым морализированием на тему об «извращении естественных норм» родительства в одну историческую эпоху и об их «возрождении» или «очищении» в другой.

До сих пор о родительских чувствах и поведении говорилось «вобщем». Но фактически мы имеем дело с двумя разными социальными институтами — отцовством и материнством. В чем же состоят, чем отличаются, мотивируются и обосновываются их специфические функции?

Соотношение отцовства и материнства — один из аспектов более общей полоролевой дифференциации, имеющей не только социальные и биологические предпосылки. Поскольку речь идет о продолжении рода, логично предположить, что роль биологических факторов здесь значительно выше, чем во многих других сферах полового разделения труда, не связанных с репродуктивной функцией. Традиционная модель половой стратификации, подчеркивающая имманентную «инструментальность» мужского и «экспрессивность» женского поведения, покладывая в первую очередь именно на разделение внесемейных и внутрисемейных, а также отцовских и материнских функций. Биосоциальный подход, если формулировать его достаточно осторожно, как это делают

¹¹ См.: Flandrin J.-L. Familles, Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société P., 1976.

¹² Монтень М. Опыты. Кн. 2. Гл. VIII. М., 1958. С. 69.

¹³ Талейран. Мемуары. М., 1959. С. 89.

¹⁴ Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании // Педагогические сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1981. С. 40.

¹⁵ См. Lebrun F. La vie conjugale sous l'Ancien Régime. P., 1975. P. 139—155.

¹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 443.

вестный американский социолог А. Росси¹⁷, кажется в данном случае более плодотворным, нежели чисто социологический.

В свете общей логики полового диморфизма генетическая функция самца заключается в том, чтобы оплодотворить как можно больше самок, передав свои гены потомству, тогда как самка обеспечивает не только рождение, но и сохранение потомства. Поскольку выкармливание и уход за маленькими детьми повсеместно составляют обязанность женщины, не только биологи, но и многие социологи и психологи признают биологические детерминанты материнства¹⁸.

Женщина больше мужчины вовлечена в репродуктивный процесс. В мужском жизненном цикле нет аналога такому событию, как роды, хотя некоторые культуры создают его искусственно (кувада). Кроме того, мать значительно теснее отца связана со своим ребенком. Этот контакт, имеющий первоначально характер симбиоза, возникает уже в утробной фазе развития и закрепляется в дальнейшем. Имманентная экспрессивность материнской роли подтверждается и психологически¹⁹. Женщины в среднем чувствительнее и эмоционально восприимчивее мужчин. Они во всех возрастах превосходят мужчин по способности к сопереживанию и самораскрытию. Личные отношения для женщин важнее формальных правил, что отражается даже в структуре морального сознания: у мужчин рассуждения и оценки выглядят более безличными и жесткими, чем у женщин. При оценке человеческих качеств для женщин наиболее значимы свойства, проявляющиеся в отношении к другим людям, а для мужчин — деловые качества, связанные с работой. Люди, нуждающиеся в эмоциональной поддержке, значительно чаще ищут и находят ее у женщин, нежели у мужчин, и т. д.

Однако следует подчеркнуть, что эти половые различия относительно, индивидуально-вариабельны и нежность у женщин не обязательно направлена на ребенка. Поэтому серьезные психологи, антропологи и социологи весьма скептически относятся к попыткам объяснить материнское поведение исключительно «материнским инстинктом».

В привычной нам культурной среде материнство — одна из главных «югасей» женского образа; социальные характеристики материнской роли очерчены гораздо определеннее, чем отцовской, и матери приписывается большее значение в деле социализации ребенка. Но так было не всегда и не везде.

В фольклоре некоторых простейших обществ Австралии, Америки, Азии и Африки темы материнства и репродуктивности не занимают того центрального места в образе женщины, какое мы привыкли ожидать. Противопоставление женщины-матери, воплощения плодородия и источника жизни, и агрессивного мужчины-охотника нехарактерно для культур, в которых обоим полам приписываются и репродуктивные, и социально-производственные функции²⁰.

В иерархических обществах Полинезии отцовская роль, ассоциирующаяся с властью и статусом вождя, структурируется и символизируется детальнее и тщательнее, нежели материнская; рождение ребенка здесь зачастую не ритуализовано и не дает женщине особого престижа, генеалогические и личные связи ребенка с отцом выглядят социально менее значимыми, хотя психологически более напряженными, чем отношения с матерью²¹.

¹⁷ См. Rossi A. S. A Biosocial Perspective on Parenting//Daedalus. V. 106. Spring, 1977. P. 1—32. Cp. Parenting: Its Causes and Consequences/Ed. Hoffman L. W., Gandelman R., Schiffman H. R. Hillsdale, 1982.

¹⁸ См.: Ford D. M., Lamb M. E. Sex Differences in Responsiveness to Infants: A Developmental Study of Psychophysiological and Behavioral Responses//Child Development. 1978. V. 49. P. 1182—1188; The Psychobiology of Sex Differences and Sex Roles/Ed. Parsons J. E. Washington, 1980; Rossi A. S. Op. cit.; eadem. Gender and Parenthood//American Sociological Review. 1984. V. 49. № 1. P. 1—19.

¹⁹ Краткий обзор данных см. Кон И. С. Дружба. М., 1987 (гл. 9).

²⁰ См.: Collier J. F., Rosaldo M. Z. Politics and Gender in Simple Societies//Sexual Meanings. P. 275—329.

²¹ См. Ortner S. B. Op. cit.

Теоретическая интерпретация этих фактов, как и вообще полемизма, символизма, репродуктивных табу и подобных им явлений, остается спорной. Свидетельствует ли ритуально-символическое возвеличение материнства о повышении социального статуса женщин или, напротив, об ограничении их социальных возможностей функцией продолжения рода? Считать ли нормативную неопределенность отцовской роли по сравнению с материнской следствием того, что отцовство, как и прочие мужские характеристики, является немаркированной категорией, отрывающейся от социального господства мужчины, или результатом того, что отцовские функции «объективно» менее значимы и их трудно сколько-нибудь точно описать? Этнографические теории на сей счет столь же противоречивы, как и эмпирические данные.

Различие и фактическое содержание отцовских и материнских ролей тесно связаны как с общим половым символизмом, включая космогонические представления и образы прародителей (является ли первопрародителем женщиной, мужчиной или андрогинным, двуполым существом), так и с половой стратификацией, включая дифференциацию супружеских ролей (статусы матери и отца невозможно понять отдельно от статусов жены и мужа). Слабость биологических теорий родительства — в их чрезмерной абстрактности. Для сторонников таких концепций «проблема состоит в том, насколько легко им удается связать разрозненные факты, касающиеся пола, с общими положениями биологии. Отрицая такие предположительно универсальные факты, как брак и материнство, они упустили из виду качественные различия в социальном контексте в смысле того, что является, разумеется, социальными связями. Отправляясь от функциональной логики пола и репродуктивного поведения, они сочли вопрос о социальном использовании этих явлений вторичным и поэтому не исследовали способов, которыми социальный порядок обуславливает взаимоотношения женщин и мужчин»²².

Серьезные споры вызывает и эволюция материнских чувств в новое время: как и в связи с чем возникают идеалы детоцентризма, как взаимодействуют нормативные ориентации культуры и индивидуальные различия в поведении и установках женщин²³.

Еще проблематичнее институт отцовства. Хотя в последние годы ему посвящается все больше работ²⁴, этнографы, социологи и психологи единодушны в том, что мы знаем о нем очень мало достоверного. Если материнство у большинства животных предполагает не только зачатие и рождение, но и выкармливание и выращивание потомства, то отцовский вклад у многих биологических видов практически ограничивается оплодотворением. У высших животных (если самцы вообще участвуют в выращивании потомства) матери обычно осуществляют физический уход и выхаживание детенышей, а отцы — защиту от внешних опасностей и в той или иной степени жизнеобеспечение. Однако это правило не является всеобщим; даже у разных видов обезьян отцовские функции и поведение существенно различны²⁵.

У человека, считает антрополог М. Уэст и М. Коннер, стиль отцовства зависит от множества конкретных социокультурных условий, включая: число жен и детей, которых имеет и за которых ответственен отец; степень его власти над ними; количество времени, проводимого им совместно с женами и детьми, и качество этих контактов; осуществляет ли он непосредственный уход за детьми; насколько он ответствен за

²² См. Collier J. F., Rosaldo M. Z. Op. cit. P. 316.

²³ Badinter E. L'Amour en plus. Histoire de l'amour maternel (XVIIe-XXe siècles), P., 1980; La Mortalité des enfants dans le monde et dans l'histoire. P., 1980; Zur Sozialgeschichte der Kindheit/Hrsg. von Martin J. und Nitsche A. Freiberg — München, 1984.

²⁴ См.: The Family Coordinator. 1976. V. 25. № 4; Special Issue: Fatherhood, The Role of the Father in Child Development/Ed. Lamb M. E. N. Y.; L., 1976 (2-nd, rev. ed. 1981); Fatherhood and Family Policy/Ed. Lamb M. E. and Sagi A. Hillsdale, 1983.

²⁵ См. West M. M., Konner M. J. The Role of the Father: An Anthropological Perspective//The Role of the Father in Child Development. P. 187; ср.: Redican W. K. Adult Male Infant Interactions in Non-Human Primates//Ibid. P. 345—385.

посредственное или опосредованное обучение детей определенным навыкам и ценностям; какова степень его участия в ритуальных событиях, связанных с детьми; сколько он трудится для жизнеобеспечения семьи; сколько ему приходится бороться для защиты интересов или увеличения ресурсов семьи.

Соотношение и значимость этих факторов зависят от целого ряда условий: преобладающего вида хозяйственной деятельности, полового разделения труда, семейной среды, типа семьи и т. д. При всех межкультурных различиях первичный уход за маленькими детьми, особенно младенцами, всюду осуществляет мать или какая-либо другая женщина — тетка, старшая сестра и т. п. Физический контакт отцов с маленькими детьми в большинстве традиционных обществ незначителен; он увеличивается в моногамных семьях и с возрастом ребенка. У многих народов существуют строгие правила избегания, ограничивающие контакты между отцом и детьми, что делает их взаимоотношения чрезвычайно сдержанными и суровыми, исключая проявления нежности. Там, где подобных запретов нет, отцовское поведение, хотя и отличается от материнского, выглядит более мягким.

Однако в этом вопросе кросскультурная статистика особенно формальна и ненадежна. Поэтому содержательное обсуждение отцовской роли лучше начать с современного общества.

Мысль о слабости и неадекватности «современных отцов» — один из самых распространенных транскультурных стереотипов общественного сознания второй половины XX в.

Представления о положении и функциях отца в сегодняшней советской массовой и профессиональной литературе в ряде случаев совпадают с представлениями, господствующими в США. В обеих странах ученые и публицисты констатируют рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье; незначительность и бедность отцовских контактов с детьми по сравнению с материнскими; педагогическую некомпетентность, неумелость отцов; их незаинтересованность и неспособность осуществлять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми.

Сходные тенденции отмечают многие западноевропейские и японские авторы. Однако если одни ученые полагают, что происходит быстрое, неуклонное и чреватое опасными последствиями ослабление отцовского начала, т. е. налицо некая историческая тенденция, то другие склонны думать, что отцы никогда не играли важной роли в воспитании детей, а сегодняшние тревоги отражают только сдвиги в акцентах и стереотипах массового сознания.

Чтобы корректно поставить эти вопросы, их нужно предварительно дифференцировать:

1. Чем отличается «современное» положение и поведение отцов от «традиционного»?

2. Чем отличается «современный» стереотип, нормативный канон отцовства от «традиционного»?

3. Какова степень совпадения стереотипа отцовства и реального поведения сегодняшних отцов?

4. Является ли степень совпадения стереотипа и реального поведения отцов «здесь и теперь» такой же, большей или меньшей, чем «там и прежде»?

5. Как связаны эти реальные и воображаемые различия с исторической эволюцией половой стратификации и стереотипов маскулинности и фемининности?

6. Каковы психологические последствия предполагаемых сдвигов в характере отцовства и как они влияют на личность и психологические черты ребенка?

Из всех перечисленных элементов стереотипной модели «ослабления отцовского начала» единственной безусловной и грустной реальностью является рост безотцовщины, связанный в первую очередь с динамикой разводов и увеличением числа одиноких матерей. И абсолютное чис-

ло, и удельный вес детей, воспитывающихся без отцов, в большинстве индустриально развитых стран растет.

Остальные компоненты модели более проблематичны. Верно: отцы проводят с детьми значительно меньше времени, нежели матери. По данным сравнительного исследования, проведенного в США, странах Западной Европы, Австралии и Израиле, большинство отцов проводит дома с детьми меньше 40 часов в неделю, причем лишь незначительная часть этого времени расходуется непосредственно на уход за детьми и общение с ними²⁶. Но так было почти всегда и везде. По количеству контактов с детьми современные отцы не только не уступают прежним поколениям, но даже превосходят их, особенно в семьях, основанных на принципе равенства полов, где мужчины берут на себя домашние обязанности, которые раньше считались исключительно женскими. Например, обследование 231 канадской семьи показало, что в выравненных социальных факторах, таких, как количество внеработного времени, отцы проводят с детьми столько же времени, сколько и матери²⁷.

Почему же людям кажется, что отцовский вклад в воспитание снижается? Помимо других причин тут сказывается ломка традиционной системы половой стратификации. Если пренебречь частными и культурными различиями, то в традиционной патриархальной семье отец выступает как а) кормилец, б) персонификация власти и дисциплинатор и в) пример для подражания, а нередко и непосредственный наставник детей во внесемейной, общественно-трудовой деятельности. В старой крестьянской семье отец не ухаживал за детьми, много работал вместе с сыновьями. В современной городской семье эти традиционные ценности отцовства заметно ослабевают под давлением таких факторов, как женское равноправие, профессиональная занятость женщин, тесный семейный быт, где для отца не предусмотрено пьедестала, и особенно — пространственная разобщенность труда и быта. Сила отцовского влияния в прошлом коренилась прежде всего в том, что он был воплощением власти и инструментальной эффективности. По мере того, как «невидимый родитель» (как часто называли отца становившегося видимым и более демократичным, он все чаще подвергался критике со стороны жены, а его авторитет, основанный на внесемейных факторах, заметно снижается.

Эта тенденция ощущается не только в Европе и США, но и в Японии²⁸. Традиционная японская семья, основанная на принципах патриархата, была последовательно патриархальной и авторитарной. В послевоенные годы японские этнографы, социологи и психологи (Тие Нэне, Такео Дои, Сигеру Мацумото, Кацуо Аои, Хироси Вагацума и др.) единодушно отмечают падение отцовского авторитета и рост материнского влияния.

Но, как и в Европе, японские эмпирические данные выглядят неоднозначно. Прежде всего налицо заметное ослабление поляризации мужских и женских, отцовских и материнских ролей и образов. Ослабляется и мужская гегемония в семье, особенно городской. Наблюдается тенденция и для Европы расхождение нормативных ролевых ожиданий и фактического поведения. По данным опроса молодежи от 15 до 23 лет (январь 1980 г.), с матерью свои дела обсуждают 85,9%, а с отцом только 57,7% опрошенных; 34,7% опрошенных вообще не советуются и не делятся своими проблемами с отцами, хотя отцы у них есть²⁹.

Традиционный образ грозного отца, которого старая японская семья воспринимала как землетрясение, гром и молнии, явно не соответствует

²⁶ См. *Russell G., Radin N. Increased Parental Participation; The Fathers' Perspective//Fatherhood and Family Policy. P. 139—165.*

²⁷ См. *Bouth A., Edwards J. W. Fathers: The Invisible Parent//Sex Roles. 1980. № 3. P. 445—456.*

²⁸ См. *Wagatsuma H. Some Aspects of the Contemporary Japanese Family: Confucian, Now Fatherless?//Daedalus. 1977. V. 106. № 2. P. 181—210.*

²⁹ *Латышев И. А. Семейная жизнь японцев. М., 1985. С. 136.*

вует современным условиям. Однако японские ученые отмечают, что изменения касаются скорее культурных образов и установок, нежели психологических черт японских мужчин. Как пишет Тие Накане, традиционный отцовский авторитет поддерживался не столько личными качествами отца, сколько его социальным положением главы семьи; фактическое же распределение семейных ролей всегда было более или менее индивидуальным и изменчивым. Сегодняшняя культура скорее признает и закрепляет этот факт, видоизменяя традиционные социальные стереотипы, чем создает нечто новое³⁰. К тому же сравнительная холодность и наличие социальной дистанции во взаимоотношениях ребенка и отца, часто воспринимаемые как свидетельство снижения отцовского авторитета, являются скорее пережитками нравов традиционной патриархальной семьи, когда к отцу не смели приблизиться и сам он был обязан держаться «на высоте».

Ослабление и даже полная утрата мужской власти в семье отражаются в стереотипном образе отцовской некомпетентности. Американские исследователи Р. Дэй и У. Маккей проанализировали под этим углом зрения 218 карикатур, опубликованных в 1922—1968 гг. в журнале *Saturday Evening Post* и изображающих взрослых с детьми. Оказалось, что мужчины изображаются некомпетентными в 78,6% и компетентными — в 21,4% карикатур; а женщины — соответственно в 33,8 и 66,2%³¹. Подобный стереотип так же не способствует поддержанию отцовского авторитета, как и повседневная женская воркотня в присутствии детей. Но при этом мужчина оценивается по традиционному женским критериям — речь идет о деятельности, которой отцы никогда раньше всерьез не занимались и к которой они социально и психологически плохо подготовлены. Правомерна ли такая оценка?

Это подводит нас к самому сложному вопросу теории родительства: насколько вообще заменяемы и обратимы отцовские и материнские роли?

Наблюдения за поведением родителей по отношению к новорожденным в естественной среде показывают, что, хотя психофизиологические реакции мужчин и женщин на младенцев весьма сходны, их поведенческие реакции различны: женщина тянется к ребенку, стремится приласкать его, тогда как мужчина отстраняется и часто испытывает при тесном контакте с младенцем эмоциональный дискомфорт. Интересные кросскультурные результаты получены в ходе наблюдений за взаимодействием матерей и отцов с грудными детьми. Мать, даже играя с ребенком, старается прежде всего успокоить, унять его; материнская игра — своего рода продолжение и форма ухода за ребенком. Напротив, отец (и вообще мужчина) предпочитает силовые игры и действия, развивающие собственную активность ребенка³².

Однако подобно другим аспектам полоролевой дифференциации родительское поведение даже у высших животных чрезвычайно пластично. Самцы макаки-резуса в естественных условиях равнодушны к своим детенышам. Но в лабораторных условиях, при отсутствии самок, они вполне «по-матерински» реагируют на плач младенцев и нежно заботятся о них. Та же картина наблюдалась в естественной среде у павианов: если мать по каким-то причинам не выполняет своих обязанностей, ее функции берет на себя взрослый самец.

Родительские реакции человека являются преимущественно результатом научения. Как правило, отцы не осуществляют непосредственного

³⁰ См. *Wagatsuma H.* Op. cit. P. 199.

³¹ См. *Mackey W. C.* A Cross-Cultural Perspective on Perceptions of Paternalistic Deficiencies in the United States: The Myth of the Derelict Daddy//Sex Roles. 1985. V. 12. № 5/6. P. 513.

³² См. обзорные работы: *Lamb M. E., Hwang C. P.* Maternal Attachment and Mother-Neonate Bonding. A Critical Review//Advances in Developmental Psychology/Ed. Lamb M. E., Brown A. R. V. 2. Hillsdale, 1982. P. 1—38; *Lamb M. E.* The Father-Child Relationship: A Synthesis of Biological, Evolutionary and Social Perspectives//Parenting: Its Causes and Consequences. P. 55—73; *The Father-Infant Relationship*/Ed. Pedersen F. A. N. Y., 1980.

ухода за новорожденными; более или менее активный контакт отца с ребенком в большинстве обществ начинается не ранее чем ребенку исполняется 1,5—2 года, чаще — около 6—7 лет³³. С рождением ребенка у современного мужчины появляется много неприятностей (дополнительные материальные заботы, бытовые обязанности вроде стирки пеленок, уменьшение внимания со стороны жены, нарушение сна и т. п.) и почти никаких удовольствий. Между тем экспериментально доказано, что психологически подготовленные отцы охотно любят новорожденных, испытывают физическое удовольствие от прикосновения к ним (правда, они предпочитают делать это в отсутствие матери, так как боятся проявить неуклюжесть и стесняются собственной нежности) и практически не уступают женщинам в искусстве ухода за ребенком. Физический контакт с малышом способствует и возникновению эмоциональной привязанности к нему. Предполагается, что чем раньше отец приобщается к уходу за младенцем и чем увлеченнее он это делает, тем сильнее становится его родительская любовь. Важна не только привычка, но и ответный эмоциональный отклик ребенка, к которому мужчины весьма чувствительны. Во многих зарубежных родильных домах отцы даже присутствуют при родах.

Что же касается более старших детей, то привычные стереотипы сильно преувеличивают степень мужского «отчуждения» от них. Основанные на данных непосредственного наблюдения исследования У. Маккея и др.³⁴, проследивших пространственное взаимодействие взрослых мужчин и женщин с детьми в 18 разных культурных средах, показали, что мужчины реже женщин бывают с детьми в общественных местах, но если подобная ситуация имеет место, то ее основные формальные параметры, например тактильный и визуальный контакт между взрослым и ребенком, у мужчин и женщин большей частью совпадают. Разумеется, краткосрочное наблюдение случайных взаимодействий не позволяет делать широких обобщений и не опровергает ни историко-этнографических данных о нормах избегания между отцами и детьми, ни психологических данных о специфических трудностях мужского стиля обучения. Тем не менее несогласованность стереотипа и реального поведения — факт существенный, тем более, что он наблюдается не только в данной сфере.

Традиционное жесткое разделение отцовских и материнских функций, как и других половых ролей, не является единственно возможным абсолютным биологическим императивом.

То, что мать может успешно вырастить и воспитать ребенка без отца, известно давно. Но и отец может заменить мать. В СССР такие случаи редки, так как при разводе консервативно настроенные судьи, даже вопреки букве закона, требующего руководствоваться прежде всего интересами ребенка, как правило, отдают детей на попечение матери (о несправедливости такого подхода не раз писалось в печати). Однако существует и опыт «одиноких отцов». В Англии, по подсчетам Т. Хипгрейва³⁵, отцы составляют 12% всех одиноких родителей. Изучение специфики стиля жизни семей с одним родителем — одна из важнейших задач сегодняшней социологии семьи.

Оценивая потенциал возможности и реальную степень родительского влияния на детей, нужно учитывать множество автономных факторов:

1. Возраст ребенка. В раннем детстве ключевая фигура, как правило, мать. Затем ее дополняет и иногда перевешивает ее влияние отец. Позже их обоих «теснят» сверстники и общественные институты социализации.

³³ Историко-этнографические данные см.: Zur Sozialgeschichte der Kindheit. S. 19—23; Этнография детства. М., 1983.

³⁴ См. Mackey W. C. Op. cit.

³⁵ См. Hipgrave I. Child Rearing by Lone Fathers//Changing Patterns of Childbearing and Child Rearing. L., 1981. P. 149—166; cp.: Nontraditional Families: Parenting and Child Development/Ed. Lamb M. E. Hillsdale, 1982.

2. Пол ребенка. Известно, что мать и отец по-разному и с разным успехом воспитывают детей своего и противоположного пола, причем для мальчиков внесемейное окружение всегда важнее, чем для девочек.

3. Наличие других агентов социализации как внутри семьи, так и вне ее.

4. Специфические особенности межпоколенной трансмиссии культуры в данном обществе в данный исторический период, например насколько велики различия в условиях жизни и ценностных ориентациях поколения родителей и поколения детей.

5. Амбивалентность самих родительских чувств и отношения к детям. Сложившийся во второй половине XVIII в. детоцентризм общественной психологии означал усиление внимания к детям и заботы о них, но одновременно — ограничение их внутренней свободы, принудительную инфантилизацию, следствием чего явились пассивность и социальная безответственность, на которые горько жалуются современные родители, не понимая связи этих явлений с их, родителей, собственной воспитательной практикой.

6. Многочисленные и плохо изученные компенсаторные механизмы семейной социализации, уравнивающие или сводящие на нет многие воспитательные усилия, например эффект встречной ролевой дополнителности, когда ребенок имеет перед глазами хороший родительский пример, но не вырабатывает у себя соответствующих навыков, так как семья в них не нуждается — родители все делают сами.

Проблемы эти весьма сложны и часто интерпретируются прямо противоположным образом, особенно на уровне глобальных теорий. С точки зрения психоанализа, ослабление отцовской власти в семье — величайшая социальная катастрофа, поскольку вместе с отцовством оказались подорванными все внешние и внутренние структуры власти, дисциплина, самообладание и стремление к совершенству. «Общество без отцов» означает демаскулинизацию мужчин, социальную анархию, пассивную вседозволенность и т. п.³⁶ С феминистской точки зрения, напротив, мы присутствуем при утверждении социального равенства полов, ослаблении агрессивных импульсов и общей гуманизации межличностных отношений. Глобальные теории, плодотворные для первоначальной, заостренной постановки вопросов, как правило, непригодны для их разрешения: из-за своей односторонности слишком многое оставляют вне поля зрения.

Провозглашенная XXVII съездом партии социальная политика, направленная на укрепление семьи, невозможна без правильного понимания и совершенствования отцовских и материнских функций. В данной статье только обозначены некоторые связанные с ними проблемы, в междисциплинарном изучении которых этнографии принадлежит одна из главных ролей.

³⁶ См., например, *Mitscherlich A. Society without the Father. A Contribution to Social Psychology*. N. Y., 1970.

Р. Я. Денисова

ПОПУЛЯЦИОННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТНОГЕНЕЗА

Этногенез в самой общей форме следует понимать как историю формирования этноса. С антропологической точки зрения этногенез традиционно рассматривается как история формирования антропологического состава изучаемого этноса. Раскрытие этого процесса требует значительной глубины ретроспективного анализа. Первоисточником в

таким анализе обычно является палеоантропологический материал представляющий собой ряд последовательно сменяющихся хронологических срезов, позволяющих судить о протекавшем процессе расового этногенеза.

Основными хронологическими вехами в этих исследованиях служат археологическая периодизация или последовательно сменяющиеся археологические культуры. Поэтому вполне естественно, что антропологи, изучающие палеоантропологические серии, особое внимание уделяют археологическим сведениям об истории формирования и или иных археологических культур или историческим источникам переселения, миграции или характере межэтнических контактов, которые помогают выявлять хронологию качественных изменений в развитии антропологического состава этноса.

Сходным образом этногенез трактуется и в этнографической литературе, где он понимается как процесс развития этноса, включающий ряд «критических точек», или «перерывов постепенности», составляющих основу для типологической периодизации этнической истории¹.

Однако изучение проблем этногенеза осложняется тем, что процесс развития этноса протекает одновременно в трех сферах — биогенетической, этнокультурной и языковой — и «перерыв постепенности» в одной из них не обязательно сопровождается аналогичными изменениями двух других. С одной стороны, именно это обстоятельство является источником противоречий в толковании проблем этногенеза, а с другой — согласованное исследование во всех упомянутых сферах дает объективную картину процесса развития того или иного этноса.

Нередки случаи, когда на границе двух этносов могут вовлекаться в круг брачных связей чужеродцы, что влечет за собой сближение антропологических типов таких этносов, но при этом может сохраняться языковая и культурная специфика каждого этноса в пределах их прежних этнических границ². В другом случае этнос может заимствовать культурные элементы и даже язык от соседей без непосредственного переселения людей, а следовательно, и без изменений в антропологическом составе. В случае миграции одного этноса на территорию другого судьба их в этнокультурной или языковой сферах может сложиться по-разному. Для того чтобы победил язык пришельцев, совсем не обязателен количественный перевес иммигрантов. Однако независимо от того, происходит ли в этом случае смена языка, меняется ли этническое самосознание и самоназвание, генофонд субстратного или суперстратного этноса не исчезает. Они взаимодействуют, что находит соответствующее отражение в их фенотипе. И в этом случае, конечно, количественное соотношение субстрата и суперстрата имеет определяющее значение. Эти примеры можно было бы умножить, но все они подтверждают неоднозначность процесса этногенеза.

Изучение этногенеза в антропологии, как и в любой другой отрасли знаний, прежде всего должно строиться на собственных теоретических предпосылках и соответствующих им методах исследования. Следует признать, что определение этногенеза как истории формирования антропологического состава этноса отражает только внешнюю сторону этого процесса и не раскрывает его генетической сущности. Археологические этнографические или исторические сведения, указывающие на контакты или миграцию тех или иных коллективов людей, происходившие определенное время на конкретной территории, не позволяют судить том, отразились ли эти события на генетических процессах контактирующих групп населения. Изучение же палеоантропологических материалов должно выявить характер проявления таких контактов в генетич

¹ См. *Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. *Расы и народы*. 6. М., 1976. С. 42, 62, 63; *Крюков М. В., Софронов М. В., Чебокаров Н. Н.* Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М., 1978. С. 5.

² *Арутюнов С. А.* Этнические общности доклассовой эпохи // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М., 1982. С. 74—77.

кой структуре населения, о чем можно судить по соответствующим фенотипическим изменениям.

Как известно, генетические процессы протекают в популяциях³. Поэтому изучение проблем этногенеза в антропологии должно осуществляться на популяционном уровне. Только популяционный подход позволит поставить изучение этногенеза на строгую научную основу⁴. Однако применение популяционной теории к такому своеобразному источнику, как палеоантропологические серии, фактически совсем не разработано.

Нам мало известно, что представляла собой палеопопуляция, чем была обусловлена ее внутренняя организация, какова была ее система, какие механизмы управляли ее воспроизводством, каков был характер соотношения популяции и этноса, и наконец, что собой представляют палеоантропологические серии. Без теоретического осмысления этих и многих других вопросов применение популяционной теории в анализе палеоантропологического материала останется всего лишь благим пожеланием.

В первую очередь остановимся на характеристике человеческой популяции в целом и ее отличительных особенностях в ряду биологических популяций.

В биологии воспроизведение популяции происходит по принципу случайности встречи родительских пар, когда каждая особь имеет одинаковый шанс скрещиваться с какой-либо особью противоположного пола. Иными словами, развитие биологической популяции в природе происходит без подбора родительских пар. В человеческой же популяции процесс воспроизводства потомства регулируется социальной сферой и строго регламентирован системой заключения браков. Именно социальный фактор определяет тот или иной круг брачных связей, который реализуется через семью.

В этом и заключается качественное отличие человеческой популяции от любой другой биологической популяции. Именно социальная система связей вообще и семейно-брачные нормы в частности и определяют круг брачных связей, территорию и границы любой отдельно взятой популяции.

Однако следует сказать, что человеческая популяция на пути своего развития претерпела ряд существенных качественных изменений. Поэтому можно с достаточным основанием говорить о том, что палеопопуляция в целом значительно отличалась от современной популяции, а эволюция основных показателей палеопопуляции находилась в тесной зависимости от закономерностей развития первобытного общества.

Основываясь на уже имеющихся исследованиях, можно утверждать, что между древними и современными популяциями выявляется значительное различие в демографической структуре. В древних популяциях был значительно сдвинут жизненный цикл в сторону ранних возрастов. Возрастная группа от 8 до 14 лет фактически являлась связующим звеном между детством и социальной зрелостью человека. Девочки, вступив в свой первый брак в 12—15 лет, переходили в категорию взрослых, юноши после 14—15 лет становились воинами. Ранние браки обуславливали более быструю смену поколений. Средняя продолжительность жизни женщин была примерно на 3—4 года ниже, чем у мужчин, т. е. ситуация в соотношении средней продолжительности жизни женщин и мужчин в первобытном обществе была противоположна современной. Для первобытного общества была характерна не только высокая детская смертность, но и низкая продолжительность жизни взрослого населения. Поэтому первобытное общество в целом было значительно моложе, чем современное.

³ Рычков Ю. Г., Ящук Е. В. Генетика и этногенез//Вопр. антропологии, 1980. Вып. 64. С. 23.

⁴ Алексеев В. П. Палеоантропология и история//Вопр. истории, 1985. № 1.

Продолжируем сказанное конкретным примером. В эпоху бронзы на территории Латвии средняя продолжительность жизни (с учетом детской смертности) равнялась 21 году, а для взрослых мужчин и женщин этот показатель составлял соответственно 36 и 33 года⁵. К концу I тысячелетия н. э., т. е. почти через 2000 лет, в Прибалтике средняя продолжительность жизни взрослого мужского населения увеличилась на 4 года⁶ (в среднем на 2 года в тысячелетие).

Таким образом, демографическая структура палеопопуляций отличалась не только количественными показателями, но и качественными характеристиками. Поэтому недостаточно ограничиваться выявлением лишь средней продолжительности жизни палеопопуляций. Необходимо изучать их демографическую структуру на основе современной методики с построением таблиц смертности⁷, что позволит выявить основные характеристики и динамику демографической структуры палеопопуляций в различных регионах нашей страны.

Как уже отмечалось, изучение проблем этногенеза в антропологии строится преимущественно на палеоантропологическом материале, поэтому применение в этом случае популяционной теории требует в первую очередь установить в первобытном обществе характер соотношения этноса и популяции.

Значительный интерес представляет выявленная этнографами тесная взаимосвязь эндогамии и этноса. Признается, что именно эндогамия, обуславливая поколенную преемственность, является этностабилизирующим фактором, способствующим культурному обособлению данного этноса от других. Ю. В. Бромлей пишет, что «заклучение из поколения в поколение браков в пределах замкнутой в брачном отношении общности людей, неизбежно влечет за собой усиление единообразия в самых различных сферах ее культуры»⁸. Таким образом, эндогамия, образуя генетический барьер этноса, «обуславливает наличие у каждого этноса сопряженной с ним популяции»⁹. Однако эндогамия — по своей сути биологическое явление — обуславливается не биологическим, а социальным фактором¹⁰, существующей социальной системой брачных связей. Именно в этом наглядно проявляется социальная сущность человеческой популяции. Это и обеспечивает полное единство этноса и популяции.

На определенном этапе развития популяции в границах одного этноса может наступить генетическое равновесие, т. е. ситуация, при которой антропологический тип может быть полностью отождествлен с конкретным этносом. Это подтверждает высказанное В. П. Алексеевым мнение о том, что в отдельных случаях, особенно на ранних этапах расо- и этногенеза, имеется сопряжение границ популяции, культурных традиций и языка¹¹.

Как свидетельствуют этнографические исследования, эндогамность характерна равным образом для этноса на всех ступенях его развития — как в доклассовом, так и в классовом обществе, т. е. для племени, народности и нации. Во всех этих случаях этнос представляет собой крупную популяцию. Но эндогамность этих этносов и сопряженных с ними популяций практически не бывает абсолютной и, как указывают этнографические данные, колеблется в пределах 80—99%¹². Такие пределы эндогамной замкнутости этноса не угрожают его самостоятельному развитию и сохранению этнической специфики. «Прорыв» эндогамности этноса влечет за собой одновременно нарушение генетического барьера

⁵ Денисова Р. Я., Граудонис Я. Я., Гравере Р. У. Кивуткалнский могильник эпохи бронзы. Рига, 1985. С. 139—151.

⁶ Чеснис Г. А. Антропология древнего населения Литвы: Автореф. дис. ... докт. биол. наук. Вильнюс, 1985. С. 23.

⁷ Ashadi G., Nemeskeri I. History of human life span and mortality. Budapest, 1970.

⁸ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 207.

⁹ Там же. С. 207.

¹⁰ Там же. С. 207—210.

¹¹ Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1979. С. 167, 168; его же. О самом раннем этапе расообразования и этногенеза // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. С. 51—53.

¹² Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 201—203.

тноса и популяции. Однако «прорыв» генетического барьера популяции не абстрактное понятие, а достаточно конкретный механизм. Раскрытие его общих закономерностей и конкретных проявлений и должно составлять основу методологии этногенетических исследований в антропологии.

В этой связи нам предстоит отыскать то звено в популяционной системе, через которое происходит нарушение генетического барьера, популяции, и надлежит выявить механизм этого процесса с тем, чтобы популяционный подход к этногенетическим исследованиям на палеоантропологическом материале обрел достаточно конкретное содержание.

В первую очередь выясним, что представляет собой популяционная система в биологии.

Как известно, популяционная система в биологии выступает в виде иерархии, где выявляется определенная соподчиненность малых или локальных популяций более крупным популяциям. Локальная популяция — это свободно скрещивающаяся группа независимо от того, происходит ли скрещивание с другими популяциями регулярно или эпизодически. В любом случае она представляет собой некую репродуктивную единицу, через которую только и может происходить изменение ее генетического состава, что в дальнейшем может стать достоянием крупных популяций¹³. Локальные популяции являются наиболее открытыми (за исключением строго изолированных), панмиксными, в которые постоянно вносятся гены за счет иммиграции. Об интенсивности притока генов можно судить по фенотипическим изменениям в локальной популяции. Следовательно, в биологии «именно локальная популяция представляет собой ключ к решению всех эволюционных проблем. Каждый высший таксон изначально возникает как локальная популяция какого-то вида»¹⁴.

Иерархичность популяционной системы равным образом характерна и для человека. Если этнос выступает в качестве крупной популяции, то в пределах его должны быть и субпопуляции, которые выполняют роль локальных популяций. Иерархическая структура этноса, существовавшая в первобытном обществе, отражает определенную соподчиненность отдельных социальных образований. В самой общей форме этот иерархический ряд этноса выглядит следующим образом: род или родовая община, затем племя, соплеменность или группа родственных племен¹⁵.

Таким образом, на низшей ступени в социальной иерархии этноса находится род или родовая община. Как известно, род экзогамен. Но родовой коллектив в «чистом» виде не существует. Он постоянно интегрирует в свой состав индивидуумов, пришедших по браку из других родов. Именно так формируется община, которая является самостоятельным социальным организмом и элементарной единицей этноса¹⁶. Именно в таких коллективах при соблюдении родовых семейно-брачных норм создавались семьи, формировался круг брачных связей, осуществлялось воспроизводство новых поколений. Такая первобытная община и представляет собой искомую локальную популяцию в народонаселении первобытного общества. Она являлась наиболее открытой экзогамной репродуктивной единицей и с популяционной точки зрения далее неделимой. Именно в таких локальных популяциях, по мнению Ю. Г. Рычкова, были сведены до минимума факторы, ограничивающие панмиксию, в них же осуществлялось воспроизводство генофондов и в ходе поколений перестраивалась генетическая структура, по которой мы судим о прошедшей эволюции»¹⁷.

¹³ Грант В. Эволюция организмов. М., 1980. С. 24—26.

¹⁴ Майр Э. Популяции, виды и эволюция. М., 1974. С. 388—389.

¹⁵ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества//Расы и народы. М., 1972. Т. С. 24—25; Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. С. 66.

¹⁶ Маретина С. А., Семенов Ю. И. Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования этноса и изменения традиций»//Сов. этнография. 1985. № 1. С. 70, 75.

¹⁷ Рычков Ю. Г., Яцук Е. В. Указ. раб. С. 23.

Локальная популяция постоянно «отсылала» часть своего генофонда в другие локальные популяции и соответственно «получала» такую долю генофонда чаще всего из третьих популяций. Именно этими локальными популяциями формировалась сложная сеть брачных связей, которая не была постоянной и менялась от поколения к поколению, что способствовало установлению генетического равновесия в пределах крупной популяции и сопряженного с ней этноса.

На этом низшем уровне популяционной системы и решалась судьба крупных популяций, так как «прорыв» их генетического барьера осуществлялся локальными популяциями путем вовлечения чужеродцев в круг брачных связей. Наиболее существенные коррективы в круг брачных связей вносила подвижность общин, смена мест обитания и миграция. Именно на уровне локальных популяций в первобытном обществе зарождался и реализовывался этногенез. Поэтому ключ к раскрытию проблем этногенеза находится в локальных популяциях.

Все сказанное позволяет сделать один общий вывод. В первобытном обществе иерархия популяционной системы жестко связана с иерархической структурой этноса¹⁸, где от первобытной общины, образующей новую этносоциальную и популяционную иерархию, равным образом зависят этническая и генетическая судьба этноса и соответствующей ей крупной популяции.

Рассмотрим теперь вопросы, связанные с практическим применением популяционного подхода при анализе палеоантропологических материалов, используемых в качестве этногенетического источника.

В этой связи необходимо рассмотреть, что представляет собой дельный могильник — основной источник палеоантропологических сер. В археологии бытует представление, что могильник является местом погребения родовых коллективов. Поскольку родовой коллектив постоянно включает в свой состав индивидуумов, пришедших по браку, то логичнее считать такой могильник местом погребения членов первобытной общины. Поэтому всех погребенных в одном могильнике с достаточным основанием можно рассматривать как локальную палеопопуляцию, а палеоантропологическую серию как выборку этой палеопопуляции. Однако, могильник может быть оставлен и несколькими родовыми коллективами, а в некоторых случаях он может быть и местом погребения отдельных племен.

Однако в любом из этих случаев все погребенные в одном могильнике будут представлять палеопопуляцию, только разных уровней. Этот вывод со всей очевидностью вытекает из выявленной нами в первобытном обществе жесткой связи популяционной системы с иерархией этнической структуры.

Является ли могильник местом захоронения членов первобытной общины, фратрии или племени, в каждом отдельном случае погребенных в нем при жизни были разного уровня этносоциальными единицами кого-то этноса, которому соответствовала определенная палеопопуляция. Поэтому любую палеоантропологическую серию, представляющую дельный могильник, с достаточным основанием можно рассматривать как палеопопуляцию.

Поскольку в любом функционирующем социальном организме первобытного общества, будь то первобытная община или племя, социальные связи образуют целостную систему, можно предполагать, что и могильник, оставленный таким коллективом, будет организован соответственно существовавшим социальным связям; поэтому его можно рассматривать и изучать как замкнутую систему. В этом случае следует ожидать

¹⁸ По-видимому, степень сопряженности локальной популяции и первобытной общины будет разной в таких обществах, как бродячие охотники и собиратели и оседлые земледельцы. Характер сопряженности локальной популяции с элементарным социальным организмом, очевидно, определялся конкретным хозяйственно-культурным типом и соответствующим ему образом жизни. Однако в целом это не противоречит выводу о строгой сопряженности популяционной системы с иерархической структурой этноса.

ю характер родственных и социальных связей, существовавший при жизни между членами коллектива, должен предопределить не только их размещение в одном могильнике, но и обусловить определенный порядок размещения погребенных на площади могильника, соответствующий полу, возрасту, социальной или имущественной дифференциации и семейно-брачным отношениям.

Этот вывод о неперменном отражении в могильнике тех социальных связей, которые существовали при жизни между членами коллектива, ставившего могильник, является основополагающим для реконструкции палеопопуляции, протекавших в ней этногенетических процессов и обучения общества в целом.

Палеоантропологическая серия черепов, представляющая палеопопуляцию, хранит огромную информацию, в том числе и этногенетическую, которую мы, пользуясь традиционными методами анализа, по-видимому, безвозвратно теряем. Укоренившиеся же традиции в наших палеоантропологических исследованиях способствуют полному отчуждению палеоантропологических серий от некогда существовавших живых коллективов и переносу их в некую абстрактную сферу математических закономерностей.

Основным методом изучения палеопопуляции и выявления происшедших в ней генетических процессов может быть только комплексный, междисциплинарный метод, где должны быть использованы все возможные антропологические и археологические данные о погребенных в одном могильнике. На первый взгляд это может показаться банальной истиной, так как археологические сведения в том или ином объеме обычно используются антропологами. Однако археологические сведения недостаточно привлекать выборочно¹⁹. Необходимо обратиться к могильнику как к замкнутой системе и выявить все многообразие связей между всеми ее элементами. Осуществить это можно только в тесном сотрудничестве с археологом — руководителем раскопок могильника. Отправной точкой в таком исследовании должна служить микротопография погребений, т. е. сам план могильника. Характер связи расположения погребенных с их половой принадлежностью, возрастом, антропологическими особенностями, погребальными традициями, сопровождающим инвентарем и т. д. позволит выявить в пределах конкретного коллектива характер и структуру семьи, семейно-брачные нормы, в случае неоднородного антропологического состава — характер смешения, направление потока генов, а также демографическую и социальную структуру общества.

Назовем вопросы, которые должны интересовать исследователя, приступающего к изучению древнего могильника: погребены ли раздельно мужчины и женщины, имеются ли отсутствуют на могильнике гнезда семейных погребений, образуют ли какие-либо погребения отдельные площадки на могильнике, выделяются ли они по погребальному обряду, сопровождающему инвентарю или антропологическим особенностям? Где локализованы могилы детей, связаны ли они с мужскими или женскими погребениями, имеются ли различия в топографии могил детей и подростков? Где расположены те погребения, в которых найдены черепа, отличающиеся антропологически от большинства других и нередко заключаемые нами в разряд «механической смеси»? Если они происходят из семейных гнезд, то это будет прямым указанием на происходившее смешение. Имеется ли повторяемость в этом явлении? Выявление всего многообразия закономерных связей между самыми различными элементами, представленными отдельным могильником, даст возможность исследователю не только проникнуть в жизнь того коллектива, которым

¹⁹ Равным образом и в археологическом исследовании могильника антропологические данные должны привлекаться не выборочно, а в полном объеме. Сложившаяся практика разделения археологического и палеоантропологического материалов одного могильника с последующим их анализом как самостоятельных источников не оправдана по той причине, что так мы искусственно разъединяем единое целое на две части, действительно не существовавшие, что влечет за собой потерю важной научной информации.

оставлен могильник, но и в корне перестроит научное мышление самого исследователя относительно изучаемого объекта, что также крайне важно.

Конечно, из-за неудовлетворительной сохранности некоторых палеоантропологических серий, такой анализ в полном объеме осуществиться всегда возможно, но в любом случае элементы комплексного анализа должны присутствовать в исследовании каждой палеоантропологической серии. Если палеоантропологические серии разной сохранности будут представлены несколькими могильниками одной археологической культуры, то картина получится более полная и позволит судить о протекавших этногенетических процессах в пределах этноса.

Следует заметить, что данные о половой принадлежности и возрасте погребенных — очень важный источник для изучения палеопопуляционной структуры общества в целом, поэтому необходимо учитывать и изучать любые костные фрагменты, сохранившиеся в погребениях.

Остановимся на некоторых примерах, которые помогут более конкретно представить роль социального механизма в перестройке генетической структуры локальной популяции и понять важность изучения могильника как замкнутой системы. Учет закономерностей в характере положения на могильнике тех индивидуумов, которые составляют палеоантропологическую серию, особенно плодотворен в тех случаях, когда в круг брачных связей первобытной общины, оставившей могильник, включались чужеродцы, служившие источником перестройки генетической структуры.

Представим, что родовая община, оставившая могильник, мигрировала на данную территорию, где устанавливала брачные связи с местными общинами, характеризующимися совсем иным антропологическим типом. Тогда жены мужчин, если брак патрилокальный, будут принадлежать к иному антропологическому типу, чем у мужчин пришлое родовое население. В этом случае так называемая «механическая смесь», которая нередко выявляется исследователями в палеоантропологических сериях, в действительности обусловлена экзогамными брачными узами и патрилокальным брачным поселением, что и является тем источником, через который шел генный поток в изучаемую палеопопуляцию. Такие смешанные браки, если они образуют на могильнике семейные погребения, позволяют легко выявить исходные антропологические компоненты формирующейся локальной популяции. Но в родовых общинах, где ее пришлое население составляют женщины-жены, т. е. при патрилокальном брачном поселении, только мальчики, родившиеся от смешанных браков, остаются в своей родовой общине, тогда как девочки, достигнув брачного возраста, переселяются в родовые общины своих мужей и после смерти будут погребены в другом месте, в могильнике родовых общин своих мужей.

Следовательно, в данной родовой общине при патрилокальном брачном поселении и постоянном круге брачных связей метисация в ряду сменяющихся поколений проявится вполне конкретным образом — только в мужской половине населения. Иными словами, генный поток в данную локальную популяцию идет только через женскую половину (через женщин-жен), но «накапливается» в мужской половине населения, так как девушки, родившиеся от смешанных браков, уходят, выйдя замуж, в другие родовые общины. В этом случае на могильнике женские погребения будут представлены преимущественно женами мужчин, пришедшими из родовых общин иного происхождения и соответственно в течение нескольких поколений могут представлять свой исконный антропологический тип без следов метисации.

Естественно, что в случае матрилокального брачного поселения, в прочих равных условиях, в антропологическом составе мужчин и женщин выявится обратная картина, что лишним раз указывает на полную зависимость характера перестройки генетической структуры популяции от социального брачного механизма.

Таким образом, если могильник охватывает всего несколько поколений, то по антропологическому составу погребенных мужчин и женщин

можно судить о характере брачного поселения, а дополняющие сведения о форме семьи можно извлечь из анализа характера расположения на могильнике мужских, женских и детских погребений.

Если в круг брачных связей вовлечены популяции, представляющие собой два различных антропологических типа, то при патрилокальном брачном поселении антропологический тип мужчин в ряду сменяющихся поколений будет все больше сближаться с антропологическим типом женщин, через которых шел генный поток в популяцию. Если изучаемым могильником будет представлен именно этот хронологический срез популяции, то об исходном антропологическом типе населения нельзя судить по преобладающему метисному антропологическому типу мужчин. В таком случае исходный антропологический тип населения, основавший могильник, может быть представлен всего лишь незначительной долей мужских погребений и легко зачислен (при наших традиционных методах исследования) в разряд случайной механической примеси. Поэтому так важен анализ соотношения антропологических особенностей погребенных и микротопографии могил. Особенно важно учитывать последовательность совершенных погребений на могильнике, что может отразить хотя бы приблизительную картину сменяемости поколений. В любом случае важную научную информацию можно извлечь из сравнения черепов, полученных из погребений центральной части и периферии могильника.

Дуально-родовая организация совсем не означала, что связи по браку осуществлялись только между двумя постоянно брачующимися экзогамными родовыми коллективами. В действительности круг брачных связей нередко был весьма разветвленным не только при жизни одного поколения. Он менялся и от поколения к поколению.

Допустим, что на какой-то территории проживающие местные родовые общины были представлены двумя разными антропологическими типами. Если в эту неоднородную антропологическую среду мигрирует население совершенно иного антропологического типа, то впоследствии в круг брачных связей данной родовой общины могут быть вовлечены женщины местных общин, принадлежащие к двум разным антропологическим типам. К тому же мигрировавшее население устанавливало брачные связи с родовыми общинами и своей же этнической и расовой принадлежности. Поэтому при патрилокальном брачном поселении среди некоторой части женщин-жен данной родовой общины может быть представлен тот же антропологический тип, что и у мужчин исходной популяции. Таким образом, генофонд данной мигрировавшей популяции будет поддерживаться тем, что в круг брачных связей включены женщины родовых общин той же расовой принадлежности. В этом случае в ряду сменяющихся поколений метисацией не будет охвачено все мужское население. Но с другой стороны, если погребениями могильника будет представлен именно такой разветвленный круг брачных связей, то антропологический состав соответствующей палеоантропологической серии будет весьма неоднородным. Во-первых, в женской серии черепов будет отчетливо выражена так называемая «механическая смесь», так как на протяжении ряда поколений женщинами-женами могут быть представлены все три (обозначенные выше) антропологических типа женщин без следов метисации. Во-вторых, по той причине, что в круг брачных связей данной популяции вовлекались женщины и своей же расовой принадлежности, исходный антропологический тип населения, оставившего могильник, может дольше сохраняться среди определенной части мужчин и будет отчетливо представлен самостоятельным компонентом в серии мужских черепов²⁰.

Следует учитывать и то, что миграция нового населения нередко сопровождается военными столкновениями. В этих случаях закладка мо-

²⁰ Аналогичная ситуация выявлена в Кивуткалнском могильнике. См.: Денисов Р. Я., Граудонис Я. Я., Гравере Р. У. Кивуткалнский могильник эпохи бронзы. С. 112—162.

гильника могла начинаться с захоронения воинов, погибших в военных столкновениях. Поэтому та площадь могильника, где осуществлялись первые погребения, будет представлять погребенных одного исходного антропологического типа мигрировавшего населения. Это позволит в сложном антропологическом составе палеоантропологической серии выявить первоначальный антропологический тип мигрировавшего населения и объективнее раскрыть этногенетический процесс.

Группа родственных племен, мигрировавшая на значительное расстояние, расселяясь среди местного населения и осваивая новые земли, сталкивалась со сложной задачей сохранения своего этноса. Эта задача решалась в каждом отдельном случае по-разному. Иногда это выражалось в своеобразной форме ассимиляции, когда пришлые племена брали поощрительные браки с местными женщинами, но запрещали отдавать своих девушек замуж в местные общины. Такая односторонняя ассимиляция пришлыми племенами местных жителей получила название «ксеногамии» (чужебрачие)²¹. Если в этом случае ксеногамия пришлых племен сопровождалась традицией многоженства, то ассимиляция местного населения могла произойти в сравнительно короткие сроки. Это обеспечивало сохранение этноса пришлых племен, но значительно изменяло антропологический тип мигрировавшего населения, так как извне был привлечен мощный генный поток в популяции иммигрантов.

Картину такой односторонней ассимиляции можно раскрыть на палеоантропологическом материале, представленном синхронными могильниками местного и пришлого населения.

Именно так происходила тюркизация местного населения Малой Азии²², где тюрки-кочевники, оседая на землях Анатолии, через ксеногамию сохранили и приумножили свой этнос, но изменили свой антропологический облик. Возможно, аналогично шел этногенез и у венгров после переселения на их современную территорию, что позволило им сохранить свой язык и этноним. Одну из причин сохранения этноса, или, наоборот, утраты этнического самосознания, по-видимому, следует искать именно в характере системы брачных связей между мигрировавшими племенами и автохтонным населением.

Приведенные примеры не исчерпывают всего многообразия различных форм перестройки генетической структуры популяций от характера социального механизма брачных связей, но они достаточно наглядно показывают необходимость изучения этногенеза путем комплексного анализа могильника и палеоантропологической серии из него, которую следует рассматривать как локальную палеопопуляцию, раскрывая все ее характеристики: форму семьи, круг брачных связей, характер потока нов и демографической структуры. Все это позволит на строго научном основании оценить фенотипическое проявление перестройки генетической структуры популяции, происходившей в результате смешения и ассимиляции. Такой комплексный подход требует определенных знаний основных закономерностей развития первобытного общества. Любой исследователь, приступающий к изучению палеоантропологической серии, прежде всего должен уяснить, кем оставлен могильник — кочующими охотниками и собирателями, или оседлыми рыболовами и охотниками, или земледельцами, кочевниками скотоводами и т. д. Каким образом были в этих обществах характер общественной организации или семейно-брачных отношений? Это позволит на более высоком профессиональном уровне сформулировать задачи исследования и выбрать методику анализа.

Все изложенное не оставляет никаких сомнений в значительной ценности не только мужских, но и женских черепов, представляющих один могильник. Мужские и женские черепа фактически являются важными самостоятельными источниками, в которых скрыта разная, но взаимосо-

²¹ Еремеев Д. Е. Роль кочевников в этнической истории // Расы и народы. М., 1932. С. 32, 33.

²² Там же. С. 32.

полняющая информация. Поэтому будет в корне неверным основывать антропологическую характеристику популяции только на мужских черепках. Сравнительный анализ антропологического состава мужских и женских серий черепов одного могильника предостережет от ошибок в трактовке причин неоднородности палеоантропологической серии.

Трудности, возникающие в определении половой принадлежности черепов, чаще всего связаны с наличием в серии по меньшей мере двух антропологических типов. Особенно осложняется определение половой принадлежности черепов если мужская и женская серии представлены разными антропологическими типами или же имеются одни и те же антропологические типы, но в разной пропорции. Во всех этих случаях выявляющийся нарушенный половой диморфизм будет указывать на неоднородность антропологического состава изучаемой серии черепов, а суммарная серия женских и суммарная серия мужских черепов будет отражать всего лишь математически усредненные величины признаков, а не антропологические типы, существовавшие в действительности. Статистический внутригрупповой анализ всего лишь подтвердит неоднородность серии черепов, но не сможет объяснить действительные причины неоднородности. Поэтому так важен комплексный анализ с учетом топографии погребений на могильнике, который позволит выявить характер и причины неоднородности изучаемой серии черепов.

Все сказанное о краниологической серии одного могильника позволяет объективнее оценить сборные палеоантропологические серии, которые нередко представляют собою механическое, неоправданное, с популяционной точки зрения объединение черепов, вызванное стремлением увеличить их численность, что в действительности удовлетворяет лишь формальную сторону — математическую достоверность данных. В сборной серии искусственно объединяется целый ряд локальных популяций не только территориально далеко отстоящих друг от друга, но и представляющих собой самые разные хронологические уровни формирующихся популяций. Это относится и к тем палеоантропологическим сериям, которыми представлен один этнос или археологическая культура, охватывающая значительную территорию и нередко большой отрезок времени. В данном случае на одной границе единой в этническом отношении территории в круг брачных связей могут быть вовлечены популяции совсем иного происхождения, чем на противоположной. Объединение таких локальных популяций в одну крупную выборку будет чисто механическим, что никак не способствует раскрытию этногенетического процесса.

Конечно, могут быть и такие хронологические срезы, когда в популяционной структуре этноса наступало генетическое равновесие, и тогда объединение палеоантропологических серий будет оправданным, так как они в совокупности могут представлять крупную выборку большой популяции. Однако в каждом отдельном случае, когда такое объединение предпринимается, оно должно быть научно обосновано.

Мы попытались изложить популяционно-антропологический аспект этногенеза и связанный с ним комплексный подход к анализу могильника, представляющего палеоантропологическую серию, применение которого, по нашему мнению, должно способствовать изучению палеоантропологических серий на популяционном уровне, что позволит более полному и объективному извлечению этногенетической информации из палеоантропологического материала.

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ Ю. В. БРОМЛЕЯ, М. В. КРЮКОВА «ЭТНОГРАФИЯ: МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУК, ШКОЛЫ, МЕТОДЫ» [СЭ, 1987, № 3] *

Ю. В. Арутюнян

О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЭТНОГРАФИИ И СОЦИОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Активное обсуждение теоретических вопросов имеет значение не только само по себе, т. е. для общего осмысления изучаемых явлений и процессов, но и с практической точки зрения. И сейчас, когда рассматриваются место этнографии в системе общественных наук, ее направления, школы, цели, важно, по-видимому, представить себе, как соотносится этнографическая наука с другими смежными науками, какие функции принадлежат, какие задачи должны быть ею выполнены для понимания весьма значимых в нашем мире современных национальных проблем, оценки действительности и перспектив развития национальных процессов. С этой точки зрения представляется, в частности, важным осмыслить членение этнографии на «составные» дисциплины, в их числе — историческую этнографию, этнографию современности и этносоциологию.

По существу перед названными направлениями или дисциплинами стоят органически взаимосвязанные, но все же далеко не однозначные цели. Историческая этнография, органически связанная с этногенезом, занимается, как это отмечается в литературе (Сов. этнография. 1988. № 5. С. 16—24), процессами исторически огромной дистанции и имеет в конечном счете цель отразить формирование и утверждение «живых» настоящее время этносов. Этнография современности, как это явствует из самого ее названия, отражает реальную действительность, функционирование этносов в наше время, т. е. процессы, которые мы переживаем свидетелями которых мы непосредственно являемся. Разумеется, эта реальность нашей действительности, фиксируемые этнографией современности не могут не иметь прошлого. Историческая дистанция для их понимания необходима, но она в этом случае (в рамках этнографии современности) берется как бы из вторых рук и не является предметом собственно исследования. Это и понятно. И источники, и методы, и ожидаемые результаты, и соответственно границы предмета исследования в исторической этнографии, как и в этнографии современности не однозначны. Все этносы не функционируют вне социальной среды, вне социальных отношений. Глубинная трансформация социальных отношений в современном мире органически влияет на развитие этносов и таким образом дифференцирует этнографию историческую и современную, поскольку в этих областях знаний отражаются разные исторические периоды и потому — разные социальные закономерности и по сути разные механизмы развития этносов.

* Здесь и в остальных откликах ссылки на исходную статью даются в тексте.

Одной из очевидных существенных черт современного этнического развития является, в частности, изменение внутренней структуры этнического организма, что не может не наложить отпечатка на историческую этнографию и этнографию современности, не дифференцируя их «предметные» интересы. Так, этнография современности в отличие от исторической, по-видимому, особое внимание должна уделять, например, профессиональной культуре и национальному самосознанию, тогда как в исторической этнографии неизбежно заметнее выражен интерес к материальной культуре и культурно-бытовым традициям прошлого.

Разумеется, все это не означает, что между исторической этнографией и этнографией современности непроходимая стена — здесь нет и не может быть перегородки. Но разные акценты в предметах исследования очевидны. Прошлое, формирование этносов — в поле зрения исторической этнографии. Этнография современности может и должна рассматривать трансформацию населения прошлого в современной жизни, но особый интерес, конечно, концентрируется на том, что нового привносит в жизнь этноса наша действительность, и в связи с этим многое в осмыслении этнических процессов по сравнению с исторической этнографией может меняться по существу. Не случайно в книге «Современные этнические процессы в СССР»¹ уделяется внимание профессиональной культуре, сочетанию национального и интернационального в духовной жизни, механизма и интенсивности двуязычия, существенным изменениям в социальной среде, динамике социальной структуры советских наций.

Даже при таком, довольно-таки беглом обзоре этнографии современности очевидна ее органическая стыковка с социологией. По существу потребностями осмысления современных этнических процессов и определилось рождение этносоциологии как пограничной этнографической и социологической дисциплины.

Функции этносоциологии были правильно поняты еще тогда, когда она делала свои первые «младенческие» шаги (см. Сов. этнография. 1967. № 3). Как и ожидалось, она должна была сыграть двуединую роль — привести этнографию в социологию и социологию в этнографию. С одной стороны, этнография современности органически пуждалась в осмыслении социальной многовариантности, множественности общих этнических процессов, научном анализе соотношения национального и интернационального в разных социальных группах и социальных средах. С другой стороны, отражение этнической неоднородности, этнических факторов в общих социальных процессах, включая даже такие, как изменение социальной структуры народов, их социальной мобильности, сближения города и деревни и других социальных процессов позволили бы лучше оценить и понять роль этнических факторов в нашей социальной жизни, полнее представить национальную многовариантность самых существенных социальных процессов, характерных для нашего общества.

Именно этими целями и было обусловлено появление этносоциологии. Нетрудно заметить, что направленность интересов в этносоциологии сразу же была неоднозначна. Изучение социального в национальном, социальной обусловленности и многомерности этнических процессов — это то, в чем органически пуждалась современная этнография. Такой интерес со всей очевидностью проявлялся в развивающихся сейчас исследованиях современных этнических процессов в Поволжье, в известной мере на Кавказе и в Средней Азии. В этих исследованиях нашли отражение и социальные детерминанты, или «спутники» этнических процессов и их социальная многомерность. Что касается национального (этнического) в социальном, т. е. национальной многовариантности и неоднозначности широких и общих социальных процессов, то их осмысление — жизненная нужда конкретной социологии. В нашей многонациональной стране без учета национальной мозаичности социальных процессов и явлений (национальных факторов) реально невозможно давать исчерпывающие и конструктивные практические рекомендации. Хотя в этносоциологии, та-

¹ Современные этнические процессы в СССР. М., 1977.

ким образом, очевидно некоторое различие или, лучше сказать, отклонения, конкретных интересов, их разделение на «преимущественно этнографические» и «преимущественно социологические», ценность этой дисциплины в органической взаимосвязанности, системном сочетании (понимании и отражении) этнических и социальных процессов в современном обществе. Такое сочетание двух наук необходимо не только с позиций этнографии, но и с позиций социологии, так как социологическая служба в нашей стране пока мало учитывает этническую многомерность общих социальных процессов, и заполнить этот вакуум — важная задача этносоциологии. Опыт показал, что заинтересованность этнографов в развитии этносоциологической дисциплины, по-видимому, оправдана. Этносоциология сыграла свою роль и в расширении «социального» диапазона этнографических исследований современности — в отражении органических связей этнических и социальных процессов, что позволяло по существу полное вскрывать их взаимодействие.

Сейчас в этнографии современности и этносоциологии больше сходства, чем различий. Если говорить о сходстве, то это прежде всего масштабность и широта в осмыслении национальных процессов. Не будем преувеличением сказать, что в общественных науках так же, как и в естествознании и математике, мы переживаем период быстрой дифференциации наук и в то же время интеграции и создания новых субдисциплин на стыке наук. Причем потенциально, может быть, этнография здесь занимает особое место, так как национальные аспекты безусловно «проглядывают» во всех сферах жизни. Наметившиеся отраслевые и межотраслевые научные направления — типа этнодемографии, этнолингвистики, этногеографии — принципиально отличаются от этносоциологии и этнографии современности, потому что и этнография и этносоциология — многоотраслевые, комплексные разноплановые дисциплины. Специфика и различия связаны с тем, что при этом они взаимодействуют с разными такими же широкими смежными дисциплинами — этнография современности — с исторической этнографией, а этносоциология — с общей социологией.

В этой связи и в этнографии современности и в этносоциологии очевидна сразу же такая общая и в то же время специфическая черта, как историзм. Этнографии современности, так же, как и этносоциологии, как это уже подчеркивалось в литературе, необходимы историческая логика и осмысление исторических посылок современных процессов. Но возможно между этими дисциплинами есть пока некоторая разница в масштабах историзма. Для этнографии современности масштабы весьма крупные, чуть ли не стадийные, формационные. Этносоциология же должна оценить интенсивность «живых», прямо наблюдаемых явлений, практически реализуемых процессов. Отсюда острая необходимость фиксации наблюдаемых явлений в реально зримых «временных пространствах».

Надо сказать однако, что в последнее время и в современной этнографии стала ощущаться потребность «сужения» «временного» диапазона наблюдаемых явлений. В частности, и этнография современности приходит к необходимости повторных (т. е. «панельных») исследований для конкретного отражения интенсивности изучаемых процессов.

Много сходства проявляется между этнографией современности и этносоциологией и в методике исследования. По существу уже сейчас этнография современности приняла и достаточно освоила приемы и методы социологических исследований. Это сказывается на разработке программ исследования, принципах выборки, выделении и точной характеристике сравниваемых этнических групп. Вопреки распространенному представлению о том, что основным методическим средством в этнографии является наблюдение, в этнографии современности, так же как и в этносоциологии основной арсенал конкретных источников формируется преимущественно за счет статистических, массовых документальных материалов и представительного опроса населения. Причем трудно согласиться с встречающимся иногда альтернативным восприятием источни-

ков — «наблюдений» и «опроса» (Сов. этнография. 1987. № 3. С. 57). В социологии существует даже понятие «включенное наблюдение», которое весьма желательно для адекватного представления об изучаемых явлениях. Но социология претендует на точную социальную статистику, а без массовых или экспериментально групповых, строгих и хорошо организованных опросов, в основе которых лежат продуманные программы исследования, достичь этой цели невозможно. Поэтому в этнографии современности, так же как и в этносоциологии обязательны статистические представительные опросы, отражающие изменения социально-этнических черт изучаемых народов. Без этого нельзя судить о направленности, интенсивности наблюдаемых процессов, а по существу невозможно реально их регулировать.

Учитывая огромную трудоемкость осуществления такого рода программ исследования, понимаешь необходимость особого внимания к ним. Жизненно важна в таких исследованиях высокая требовательность при разработке их программы, выборки, техники опроса и приемов обработки материала. Без соблюдения строгих условий контроля сравнительные исследования вообще не только не будут реально сравнимыми, но и приводят к искаженной информации и могут принести не просто научный, но и практический и даже политический ущерб. Представьте себе, например, неточность в оценке динамики межличностных национальных отношений или трудового потенциала национальных регионов. Понятно, что лучше вообще не делать исследований, чем проводить их с риском ошибиться в подобных вопросах. Отсюда особая требовательность к их методике и организации. От методики во многом зависит исход работы и понятно, что здесь нет второстепенных вопросов. Все имеет значение — например, должны ли совпадать национальности интервьюера и респондента, на каком языке публиковать опросные листы и т. д. В этносоциологии накоплен известный опыт, и им можно уже воспользоваться не только для постановки некоторых методических вопросов такого типа (см. Сов. этнография. 1987. № 3. С. 57), но и для их решения².

В заключение хочется особо остановиться на одном из вопросов, способствующих принятию оптимальных решений — междисциплинарной кооперации и координации вообще, а тем более в рамках одного института. Необходимость некоторых организационных шагов, когда речь идет о дифференциации и взаимодействии научных дисциплин, уже сейчас кажется весьма очевидной и реально осуществимой. Бросается, например, в глаза целесообразность изменения структуры специализированных ученых советов Института этнографии АН СССР (о чем нам доводилось говорить и раньше). Зачем, например, делить ученые советы на «докторские» и «кандидатские»? А при большом разнообразии научных интересов в системе дисциплин, с которыми связана этнография, тем более такая дифференциация приобретает формальный характер. Гораздо целесообразнее было выделить ученые советы не по «степеням», а по «научным интересам». При таком подходе следовало бы образовать ученые советы — один по этногенезу и исторической этнографии, а другой — по современной этнографии и этносоциологии. Знакомство с тематикой защищенных за последние годы диссертаций показывает, что эти два ученых совета были бы в одинаковой мере загружены. Разумеется, такие ученые советы могут заниматься не только диссертациями. Для рассмотрения общих вопросов можно устраивать совместные заседания. Междисциплинарная координация, естественно, не будет ограничиваться лишь перестройкой ученых советов. Но это был бы существенный организационный шаг, ориентированный на оживление научной жизни.

² Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984. С. 79.

На этнографическую науку можно смотреть под разными углами зрения. Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков смотрят на нее через призму понимания. В советской этнографической науке интереса к проблемам этноса. Предметом этнографии оказываются, таким образом, традиционно-бытовые аспекты культуры, отличающие один этнос от другого (с. 46). Черты, общие для многих этносов, интересуют этнографическую специфику (с. 46). Такой подход вполне правомерен. В данном случае, однако, речь идет о составлении словаря этнографических понятий и терминов, и желательно охватить в этом словаре всю этнографическую проблематику, а не только ту ее часть, которая связана с проблемами этноса.

Намеченная в статье периодизация (с. 59) не вызывает возражения, если понимать ее не как смену одних проблем другими, а как появление в дополнение к прежним новых проблем. Интерес к первобытному обществу в его конкретных вариантах, характерный для советской этнографической науки 1920—1930-х годов, не угасает и ныне. Внимание к изучению культуры, наблюдавшееся в 1950—1960-х годах, не ослабело в наши дни. Этнографическая наука начиналась именно с исследования первобытного общества (Л. Г. Морган, Дж. Ф. Мак-Леннан), а также материальной и духовной культуры (Э. Тайлор) в ходе развития от каменного века до «цивилизации». Основатели этнографической науки умели видеть в недавнем хронологическом прошлом (и даже в современности) стадильную глубину. Сейчас в «западной» этнографической науке это умение утрачено, и факты этнографии располагаются либо в временной плоскости, либо в узком временном промежутке, которым располагает «этноистория», базирующаяся на письменных документах. Ленинские исследования, начатая в трудах Л. Г. Моргана, Э. Тайлора, Ф. Энгельса, имеет свое продолжение по существу только в советской этнографической науке. Тем выше наша ответственность за разработку этнопроблематики перед мировой этнографией, составную часть которой составляет наша наука. Только на этом широком мировом фоне можно увидеть специфику истории нашей науки, выявить ценность наших достижений.

Едва ли справедливо утверждение, что этнография существенно отличается от культурной и социальной антропологии (с. 49), а также что Дж. Ф. Мак-Леннан и Э. Тайлор «не были этнографами в нашем сегодняшнем понимании этого слова» (с. 50). Трудно понять, почему в статье не отмечены наряду с недостатками во взглядах Л. Г. Моргана (с. 51, 52) его заслуги. Неясно, почему только упомянуто, что Ф. Боас выступил против сравнительного метода (с. 53), а оценка этого факта отсутствует. Кстати, заслуги Ф. Боаса, как представляется, чрезмерно завышены: авторы говорят, что он совершил переворот в методике сбора информации, его сторонники осуществили переход от анкетирования к наблюдению; он ввел в практику стационарный метод полевой работы. А Бэтиан вообще не занимался анкетированием — он пользовался методом непосредственного наблюдения. Л. Г. Морган не только рассылал вопросники, но стационарно изучал ирокезов с помощью метода непосредственного наблюдения, посетил ряд других племен. Н. Н. Миклухо-Маклай стационарно работал на Новой Гвинее, используя метод непосредственного наблюдения.

Вряд ли можно согласиться и с тем, что Э. Дюркгейм, М. Моссэговали за точную фиксацию результатов непредвзятого наблюдения, свободного от привнесения преждевременных оценок, и шли от накопления фактов к их осмыслению (с. 21). На словах все школы за это сговорились — и эволюционисты, и диффузионисты, и функционалисты, и шко

ла Ф. Боаса. А на деле у всех у них, в том числе и у Э. Дюркгейма и М. Мосса, имелись теоретические предпосылки.

Словарь этнографических понятий и терминов составляется нами совместно с учеными ГДР. В ГДР этнография характеризуется как историческая дисциплина¹, а в обсуждаемой статье авторы соглашаются со взглядом, что этнография имеет особый предмет изучения по сравнению с историей (с. 45). Предметом этнографии в ГДР объявлена триада (образ жизни, культура, этнос)², а в статье Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова — только этнос. В ходе работы над словарем, видимо, будет достигнуто единство взглядов. Хочется пожелать, чтобы мнение этнографов ГДР было учтено в максимально возможной мере.

¹ Etnographisch-anthropologische Zeitschrift. 1986. B. 27. № 1. S. 13, 19.

² Ibid., S. 19.

В. И. Козлов

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Уважаемые авторы предложенной для обсуждения статьи изложили ее в повествовательном стиле и не сформулировали четко проблемы, которые им хотелось бы прояснить в ходе такого обсуждения. Это может несколько снизить возможную эффективность дискуссии, распылить ее участников по огромному полю тематики статьи. Возникает соблазн пойти по легкому пути критики и отметить прежде всего, что тематика статьи излишне широка и не могла быть должным образом представлена в журнальных рамках. Это особенно заметно при характеристике этнографических «школ» и «методов», рассмотренных в специальных монографиях С. А. Токарева, Ю. П. Аверкиевой и других наших авторов¹, но лишь частично и очень бегло отраженных в данной статье; многие «школы» с их основоположниками и видными последователями в ней даже не упомянуты; отмечу, в частности, русскую школу Д. Н. Анучина и американскую школу культурной экологии Дж. Стюарда. Вопросы взаимоотношения этнографии с другими науками также уже были предметом специального рассмотрения; особенно следует отметить посвященный этим вопросам международный симпозиум в Бург-Вартенштейне (Австрия, 1976 г.), материалы которого, опубликованы у нас и за рубежом²; в обсуждаемой статье они даже не упомянуты. Вероятно, авторы столь широкой по тематике статьи вполне сознательно избрали повествовательный стиль и ограничили ее содержание. Однако это не означает, конечно, что все затронутые в ней проблемы уже решены; к некоторым из них приходится вновь и вновь возвращаться. В данном случае мне представляется целесообразным обсудить вопрос о формальных и реальных границах этнографической науки.

Центральное место статьи, где говорится о положении этнографии в системе общественных наук, начинается фразой: «Весьма плодотворным в обсуждении вопроса о месте этнографии среди родственных ей областей знания было выдвинутое в начале 1970-х годов предложение различать ее объект и предмет» (следует ссылка на работу Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография». М., 1973. С. 204). Далее говорится о том, что в соответствии с традицией, установившейся в отечественной этнографии,

¹ Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978; *его же*. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966; Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.

² Soviet and Western Anthropology. L., 1980.

«ее основным объектом были определены „народы-этносы“» (здесь авторы полемизируют с В. П. Алексеевым, который думает иначе), и «ядро ее предметной области составит слой культуры, в широком смысле слова, выполняющий этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовая культура», ибо именно ей, по мнению авторов, свойственна, «с одной стороны, функция объединения всех членов этноса (внутренняя этническая интеграция), а с другой — функция отграничения общности (межэтническая дифференциация)» (с. 46—47).

Принимая предложенный авторами ход рассуждений, не могу не обратить внимание на то, что потребность в уточнении предметной области или иной науки появляется лишь тогда, когда объектом ее изучения занимаются и другие науки. Какие науки имеются в виду в данном случае, из статьи понять трудно; кстати сказать, и полемика с В. П. Алексеевым, который также ограничился в данном отношении беглым замечанием (правда, без ссылки на «традицию»), могла бы быть более обстоятельной. В упомянутой выше книге Ю. В. Бромлея мне удалось найти слова о том, что «главными объектами этнографии являются этносы-народы» и что «главные объекты этнографии, истории и социологии совпадают лишь в том случае, когда в такой роли выступают этносоциальные организмы»³, но суть вопроса от этого прояснилась мало. Насколько мне известно, историки изучали и изучают историю народов различных стран и континентов, не выделяя «этносоциальные организмы»; нередко они анализируют и историю переселенческих этнических групп, явно относящихся к ЭСО, обращая внимание на то или иное явление культуры изучаемых объектов, но отнюдь не считая себя при этом «этнографами». Что же касается социологии (в ее широком понятии), то уместно признать, что сама теория этноса как особого вида общности людей в принципе является и до сих пор преимущественно разрабатывается скорее как социологическая, нежели этнографическая теория; как таковая она входит в более широкую теорию социальных группировок, в которой, естественно, учитываются как интегрирующие, так и дифференцирующие функции тех или иных группообразующих элементов. Теорией этнических (особенно национальных) общностей у нас по «традиции» занимаются и философы, специалисты в области исторического материализма, который в данной статье почему-то обойден вниманием авторов.

Некоторые вопросы остаются без ответа и при рассмотрении предметной области этнографии. Авторы статьи, предлагая рассматривать компоненты этноса сквозь призму выполняемых ими этнических функций и подчеркивая в этой связи значение «традиционно-бытовой культуры», пишут, вместе с тем, что «разумеется, этнография призвана раскрывать весь облик этноса — не только его отличия, но и черты, общие с другими этносами» (с. 46). Однако при расширении предметной области этнографии до охвата ею не только этнической, но также иноэтнической и интернациональной культуры становится очень условной грань между этнографией и культурологией — научной дисциплиной, о которой в статье опять-таки по существу ничего не сказано. Словом, несомненно «плодотворная» идея о выделении объекта и предмета этнографической науки, позволяющая уточнить ее место среди других общественных наук, еще нуждается в доработке.

На этом я оставляю предложенный авторами статьи путь рассуждений и перехожу к изложению некоторых соображений о сущности этнографии и ее задачах. Начну с характеристики двух основных крайних позиций, одну из которых с некоторой условностью можно назвать «ведомственно-ограниченной», а вторую — «общественно-необходимой». Сторонники первой позиции строго очерчивают тематику этнографии, утверждая, что она и не должна изучать ничего другого. Такая позиция встречается, к сожалению, не так уж редко. Она отчетливо проступила, например, во время подготовки к печати моей монографии «Иммигранты и этно-расовые проблемы в Британии», когда редактор, которой я в

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 206.

целом благодарен за проделанную работу, дошла до страниц, где показывалась сложность адаптации иммигрантов-мусульман к новой жизни в некоторых аспектах их личностно-бытовой сферы. Речь шла, в частности, о том, что эти иммигранты, даже попав в больницу, строго соблюдают деление рук на правую — «чистую» и левую — «нечистую» и потому не станут брать пищу левой рукой и касаться «интимных» частей тела правой рукой, даже если не могут пользоваться другой рукой; говорилось, что по традиции одна и та же вода не должна касаться тела дважды, и поэтому им трудно пользоваться английскими умывальниками без смесителя и т. п. «Это — не нужно, это — не этнография», — твердо сказала редактор, — в основополагающих этнографических трудах Ю. В. Бромлея этого нет». Я сопротивлялся сколько мог, но, получив гранки с предупреждением, чтобы их править как можно меньше, увидел, что «спорные» места оказались-таки исключенными из рукописи. Пришлось позавидовать В. Овчинникову, который в своей отличной, во многом этнографической книге «Сакура и дуб», показывал особенности жизни англичан, не заботясь, относится ли тот или иной факт к предметной области этнографии.

Должен сказать и о тревожном настроении, которое появилось у меня после того, как на январском 1987 г. Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев критиковал «обществоведов», которые недостаточно изучают национальные отношения в СССР и нередко приукрашивают их. Я сразу подумал о том, что, хотя оценка сложившейся в науке ситуации — вполне правильная, но по существу ни одна из общественных наук, в том числе и этнография, не примет эту критику в свой адрес, так как формально не включает в число своих основных задач изучение национальных (этнических) отношений; эти отношения изучаются обычно, так сказать, «на стороне». Сказанное не является упреком в адрес этнографов, которые, кстати, исследуют этнические отношения более основательно, чем другие обществоведы; оно нацелено лишь на то, чтобы показать несовпадение между предложенным определением сути этнографии и ее основной предметной сферы с тем кругом задач, которыми, подчиняясь нуждам общества, занимаются ученые, называющиеся «этнографами». Именно в таком подходе и проявляется вторая «общественно необходимая позиция». К этому можно добавить, что изучение семьи как таковой, формально также не входит в очерченную предметную сферу этнографии, однако этнографы издавна занимаются изучением семьи и отнюдь не только выполняемыми ею «этническими функциями». Иногда они здесь фактически смыкаются с социологами, иногда с демографами, подчиняясь при этом необходимости, а не «ведомственным» установкам. И вообще, если сопоставить очерченный авторами «предмет этнографической науки» с тематикой книг, выходящих под грифом Института этнографии АН СССР или с тематикой диссертаций, защищенных по специальности «этнография», то расхождения между ними окажутся очень большими.

В заключение хочу привлечь внимание еще к одному аспекту рассматриваемых вопросов. Известный английский философ Дж. Бернал в своем фундаментальном труде «Наука в истории общества» определил науку просто, как «то, что делают ученые»⁴. Определение подкупает своей краткостью, но оно сразу же вызывает вопрос, а кого считать ученым? Ученые степени и звания у нас настолько девальвированы, что многие кандидаты и даже доктора наук вряд ли достойны называться учеными. Кроме того, этнографическую науку пришлось бы определять как «то, что делают ученые-этнографы», и мы, кажется, оказались бы в логическом тупике. Поэтому уместно дополнить мысль Дж. Бернала еще одним определением. «Наука, — говорится в „Советском энциклопедическом словаре“, — ...одна из форм общественного сознания, включает как деятельность по получению нового знания, так и ее результат — сумму знаний, лежащих в основе научной картины мира». Данная формули-

⁴ Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1958. С. 19.

ровка не вполне совершенна, так как суть «науки» не проясняется от определения ее через «научную» картину мира, но другие, известные определения, не лучше. Ясно, однако, что ученый — это человек, обладающий способностями на основе уже накопленных знаний и полученных им новых фактов создавать новое знание. Естественно, что это относится и к ученым-этнографам; господствовавшая в недавнем прошлом тенденция к систематизации и типологизации массы полученного когда-то собираемого нового материала без его должного анализа и получения новых результатов в научном отношении была мало состоятельна. И в этом стоит сказать открыто.

Задачи этнографической науки или, точнее, границы сферы деятельности ученых, называемых «этнографами», «этнологами», «культурными антропологами» и т. п., как в России — СССР, так и за рубежом неоднократно изменялись, что отчасти показано и в обсуждаемой статье. По этому ссылки на какую-то «традицию» здесь мало эффективны. Такие ученые относились к весьма различным школам и направлениям, пользовались самыми различными «методами» и «методиками», поэтому объединение их в какие-то группы или выстраивание в какие-то цепочки страдало и всегда будет страдать условностью. Видимо, при этом не следует делать однозначный вывод о превосходстве советской этнографической науки. Тот, например, факт, что зарубежная культурная антропология не очень активно занимается современностью, отнюдь не следует относить к ее недостаткам, ибо изучением современности во всех ее аспектах (в том числе и в этническом) там успешно занимаются социологи.

Происшедшее в прошлом более или менее четкое разграничение науки и проявление кое-где «ведомственного» подхода к границам научных исследований привело к тому, что в последние десятилетия наиболее важным и актуальным стало получение «новых знаний» на стыках или, точнее, в «бреших» между отдельными науками. К чести «этнографов» следует сказать, что они активно включались в работу в новых областях, отражавшую общественные потребности; это проявилось в развитии этнической статистики и этнической картографии, а затем — этнической демографии и этнической географии, в развитии этнической социологии, в становлении этнической экологии, постепенном оформлении этнической психологии и т. д. Полагаю, что именно эти дисциплины, отклонившиеся в той или иной степени от традиционного «предмета» этнографической науки, в ближайшие десятилетия сохраняют свою значимость; это требует их учета при определении границ этнографии. В настоящее время, когда проявилась насущная потребность в изучении национальных (этнических) отношений, этнография может смело включить в число своих основных задач и эту проблематику.

Как представляется, этнографию в ее современном состоянии можно определить как комплексную науку, охватывающую своими исследованиями все аспекты возникновения и существования этнических общностей — одной из наиболее устойчивых и значимых форм коллективной жизни людей; эти задачи этнография решает во взаимодействии с другими общественными и естественными науками, что проявляется в развитии промежуточных дисциплин. Детализация этого определения, уточнение границ того, что именно должна изучать этнография, а что находится за ее границами, представляется мне нецелесообразным.

На первый взгляд, статья Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова «Этнография: место в системе наук, школы, методы», особенно ее первая часть, где речь идет о взаимоотношении этнографии с другими общественными (отчасти и естественными) науками, может показаться возвратом к вопросам, которые в свое время уже обсуждались. Это, собственно, так и есть. Вместе с тем нельзя не признать целесообразным периодическое возвращение к фундаментальным проблемам теории любой науки. Конечно, это может быть плодотворным только в том случае, если наука переживает какой-то новый этап своего развития. Для этнографии последнее несомненно.

Дело, разумеется, не просто в том, что международный коллектив авторов (из ГДР и СССР) в настоящее время готовит многотомный словарь этнографических понятий и терминов. С конца 1960-х годов развилась фронтальная разработка теории этноса, составляющая ныне теоретический фундамент общей этнографии. Именно это и позволило в наши дни приняться за столь многотрудную работу, цель которой подвести некоторые итоги и вместе с тем сблизить терминологическую (=понятийную, категориальную) традицию двух стран. Советская этнография, несомненно, находится в начале нового этапа своего развития, и это требует возвращения к некоторым существенным вопросам теории, уточнения тех решений, которые предлагались в конце 1960-х — начале 1970-х годов.

В частности, несомненно требует большего внимания, чем ей оказывалось до сих пор, история как русской (российской) и советской, так и зарубежной этнографии. Огромная, заслуживающая всяческого уважения работа, проделанная в этой области нашим выдающимся этнографом, покойным С. А. Токаревым, уже не может удовлетворить на современном этапе. Дело не только в том, что «История зарубежной этнографии» была им доведена до начала 60-х годов XX в., а «История русской этнографии» до 1917 г. Отдельные статьи в сборниках серии «Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», в «Советской этнографии» и др. не покрывают этого «белого пятна», которое становится все более обширным. К сожалению, капитальные тома С. А. Токарева устарели и в концептуальном отношении. Сказалось это в известной мере и на обсуждаемой статье.

Коснемся кратко только некоторых вопросов. Прежде всего остаются не дифференцированными термины «школа» и «направление». Очень часто они употребляются как синонимы. В статье Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова об этом тоже говорится. Вместе с тем по принятому в этой статье словоупотреблению, «школа» оказывается более широким понятием, чем «направление» (ср. на с. 50 «локальные направления»). Между тем, если стремиться при посредстве словаря содействовать более стабильному употреблению этих терминов, то естественнее было бы «школу» понимать как взаимоотношения «учителя» и «учеников». Так, например, ученые, вышедшие из школы Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораз-а («ленинградская школа» 1920-х годов), далеко не всегда в своей дальнейшей научной деятельности держались созданного ими направления. Или другой пример. О крупнейшем русском фольклористе второй половины XIX в. А. Н. Веселовском с полным основанием говорили, что он «из школы Ф. И. Буслаева», однако мы знаем, как далеко ушел он от Буслаева к концу XIX века. Пережив влияние диффузионизма, позже — революционизма, он создал свою «школу» и свое направление, к которому примыкали ученые, не бывшие его учениками, т. е. не прошедшие его «школу». Нам представляется такое словоупотребление более естественным для русского языка.

В обсуждаемой статье из русских ученых упоминаются только К. Д. Кавелин, В. Н. Тенишев и Н. И. Могилянский и притом довольно случайно (К. Д. Кавелин в известном смысле можно считать предшественником «теории пережитков» или, как она называлась в России, «теории живой старины», В. Н. Тенишева — предшественником функциональной школы и т. д.). Между тем более интенсивное обращение к истории русской этнографии важно было бы не только для работы над двуязычным словарем этнографических понятий и терминов (даже в ГДР, говоря уже о других странах зарубежной Европы и Америки, исключая славянские страны, крайне слабо знают историю русской этнографии). Знакомство с нею, безусловно, могло бы пригодиться и для размышлений об истории понимания предмета этнографии и ее методов. Разумеется, в одной краткой статье невозможно объять необъятное. Но учет опыта русской этнографии все-таки вопрос не дополнительный и не факультативный. Тем более что роль, которая отводится в концепции, развитой авторами статьи, Н. И. Могилянскому и тем более С. М. Широкогорову как в известной мере предшественнику современной этнографии, была бы понятнее читателям.

Далее, то, что говорится о прямых предшественниках современной этнографии весьма интересно. Соображения, которые высказаны по этому поводу в обсуждаемой статье, заслуживают самого пристального внимания. Однако, вероятно, следует четче дифференцировать этот вопрос, четче определить, когда и как формируется этнография как наука. Видимо, в этнографии следует зачислять далеко не только тех, кто понимал предмет этнографии так, как понимаем его мы. Иначе появляется опасность (она уже обозначилась в статье), что значительная часть этнографов прошлого окажется за пределами истории этнографии (ср. с. 49—Л. Г. Морган, с. 50 — Э. Тайлор), даже признанные классики этнографии. История любой науки, на наш взгляд, должна в первую очередь строиться на установлении того, как менялось представление об объекте, предмете, границах предметной области, познавательных и общественных функций этой области знания. Когда речь идет об общественных науках, объект которых — исторически развивающаяся социальная действительность, то концепция их развития, видимо, должна была бы быть построена на определенном фундаменте: как менялись только что перечисленные представления в зависимости от изменения экономической, социальной и культурной ситуации в мире, в изучаемой стране, у изучаемого народа. Кроме того, вероятно, необходимо также учитывать, какие «соседи» были у науки, которая нас интересует. Так, историю советской этнографии 1930—1950-х годов трудно понять без установления весьма важного факта — в эти десятилетия у нас в стране не существовала конкретная социология современности. Этнография не могла в тот период и на этом этапе своего развития не стремиться хоть как-нибудь заполнить эту пустоту. В настоящее время ситуация изменилась. С другой стороны, в настоящее время нет комплексной науки, которая занималась бы историей материальной и духовной культуры на всех ее уровнях, включая и традиционную-бытовые слои культуры. Поэтому этнография, как бы она ни сосредоточивала свои усилия на проблемах этногенеза, этнической истории современных этнических процессах, при всем том, что она оценивает и следование этнических функций традиционно-бытовой культуры как свою первостепенную задачу, не может не заниматься историей и типологией (или исторической типологией), морфологией, технологией и т. д. традиционно-бытовой культуры, так как рискует потерять один из своих важнейших источников. Если подобные исследования прекратятся, образуется очень существенный пробел в системе общественных наук. Пока серьезных претендентов на такого рода исследования, кроме этнографии в Советском Союзе нет. Заметим попутно, что в разных странах зарубежной Европы в разной мере, но уже сформировалась на почве исторической науки такая ее отрасль, как комплексная история культуры, включая историю бытовой культуры. Здесь можно было бы упомянуть популяризирующуюся значительной популярностью французскую группу «Annales

историко-бытовые изыскания историков ГДР — Ю. Кучинский и др., историков и этнографов ФРГ и скандинавских стран (так называемая *Kulturfixierungstheorie*) и др. У нас подобная тенденция только намечается (ср. «Историю культуры Древней Руси», весьма содержательную серию по истории русской культуры МГУ, выполненную при участии этнографов, интересные работы сибирских историков — учеников М. М. Громыко и Н. А. Миненко и др.) и до сих пор еще не получила теоретического обоснования.

Во всем остальном я целиком разделяю точку зрения авторов статей на соотношение этнографии и других общественных наук и считаю, как уже говорилось, своевременным обсуждение этой проблемы.

В заключение еще одно соображение, касающееся метода «прямого наблюдения». Авторы вполне сочувственно цитируют статью М. Н. Шмелевой, в которой она подчеркивает значение этого метода. Но надо иметь в виду, что в ней говорилось о полевой работе, связанной с проблемами этнографии современности. Даже если этнограф применяет метод анкетирования и количественно-статистические методы, ему необходимо дополнить и проверить (верифицировать) результаты логического анализа добытых данных прямым наблюдением и сопоставлением экспертных оценок. Заметим, что подобная проблема стоит и перед современной этносоциологией.

Если же полевая работа ведется с целью реконструкции традиционной-бытовой культуры того времени, когда она еще не размывалась процессами урбанизации, то далеко не всегда (или, точнее, все реже и реже) может быть применен метод прямого наблюдения по той естественной причине, что большинство комплексов традиционной материальной и духовной культуры не функционирует в быту и можно наблюдать только некоторые их пережиточные элементы (разумеется, в разной мере в различных слоях современной бытовой культуры). Приходится усиленно пользоваться методом опроса, опираясь на память старшего поколения. Все более важным подспорьем при этом становятся музейные экспонаты, иконографические и документальные источники. Этнография сравнительно недавнего прошлого (с начала XX в. до конца 1920-х — начала 1930-х годов) все более смыкается с исторической этнографией. Именно в связи с различием ситуаций, с которыми сталкиваются современные полевые исследователи, ставящие перед собой разные задачи (этнография современности и историческая этнография), «Советская этнография» начинала свое время дискуссии о методах работы не одной, а двумя статьями С. И. Вайнштейна и М. И. Шмелевой).

В. Е. Гусев

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ А. С. ПУШКИНА

«Всемирная отзывчивость» — так определил Ф. М. Достоевский-ренную особенность пушкинского гения. Это проявилось в творчестве великого русского поэта не только в отзыве на «вечные темы» искусства, не только в его переключке с классиками литературы и великими зарубежными современниками — от Гомера и Горация до Байрона, Гёте и Мицкевича, но и в широком охвате фактов истории и культуры человечества. Гуманистический универсализм Пушкина выразился в признании своеобразия и ценности культуры всех народов: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию. ... Её образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»¹. И хотя в эти высказывания речь идет об этнической самобытности, Пушкин связывал ее прежде всего с народом в собственном, социальном смысле — создателем основ всякой национальной культуры и хранителем ее ценности. Как поэт Пушкин, естественно, обращался к народной поэзии, его чуткое ухо уловило, пользуясь словами Гердера, «голоса народов в их песни» и в этом смысле он был первым русским гердерьянцем. Душа Пушкина сливаясь с музыкальной стихией русских народных песен, откликалась и на украинские, и на грузинские песни, на песни черкесов и крымских татар, на песни молдаван и на «песен радостные гулы» цыган, на песни сербских юнаков и греческих клефтов, на испанские и шотландские песни... Не случайно именно фольклоризм Пушкина давно привлекал внимание исследователей, и связям его творчества с народными песнями сказками посвящена обширная специальная литература².

Но отношение Пушкина к фольклору — лишь часть более широкого его интереса в области народной культуры в целом: к обычаям и нравам, обрядам, праздникам, играм, хороводам, верованиям, приметам, к многослойному мировоззрению и нравственному облику народа, к его национальному характеру. Этнографизм Пушкина в широком смысле слова еще не получил полного освещения в научной литературе. Немногочисленные опыты в этой области сводились главным образом к анализу отражения этнографических интересов Пушкина в его поэзии³. И уже первый, кто взялся за эту тему, определенно заявил о «заслуге Пушкина» для русской этнографии, заметив, что «успехи науки вы-

¹ Пушкин А. С. О народности в литературе // Полн. собр. соч. в 10 т. М.; Л., 1956. Т. VII. С. 39—40. Далее ссылки по этому изданию в тексте (римская цифра — том, арабская — страница).

² Из основных работ, обобщающих специальные и конкретные исследования, назовем: Чернышев В. И. Пушкин среди творцов и носителей русской песни // Пушкин и современники. Л., 1930. Вып. 38—39. С. 82—94; Андреев Н. П. Произведения Пушкина в фольклоре // Литературный критик. 1937. № 1. С. 151—168; Азадовский М. К. Пушкин и фольклор // Азадовский М. К. Литература и фольклор. Л., 1938; Андреев Н. П. Пушкин и народное творчество // Уч. зап. ЛГПИ: Каф. рус. лит.-ры. 1938. № 14. С. 39—40; Соколова В. К. Пушкин и народное творчество // Тр. ин-та этнографии АН СССР. 1956. Т. 30. С. 210—220.

³ Миллер В. Ф. Пушкин как поэт-этнограф // Этнографическое обозрение. 1956. № 1—2. С. 154—162; Петров Н. А. Народные черты и симпатии в поэзии Пушкина // Творческие речи преподавателей Киевской 1-ой гимназии. Киев, 1900. С. 1—24; Казаков И. Этнографические мотивы в поэзии А. С. Пушкина // Сов. этнография. 1937. № 1. С. 67.

ваются не одними специальными учеными трудами» и что Пушкин принадлежал к числу тех, кто, не будучи специалистом-этнографом, будил интерес к этнографической проблематике, передавал исследователям «свои увлечения известными идеями»⁴.

Этнография как наука только зарождалась в России первой трети XIX в., и в этом процессе Пушкин наряду с декабристами сыграл весьма важную роль, причем этнографизм самого Пушкина формировался и развивался в русле декабристского этнографизма, под определенным воздействием идей, высказанных в «Письмах русского офицера» Ф. Глинки (1815—1816 гг.), в статье Н. Тургенева «О барщине» (1818 г.), в статьях, публиковавшихся в «Соревнователе просвещения и благотворения», который был легальным органом декабристского тайного общества («Листок из дневника гвардейского офицера», «Поездка в Ревель», «О деревянном строении в России» А. Бестужева, «Записки о Голландии» Н. Бестужева и др.)⁵.

Этнографические интересы Пушкина складывались постепенно, они определялись собственными жизненными наблюдениями поэта и пополнялись и корректировались чтением специальной литературы. Характерно, что в библиотеке Пушкина из 529 книг на русском языке литература по этнографии и путешествиям насчитывала 63 названия, т. е. составляла более чем десятую часть (кроме того, литература по фольклору представлена 9 названиями на русском и 18 — на иностранных языках). В этот перечень не входят многочисленные месяцесловы, письмовники, песенники, руководства к играм, другие материалы, имеющие большее или меньшее отношение к этнографическим источникам. Среди книг, к которым обращался Пушкин, — многотомное «Полное собрание ученых путешествий по России» (СПб., 1821—1822, 1824, 1825), «Описание земли Камчатки...» С. Крашенинникова (СПб., 1786), книги П. Палласа, И. Крузенштерна, И. Лепехина, М. Невзорова, Я. Озерецковского, Г. Шелехова и других русских авторов, где рассказано о нравах и обычаях народов России и Европы, а также книги зарубежных путешественников и этнографов, справочные издания и т. п.⁶

Осознанный интерес Пушкина к разным сторонам народной культуры особенно ярко проявился во время его южной ссылки. Романтически настроенный поэт, с характерным для европейских романтиков увлечением этнографизмом, оказавшись в иной, не русской, этнической среде, острым взглядом бытописателя отметил некоторые характерные черты жизни этой среды.

В его стихах запечатлена картина нравов, обычаев, быта, черты характера тех народов, с которыми он невольно соприкоснулся.

«Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальний край <...>,
Жилище дикое черкесских табунов...» (II, 12)

В другом отрывке отразились крымские впечатления поэта:

«Я помню скал прибрежные стремнины,
Я помню вод веселые струи,
И тень, и шум, — и красные долины,
Где в тишине простых татар семьи
Среди забот и с дружбою взаимной

⁴ Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 183.

⁵ См. подробнее: Соколова В. К. Взгляды и исследования декабристов в области этнографии и фольклора//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1956. Вып. 1. С. 187—210; Гусев В. Е. Вклад декабристов в отечественную этнографию//Декабристы и русская культура. М.; Л., 1976. С. 80—104.

⁶ Anecdotes et Recueil de coutumes et de traits d'histoire naturelle particuliers aux différents peuples de la Russie... Londres, 1791; Willinson W. Tableau historique, géographique et politique de Moldavie et de la Valachie... P., 1824; Verger V. Dictionnaire de la Fable ou mythologie grécque, japonaise, arabe, mahométane, scandinave, africaine, américaine etc... P., 1829; Beaumont G. Marie, ou l'esclavage aux Etats-Unis... Du Système pénitenciaire aux, Etats-Unis. P., 1836; Chapp d'Auterach J. Voyage en Sibérie... Amsterdam, 1769; Bell d'Antermony J. Voyages depuis St-Petersbourg en Russie... P., 1766; Bergman B. Voyage... chez Kalpouks... Chatillon-sur-Seine, 1825. См. описание библиотеки Пушкина: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина//Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9—10.

Под кровлею живут гостеприимной.
Все живо там, все там очей отрада —
Сады татар, селенья, города...» (II, 49)

Внимание поэта привлекает и этническая пестрота молодой, строящей тогда Одессы:

«Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли...» (V, 204)

Особенно много живых наблюдений и зарисовок народных характеров сделал Пушкин в Бессарабии. Простые молдаване и молдаванки, цыги и цыганки, греки и гречанки, болгары, сербы, албанцы, армяне, евреи, шумной разноязыкой толпой окружают музу ссыльного поэта, вторгаются в его творческие замыслы, в его стихи, рисунки, заметки, письма. Он не только не ищет тишины и уединения, а, напротив, находит повод, чтобы ближе сойтись с этими людьми, узнать их обычаи, язык, песни. На улицах Кишинева он интересуется развлечениями местных жителей, наблюдает молдаванские праздники, любит танцами и волюнку (*джок*), увлекается народными состязаниями в борьбе болгарских переселенцев и сам желает освоить их приемы... На несколько дней он отправляется в лесной цыганский табор под Юрченами и живет в шатре *булибаши* (старосты табора)⁷. Позднее в эпилоге «Цыган» будет вспоминать:

«Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов.

В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы...»

В примечаниях к поэме Пушкин сообщает сведения о происхождении и занятиях цыган, положении и этническом своеобразии цыганского населения Молдавии. Он имел полное основание утверждать, что предлагает читателям «довольно верно описанную» их «дикую кочевую жизнь» (VII, 20). Среди рисунков поэта находим изображение цыганского шатра.

Любимым времяпрепровождением поэта становится посещение кишиневских базаров. В стихотворении «Чиновник и поэт» он иронически воспроизвел характерный диалог:

«— Куда вы? За город, конечно,
Зефиром утреним дышать?
И с вашей музою мечтать
Уединенно и беспечно?
— Нет, я собираюсь на базар:
Люблю базарное волнение,
(...)
И спор, и крик, и торга жар,
Нарядов пестрое стеснение,
Люблю толпу, лохмотья, шум...» (II, 78)

И чиновник, выслушав неожиданные признания поэта, резонно замечает:

«Так, наблюдаете — ваш ум
И здесь вникает в дух народный.» (II, 78)

Живые наблюдения, проникновение в «дух народный» позволил Пушкину создать прекрасные поэмы «Гасуб» («Тазит»), «Кавказский пленник»⁸, «Цыганы», балладу «Черная шаль» (сначала названная «мол

⁷ Ралли-Арборе З. К. Из семейных воспоминаний // Минувшие годы. СПб., 1908.

⁸ Этнографические мотивы в стихах, навеянных кавказскими впечатлениями, обстоятельно прокомментированы Е. Г. Кагаровым (Указ. раб. С. 53). Позднее в «Путешествии в Арзрум» Пушкин вновь описывает нравы народов Кавказа и Закавказья, а также дает этнографически точную характеристику быта калмыков (VI, 643—644, 647—65 659—664); ср. путевые записки Пушкина (VI, 742—743).

авской песней»), озорную стихотворную сказку «Недавно бедный му-
зьян/В Юрзуфе жил с детьми, с женою ...», стихотворения, полные
чувства к освободительной борьбе балканских народов: «Гречанка
ерная, не плачь, он пал героем...»; «Гречанке» — «Ты рождена воспла-
нения/Воображение поэтов...»; «Дочери Карагеоргия» — дочери Георгия
ерного, прославленного героя первого сербского восстания. Замечу, что
встречи Пушкина в Молдавии с сербскими воеводами, от которых он
написал рассказы, предания и песни, позднее помогли ему в работе над
«Песнями западных славян».

В стихотворении «Приметы» Пушкин воссоздал один из характер-
ных элементов народной земледельческой культуры:

«Старайся наблюдать различные приметы:
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветер, и ясный день,
И майские дожди, молодых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду» (II, 71)

Близкое соприкосновение с культурой других народов обострило
историческую память и поэтическое воображение Пушкина, побудило
то теперь, во время южной ссылки, вспомнить няню — «наперсницу вол-
шебной старины», обратиться к русским народным и летописным преда-
ниям, в результате чего родилась «Песнь о вещем Олеге».

Именно в Бессарабии Пушкин по-новому оценил и русские обычаи:

«В чужбине свято соблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны» (II, 148)

В Михайловское Пушкин приехал духовно преображенным. Здесь он
первые сознательно и увлеченно изучает историю народа, отразившую-
ся в преданиях, постигает народную мудрость, заключенную в послови-
цах и поговорках, вслушивается в живую крестьянскую речь, знако-
мится с народными обрядами, поверьями, приметами, играми, слушает
записывает народные сказки, песни, легенды. Арина Родионовна стала
то «народным университетом». В первой половине ноября 1824 г. в
письме к брату Льву он сообщает: «...вечером слушаю сказки — и возна-
раждаю тем недостатки проклятого своего воспитания», а вслед за этим
признанием восклицает: «Что за прелесть наши сказки! Каждая есть
оэма!» (X, 108). В. И. Даль в своих воспоминаниях приводит такие сло-
ва Пушкина: «А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой по-
говорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!»⁹.

Пушкин становится завсегдатаем святогорских ярмарок. Они были
здесь давней традицией, устраивались несколько раз в году, особенно
популярной была летняя, в «девятник», т. е. в девятую пятницу после
Пасхи. Сюда съезжались купцы, ремесленники, крестьяне со всей псков-
ской округи и из других мест России. Торговали в гостинице, в
лавках, в наспех построенных ларях, а то и просто с повозок и телег
а монастырском поле и вдоль дороги на Новоржев. Ярмарки эти предо-
ставляли Пушкину возможность не только непосредственно наблюдать
ярмарки, но и общаться с народом и даже включаться в происходящие
обытия. Кучер Пушкина Петр Парфенов рассказывал в 1859 г.
А. Тимофееву: «Ярмарка тут в монастыре бывает в девятую пятницу
перед Петровками; ну, народу много собирается; и он туда хаживал,
как есть, бывало, как дома: рубаха красная (...), палка железная в ру-
ках; придет в народ, тут гулянье, а он сядет наземь, соберет к себе
поющих, слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают»¹⁰ (стихи — так
называемые духовные стихи, народные баллады об Алексее, человеке

⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1974. Т. II. С. 224. В библиотечке Пушкина находилось «Собрание 4291 древних русских пословиц» (СПб., 1770) с многочисленными пометками. На одной из страниц он вписал карандашом поговорку: «Как далеко, да ходить легко, — в церковь близко, да ходить склизко» (с. 40).

¹⁰ Там же. Т. I. С. 430.

божьем, о Егории и т. п.— В. Г.). По воспоминаниям псаломщика Воничской церкви А. Д. Скоропосты, Пушкин «любил ходить, где было собравшихся нищих. Он, бывало, вмешается в их толпу и поет с ними разные припевки, шутит и записывает, что они поют, а иногда даже переодевается и ходит с нищими по ярмарке»¹¹. В устных рассказах поэты крестьяне сохранили и его облик: «...барин — мужик мужичья льянные порты, домотканые, рубаха красная, шляпа соломенная, в руках палка суковатая. В деревню придет, как свой, со всеми поговорит...»¹². Случалось, Пушкин играл с детьми в бабки, кубаря и другие игры¹³. Он приезжал и на ярмарку в Опочке, проходившую на соборной площади 12 раз в году и тоже славившуюся на всю округу. В дневнике опочского мелкого торговца И. И. Лапина в записи за 29 мая 1825 г. отмечается: «...имел шастие видеть Александру Сергеевичу г[осподи] на Пушкина, который некоторым образом удивил своею одеждою: ...у него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубою ленточкою, с железною в руке тростию...»¹⁴. Разумеется, простонародный костюм Пушкина был лишь внешним, хотя и демонстративным, проявлением его отношения к народу. Существенно другое — отмеченная мемуаристами способность Пушкина сближаться с народом. Его теперь интересовали не только праздничные, веселые минуты жизни народа, но все проявления народного быта. Он интересовался также народными промыслами и ремеслами: лубочными картинками, покупал валдайские колокольчики, баранки, фигурные пряники у местных крестьянок, искусные изделия торжеских золотошвеек («золотые поясы»), ему нравились орнаментированные рушники (одно полотенце, вышитое Ариной Родионовной, он берег до самой смерти; сохраненное его сыном, оно теперь находится в коллекции Государственного музея А. С. Пушкина в Москве). Он любил народную кухню, сам употреблял простую пищу; даже позже, на даче в Царском Селе, как вспоминает О. А. Смирнова-Россет, у Пушкина на обед подавали зеленый суп с крутыми яйцами, рубленые котлеты с шпинатом или щавелем и на десерт — варенье из белого крыжовника.

Замечательно, что в главах «Евгения Онегина», написанных в Михайловском, Пушкин воссоздает некоторые черты народной культуры в образе няни, которая «хранила в памяти немало старинных былей, а былиц про злых духов и про девиц» (V, 63) и чьи «страшные рассказы пленяли сердце Татьяны. Сама героиня романа впитала нравственные заветы народа и «привычки милой старины», которые сохранялись в домашнем быту помещного дворянства, где

«Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод» (V, 52),

святочные гадания, толкования снов, «песенки заветные» деревенских девушек, «игры девичьи».

Исследователями и биографами Пушкина давно замечено, что Пушкин придал образу Татьяны некоторые черты, присущие ему самому вплоть до веры в «тревожные приметы». Но, разумеется, область духовного мира самого Пушкина, связанная с народной культурой, только этим не ограничивалась. Важнейшее место в ней занимали разум и

¹¹ Русский архив. 1892. № 1. С. 96.

¹² Предания старины глубокой. Запись устных рассказов о Пушкине в Михайловском в 1930-е годы (О. В. Ломан) // Ленинградская правда. 1987. 3 марта. № 1.

¹³ Любовь Пушкина к «русской удалой игре» выразилась в стихах «На статую играющего в свайку» и «На статую играющего в бабки», посвященных скульптурам А. В. Логановского и Н. С. Пименова (установлены в Царском Селе перед Александровским дворцом; стихи выбиты на постаментах этих статуй).

¹⁴ Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков, 1930. С. 203. Примечательно, что в ранней редакции «Евгения Онегина» Пушкин называл героя романа этим «нарядом чудным»: «носил он русскую рубашку, платок шейный кушаком» (V, 535).

¹⁵ Смирнова-Россет О. А. Автобиография. М., 1931. С. 328. В сочинениях Пушкина встречаются названия, относящиеся к крестьянской пище: «шти», «полба», «шневая каша», «русские блины», «соленые грибы», различные ягоды, орехи, мед.

да, его свободолюбивые чаяния и мятежные порывы. Отсюда его интерес к Разину и Пугачеву, к преданиям и песням о вождях крестьянской революции, к быту и нравам казачьей вольницы, понимание диалектики народной души, отразившейся в народных песнях:

«Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...»¹⁶ (II, 344)

Новыми впечатлениями обогатили Пушкина поездки по Тверской земле осенью 1828 и 1829 гг. После смерти Арины Родионовны он, по выражению Т. Г. Цявловской, «перенес свои пенаты» в Малинники, навещал окрестные села, подолгу беседовал с крестьянами и дворовыми людьми. «Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю», — признавался Пушкин в одном из писем А. Дельвигу (X, 255). В Старицком уезде Тверской губернии, во время своих «осенних досугов» в Малинниках, Павловском, Берново, Мологине, Старице, Конопляне, он не только веселился, но и глубоко воспринимал жизнь народа с ее печальными, а подчас и трагическими событиями. А. Н. Вульф, с которым он ездил, записал в дневнике: его, Пушкина, «пылкий, penetrantный ум обнимает быстро предметы <...> Нравы людей, с которыми встречается, узнает он чрезвычайно быстро»¹⁷. Даже во время кратких остановок он общается то с ямщиками, то с крестьянами, заглядывает на скотный двор, наблюдает повседневные занятия крестьян. В одном из лирических отступлений в «Путешествии Евгения Онегина», написанном в Павловске в октябре 1829 г., он признавался:

«Теперь мила мне балалайка,
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желания — покой,
Да щей горшок, да сам большой» (V, 203)

В черновике этой строфы находим зарисовку деревни:

«Избушку, сломанный забор,
Да через светлую полянку
Вдали бегущую крестьянку,
За нивой дымные овины
Да стройных прачек у плотины».

Сельский пейзаж оживлен присутствием работающих крестьянок, которыми любителю поэт. Их судьбы, их чувства занимают теперь воображение поэта. Услышанные им в Берново устные предания о событии, относящемся к XVIII в., легли в основу драмы в стихах «Русалка», которую он обдумывал здесь же в 1829 г. «Печальные места» на р. Тьма, где разыгралась трагедия девушки, обманутой помещиком, замшелая избушка, разрушенная мельница у омута, образы старика-мельника и его дочери — все это было запечатлено в альбоме Пушкина, в его рисунках и набросках текста. Местный учитель А. А. Раменский, которому поэт подарил тетрадь, позднее вспоминал: «Пушкин не раз ходил к этому омуту, сделал на полях много зарисовок старой мельницы, мельника, реки, старинных дубов...»¹⁸. Пейзажные и этнографические зарисовки Пушкина обычно сопровождали и дополняли текст в его рукописях, составляли зрительно воспринимаемый фон, место действия, костюм персонажа. Большую часть графических набросков Пушкин делал по памяти, в данном же случае это были рисунки с натуры, что придавало им документальную ценность и вызывает особое сожаление об их утрате.

¹⁶ Е. Г. Кагаров справедливо отметил, что «этнографические интересы Пушкина носят не отвлеченный, кабинетный характер, а теснейшим образом связаны с его вольнолюбивыми мечтами» (Указ. раб. С. 52).

¹⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников... Т. I. С. 419.

¹⁸ Цит. письмо С. Д. Полторацкого брату учителя: см. Пьянов А. Мои осенние досуги. М., 1983. С. 251. Тетрадь, о которой идет речь, хранилась в Мологине у наследников Раменских, в 1918 г. была передана в Народный комиссариат просвещения, но местонахождение ее теперь неизвестно (см. Там же. С. 252).

Фольклорные образы и мотивы, усвоенные Пушкиным еще в Михайловском (например, свадебная корильная песня «Сватушка, сватушка!»), органически вливались в фабулу реальной берновской трагедии, переработанную его творческим воображением.

Особый интерес представляют воспроизведенный в драме эпизод свадебного обряда¹⁹ и фантастическая сцена подводного мира с русалками. Впервые образы русской народной мифологии появились в стихотворениях Пушкина 1819 г. («Домовой», «Русалка»). В это время в Михайловском молодого поэта увлек легендарный мотив искушения старомонаха русалкой, которая предстает в облике нагой, бледной, молчаливой женщины, выходящей ночью из озера, расчесывающей на берегу при свете красного месяца влажные волосы; при втором своем появлении следующей ночью она

«Глядит, кивает головою,
Целует издали, шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет как дитя,
Совет монаха, нежно стонет...»

Среди различных, несхожих между собой народных преданий о русалках пушкинское описание занимает особое место. Оно не является плодом поэтического воображения, но дополняет хорошо известные этнографам факты и воспроизводит услышанный поэтом в Михайловском или его окрестностях рассказ о русалках. Это описание сближается с той группой преданий, где русалки обитают в воде, заманивают туда людей и предстают в облике молодых женщин с распущенными волосами²⁰. Пушкину была известна и другая версия народных преданий, где местом обитания считаются деревья (а конкретнее — дубы): в прологе к «Руслану и Людмиле» («У лукоморья дуб зеленый...»), написанном в Михайловском во время ссылки (1824—1825 гг.), «русалка на ветвях сидит» — этот образ заимствован из присказки няни Арины Родионовны (текст ее сохранился в записи Пушкина)²¹. В драме «Русалка», однако, Пушкин возвратился к версии, воссозданной в раннем одноименном стихотворении, причем в драме она восполнена новыми мотивами, а именно представлением о русалках как утонувших девушек, об их занятиях (они прядут на дне реки пряжу) и поведении (они всплывают, чтобы поиграть под луной, пугают всадников и их коней плеском, хохотом и свистом, щекочут пешехода, отягчают невод рыбаков травой и тиной, заманивают в воду детей рассказами о рыбаках — V, 444, 448—449, 450). Примечательно, что в пушкинском описании нет черт распространенного в этнографических источниках типа страшных, старых, уродливых русалок; поэт воссоздает более традиционное представление об этих фольклорных персонажах, но вместе с тем в его произведениях нет идеализации русалок, характерной для литературного стереотипа этого образа²²; даже героиня драмы, доверчивая, обманутая дочь мельника, став «русалкою холодной и могучей», царицей русалок, приобрела черты коварства и мстительности. Это тем более существенно, что в наброске первой редакции драмы, относящемся к 1826 г., образ русалки сохраняет еще стереотипный обаятельный облик («Как сладостно явление ее...» — V, 573). От такого идеализированного восприятия русалок

¹⁹ Свадебный обряд прокомментирован Е. Г. Кагаровым (Указ. раб. С. 61—64). В собрании песен П. В. Киреевского сохранились копии записей Пушкина, где находятся не только тексты свадебных песен, но и описание эпизодов свадебного обряда, к которым приурочены песни (III, 415—432).

²⁰ См.: Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Т. 1; Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 68—91; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX—начало XX в.). М., 1979. С. 213—223; Виноградова Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 88—130.

²¹ Ср. Виноградова Л. Н. Указ. раб. С. 99.

²² Померанцева Э. В. Указ. раб. С. 90—91.

Пушкин отказался в последней редакции драмы, восстановив присущий народной традиции их неоднозначный облик²³.

Интерес Пушкина к народным мифологическим представлениям ярко проявился в его частом обращении к образам бесов. Их условные и вместе с тем выразительные силуэты пестрят на пушкинских рукописях; они появляются и в его стихах — то забавные, незадачливые, то страшные, безобразные:

«Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?» (III, 177)

Разумеется, в идейно-художественном контексте стихотворения, откуда взято это четверостишие, образы бесов приобретают многозначный смысл злых сил, угрожающих поэту. Но не случайно метафора облечена в образы, почерпнутые из народной демонологии. Известно, что образы бесов существовали в двух мифологических системах: в исконной общеславянской — как наименование злых духов и позднее — в религиозно-христианской (заменяв в средневековой церковной литературе понятие «демоны» греческих текстов) для обозначения всех антагонистов троицы и ангелов — «врагов невидимых» рода человеческого, слуг и воинов дьявола²⁴. Пушкинское восприятие бесов определено собственно народной традицией, восходящей к древнеславянским языческим представлениям, сохранявшимся и в первой трети XIX в. в русских фольклорных текстах — сказках, былинах, заговорах. Это отчетливо выражено и в цитированном стихотворении «Бесы» (1830 г.), и в «Сказке о попе и о работнике его Балде» (1830 г.), в основу которой положен текст, записанный Пушкиным в конце 1824 г. от Арины Родионовны (III, 452—453). Официальное христианство осуждает какие бы то ни было отношения и тем более договор с бесами как тягчайший грех; в то же время в фольклоре существует большая группа сказок об одураченном черте (бесе), где положительный персонаж вступает с ним в уговор, состязание или, выполняя совместную работу, выходит победителем²⁵. Сюжет пушкинской сказки и характеристика ее персонажей целиком совпадают с народной традицией.

В связи с пушкинским восприятием беса, близким к амбивалентным значениям злых духов в народной демонологии, большой интерес представляет неосуществленный замысел Пушкина, отраженный в плане произведения под заглавием «Влюбленный бес» (задумано в начале 1820-х годов). В наброске названы: «два приятеля» («один развратный; другой — Влюбленный бес») и некая вдова-чертовка; события отнесены автором к 1811 г. Хотя такое произведение не было написано, но в конце 1820-х годов Пушкин, по воспоминаниям А. П. Керн, развил свой замысел в «устную сказку про черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров» (в Петербурге, — В. Г.) (IX, 549). Эта «сказка», а точнее — устный рассказ Пушкина был записан В. П. Титовым и оформлен как повесть «Уединенный домик на Васильевском», текст которой был просмотрен, поправлен самим Пушкиным и опубликован под псевдонимом Тит Космократов в альманахе «Северные цветы» на 1829 г. (XX, 507—540). По свидетельству В. П. Титова, «всю эту чертовщину уединенного домика на Васильевском острове» Пушкин рассказал однажды вечером у Карамзиных. Заслуживает внимания признание Титова, что «игроки-черти, метавшие на карту сотнями душ, с рогами, зачесанными под парик, — честь всех этих вымыслов <...> принадлежит Пушкину» (IX,

²³ Характеристика героини как царицы русалок находит соответствие в этнографических источниках (Зеленин Д. К. Указ. раб. С. 166). Отражение мифологических представлений о вилах, «вурдалаках» (*вукотлаках*), упырях в «Песнях западных славян» прокомментировано Е. Г. Кагаровым (Указ. раб. С. 56—60).

²⁴ Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 169; М., 1982. Т. 2. С. 625.

²⁵ См. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Сост. Багаж Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Л., 1979. С. 254—264. Сказка, записанная Пушкиным, соотносится с № 1000, 1060*, 1061, 1063, 1082, 1130, 1162.

549). Впрочем, трудно установить, что в рассказе является «вымыслом» Пушкина, а что — воспроизведением бытовавших в устной традиции быличек. Несомненно одно: основу замысла и устного рассказа Пушкин составили народные демонологические представления о бесах и знакомые ему этнографические источники²³. Примечательно и другое: пушкинский сюжет переносит все события в город (в плане повести — Москва, устном рассказе — Петербург), и на нем лежит отпечаток обработки демонологических представлений в *городской среде*. Герою повествования Павлу приходят на память типично петербургские «старые рассказы мертвых телах, находимых на Волковом поле, об извозчиках, которые там режут седоков своих и т. п.» (IX, 527). Само повествование завершается важным для исследователя признанием автора: «Повесть (...) известна некоторым лицам среднего класса в Петербурге, через которую дошла и до меня по изустному преданию» (IX, 540). В этих словах — указание на устную традицию как на источник повествования и на среду, где бытовал сюжет, — «средний класс». Это подводит нас непосредственно к теме этнографии города в пушкинском наследии.

Многолетние наблюдения над народной жизнью знакомили Пушкина не только с крестьянской культурой, но и с нравами и обычаями населения городов России, в частности с занятиями и бытом «среднего класса» — мещан, ремесленников, торговцев, мелких чиновников. Действие демонологического рассказа о ведьме происходит в Киеве («Гусар»). В отрывках из «Путешествия Евгения Онегина» в отличие от идеализированных описаний «садов одесских» предстает ландшафт «Одессы пыльной», «Одессы грязной», с домами, «загрязнувшими» на аршин, пешеходами на ходулях, с завязшими в грязи каретами, с впряженными в дрожки волами. Здесь же воспроизведены реалистические картины городского быта. Внимание Пушкина привлекла Нижегородская ярмарка:

«Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вина европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей...» (V, 200)

Пушкин запечатлевает подвижную панораму московских улиц:

«Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах» (V, 157)

А в дворянском доме внимание поэта привлекает слуга «в очках, в изорванном халате, с чулком в руке, седой калмык» (V, 157).

В сущности этнографическим очерком быта московских ремесленников оказалась повесть «Гробовщик». Прототипом ее центральной персонажа было реальное лицо — гробовщик Адриан, проживавший неподалеку от дома Гончаровых (см. письмо Пушкина от 4 мая 1830 г. Н. Н. Гончаровой — X, 313). Пушкин сохранил и его имя, и род занятий, точно воспроизвел местную городскую топографию, интерьер «желтого домика» на Басманной улице, куда вселился Адриан, и даже своеобразную вывеску, возвещавшую прохожим о товаре, который они могли приобрести у хозяина: «Над воротами возвышалась вывеска, изображающая

²⁶ Ср. наброски Пушкина к замыслам драмы о Фаусте (1825 г.), где у сатаны идет игра в карты и где играют «не из денег, а только б вечность проводить» (II, 307). Мотив игры с чертом в карты знаком народным сказкам; он упоминается и в записи Пушкиным сказки о Балде. Сведения о бесах (чертях) Пушкин мог почерпнуть из находившейся в его библиотеке книги М. Д. Чулкова «Абевега русских суеверий...» (М., 1786). Некоторые былички о чертях сохранились в записях Пушкина (III, 455-456, № 6).

дородного Амура с опрокинутым факелом в руке, с надписью: Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются напрокат и починяются старые» (VI, 120). Не менее колоритно обстоятельное описание застолья у соседа-сапожника, немца. Примечательно, что фантастический эпизод, заимствованный из быличек (мертвецы в гостях у гробовщика), приобретает у Пушкина реалистическую мотивировку (сон подвыпившего хозяина), и сам он также насыщен этнографическими реалиями, отраженными в сновидении ремесленника.

Особенно многочисленны в произведениях Пушкина детали, позволяющие узнать «город пышный, город бедный» — столицу Российской империи с ее социальными контрастами, с повседневными занятиями, заботами и трагедиями «среднего класса». Пушкинский Петербург — это не только его дворцы, особняки, салоны, театры, рестораны, его светское общество, но и его окраины, деревянные домики, ветхие хижины, смытые наводнением... Пушкин ранним утром наблюдает пробужденный бабагом «неугомонный Петербург»:

«Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит...» (V, 25)

А вечерами подле театра «усталые лакеи на шубах у подъезда спят» и «кучера, вокруг огней, бранят господ и бьют в ладони» (V, 19). В ночной тишине пленяет поэта «рожок и песня удалая», доносящаяся с Невы (V, 30), а после наводнения, когда на Неве еще «кипели злобно волны», появляется «перевозчик беззаботный», который за гривенник везет через реку несчастного Евгения (IV, 391). Всюду пронизательный взгляд Пушкина находит простолюдина. С поразительной достоверностью и мастерством бытописателя Пушкин воссоздает мирок «Домика в Коломне» — тогдашней окраины Петербурга²⁷. Героем произведений его становится «...просто гражданин столичный, коих встречаем всюду тьму» (IV, 348). Этот демократизм писателя и объясняет его интерес к этнографии города. Характеристика отношения Пушкина к городской культуре была бы неполной без упоминания его знаменитой формулы: «Драма родилась на площади и составляла увеселение народное» (VII, 213). Подлинный смысл этого утверждения, как и последующих рассуждений Пушкина («Народ требует <...> занимательность действия... Народ требует сильных ощущений...»), становится ясным, если вспомнить балаганные представления на площадях Петербурга в дни Масленицы и на Пасхальной неделе. О них писали газеты и журналы 1820—1830-х годов, тогда же издавались и распространялись литографии с изображением балаганов, качелей и балаганных комиков-зазывал²⁸. В. Г. Белинский, чьими статьями интересовался Пушкин и которого предполагал привлечь к сотрудничеству в «Современнике», писал в «Молве» (1835 г., № 44): «...театр исчезает и уступает свое место балагану <...> Не случилось ли вам когда-нибудь приглядываться к штукам паяцов и прислушиваться к их остроумным шуткам? Мне случилось, потому что я люблю иногда посмотреть на наш добрый народ в его веселые минуты, чтобы получить какие-нибудь данные насчет его эстетического направления ... Посмотрите: вот паяц на своей сцене, т. е. на подмостках балагана; внизу, перед балаганом, тьма эстетического народа, ищущего *своего* изящного, *своего* искусства; остроты буффона сыплются как искры от огнива; все смеется добродушным смехом»²⁹. Аналогичные впечатления мог вынести и Пушкин в одно из посещений народных гуляний в Москве или Петербурге. Так или иначе без знания городской зрелищной культуры были бы невозможны приведенные выше и другие рассуждения Пушкина о народ-

²⁷ См. Рабинович М. Г. «Домик в Коломне». Картинки из жизни старого русского города (Поэма А. С. Пушкина как исторический источник)//Сов. этнография. 1987. № 1. С. 123—132.

²⁸ Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. Л., 1984. С. 14—23. Илл. 3, 4, 12, 113 об., 120—121, илл. 64 и др.

²⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1953. С. 349—350.

ности театра. Характерно также, что в «Плане истории русской литературы» Пушкин в разделе фольклора среди других жанров называет народные драматические представления: «Сказки, мистерии. Песни» (VII, 532. Разрядка моя — В. Г.).

В первой половине 1830-х годов, после Болдинской осени, складываются в систему исторические и эстетические взгляды Пушкина, кристаллизуются его мысли о народности искусства. Не отождествляя народность с простонародностью и даже выступая против реакционного понимания простонародности и натуралистической бытописательности, Пушкин создает выдающиеся произведения, насыщенные этнографическими и фольклорным материалом: «Историю Пугачева» (куда вошли и сохранные автором во время его поездок по местам восстания устные предания и рассказы), «Капитанскую дочку», «Повести Белкина», цикл сказок, гениальные «Песни западных славян», стихотворения, представляющие собой стилизацию русских народных песен... Впечатления от Болдинской осени, коллективные письма крестьян с жалобами на приказчика, адресованные Пушкину, дали ему материал для необычного в русской литературе произведения — «История села Горюхина» (среди источников Пушкин называет и «изустные предания»); проникнутая горькой иронией, «История» знакомит читателя, по определению рассказчика, «с этнографическим и статистическим состоянием Горюхина и со нравами и обычаями его обитателей» (VI, 190), рисует трагическую картину разорения крестьян. В рукописном плане «Истории» читаем: «Была богатая вольная деревня/Обеднела от тиранства (<...>) Пришла в упадок от нерадения» (VI, 765); в набросках планов отдельных частей обозначены: «Нравы его обитателей», «Архитектура», «Торговля, браки, похороны, одежда, язык, поэзия» (VI, 766).

Острые проблемы народной жизни, состояние народной культуры продолжают волновать Пушкина до конца его жизни. Самым значительным свидетельством тому является его «Путешествие из Москвы в Петербург» — своеобразное переосмысление радищевской книги, высокая оценка которой содержится в разновременных высказываниях Пушкина. Предназначенное для печати и сдержанное по цензурным соображениям, «Путешествие» Пушкина насыщено его собственными наблюдениями и рассуждениями о народе и изобилует цитатами из книги Радищева, содержащими описание быта и культуры русского крестьянства. Как бы продолжая тему «Истории села Горюхина», Пушкин в своем «Путешествии» отмечает: «Подмосковные деревни также пусты и печальны. Роговая музыка не гремит в рощах Свиблова и Останкина» (VII, 274). Чрезвычайно интересен комментарий Пушкина к радищевскому «замечательному», по его выражению, описанию русской избы — комментарий, который сделал бы честь ученому-этнографу (VII, 288—289). Особенно важна характеристика крестьянского домашнего быта и нравственного облика русского крестьянина. Пушкин отмечает отсутствие рабского унижения, черты смелости, смысленности, проворства и ловкости, отсутствие «невежественного презрения к чужому» и, напротив, полезную «переемчивость» (имея в виду способность русского народа усваивать культурные ценности других народов), физическую и духовную опрятность и прочее (VII, 291). Впрочем, объективности ради следует отметить и некоторую идеализацию поэтом положения крестьян. Вместе с тем его внимание привлекает описание Радищевым рекрутского набора, женского голошения при проводах в солдаты, и эта картина дает основание определить «рекрутчину» как «тягчайшую из повинностей народных» (VII, 294), возмутиться убийственной 24-летней солдатской службой, духовно калечащей крестьянина и «отторгающей» его от среды и всего уклада народной жизни (VII, 295—296). Не обходит вниманием Пушкин и неравные браки, и несчастливую семейную жизнь крестьянской среде. Характерно, что в подтверждение своего печального вывода он ссылается на народные песни: «обыкновенное их содержанье или — жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы как вой пох

ронный» (VII, 287). Пушкин пишет и о народных легендах, сожалея, что они не изданы, между тем как «закljučают в себе столь много истинной поэзии» (VII, 292), ссылаясь на собрания П. Киреевского и Н. Языкова.

Широта взглядов Пушкина проявляется в его внимании к положению не только русского народа, но и других народов, в том числе и так называемых «нецивилизованных». В связи с этим актуальность сохраняет одно из последних произведений Пушкина — статья «Джон Теннер» (1836 г.). Являясь комментированным изложением «Записок» американского автора, опубликованных в Нью-Йорке в 1830 г. (Пушкин пользовался французским изданием 1835 г.), статья проникнута горячим сочувствием к индейским племенам, критикой буржуазной демократии «в ее жестоких предрассудках, в ее нетерпимом тиранстве» и расизма («рабства негров посреди образованности и свободы» — VII, 435). Пушкин одобряет «строгий разбор» в некоторых современных ему работах отношения в Соединенных Штатах к индейцам, осуждение «бесчеловечия американского Конгресса» (VII, 450). Он противопоставляет «идиллическим» описаниям индейцев «Записки» Джона Теннера. Статья Пушкина, опубликованная в «Современнике», обстоятельно знакомила русское общество с подлинным положением, бытом, нравами, занятиями, культурой индейцев, с процессом их «вытеснения из наследственных пустынь» и с порчей их нравов вследствие соприкосновения с «цивилизацией» колонизаторов, которая «подарила им порох и свинец: тем и ограничилось ее благодетельное влияние» (VII, 458), привила им пристрастие к спиртным напиткам: «выменяв часть товаров на ром и водку, бедные индейцы отдают и остальное за бесценок; за продолжительным пьянством следуют голод и нищета...» (VII, 449).

Научная объективность Пушкина и присущее ему чувство социальной справедливости побудили его обратиться и к судьбе «нецивилизованных» народностей, проживающих в Российской империи. Об этом свидетельствует его последний литературный труд (январь 1837 г.) — работа над статьей о Камчатке и камчадалах и связанные с этим заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова. Отдавая должное подвигу русских казаков-землепроходцев, «смелых сподвижников Ермака», отмечая трудности и опасности их дела, их суровый воинский быт, Пушкин вместе с тем не скрывает и жестокие меры покорения «диких племен». Он осуждает попытки казаков закрепить аборигенов Камчатки («казаки брали камчатских женщин и ребят в холопство и в наложницы» — IX, 476) и видит вслед за Крашенинниковым в «притеснении от казаков» причину восстания камчадалов в начале XVIII в. (XI, 485), одобрительно отзываясь о следствии, предпринятом по этому делу в 1739 г., о наказании казаков и об освобождении закрепощенных: «Камчадалы, бывшие у них в крепостной неволе, отпущены на волю, и впредь запрещено их кабалить» (IX, 505). Однако Пушкин не идеализирует нравы и самих камчадалов (их «первобытное состояние», «жестокость», «коварство», междоусобицу племен). Наибольший интерес в рукописи Пушкина представляют его краткие, но определенные заметки о быте камчадалов. В плане статьи он выделяет разделы «Описание Камчатки» и «Жители оной» (IX, 467). Пушкин конспектирует те части книги Крашенинникова, где приводятся самоназвания камчадалских племен, описываются их занятия, промыслы, изделия, их пища, их верования и мифологические представления (IX, 472, 473, 474—476). Преждевременная гибель прервала работу Пушкина над статьей.

До последних дней Пушкина волновали проблемы отношений между народами, «дикаря» и «цивилизации», судьбы мелких этнических групп, влияние завоеваний, колониализма, крепостничества, рабства на народные традиции. Этнографические интересы Пушкина претерпевали эволюцию. Если в ранней молодости на них влияние оказал романтический этнографизм, то позже они все больше определялись его историческими исследованиями, связывались с насущными социальными проблемами и общечеловеческими культурными и этическими ценностями.

В. П. Алексеев

**ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ВАВИЛОВА
И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Вавилов вступил в науку в 1910 г. — именно тогда была опубликована его первая статья¹. Трудное это было время — всполохи первой мировой войны и революции уже тревожили горизонт, но одновременно и легкое для интеллектуала, начинавшего самостоятельную жизнь: интеллектуальная атмосфера манила яркостью, поиск новых форм пронизывал все виды искусства и литературу, с классики безжалостно сдирали тогу торжественной традиционности и читали ее по-новому, вспыхивали и гасли новые литературные течения. Все это порождало веру в безграничные возможности искусства и в идейно-содержательной сфере, и в формальной².

Наука не отставала. Открытие квантов и специальной теории относительности перестроило физическую картину мира. Повторное открытие законов Менделя заставило по-иному взглянуть на застывшие формы эволюционного учения, перестроило научное мышление биологов, сразу же сказалось на всех областях биологической науки, начиная с клеточной теории и кончая пониманием географического формообразования. Немалое значение имело и первое мощное проникновение математического аппарата в биологию, количественное изучение изменчивости и вообще осознание возможностей математики в изучении живого. Так создавалась уверенность в общественной полезности и значительности научной работы, в ее грандиозных перспективах познания мира и человека³.

Воспитанный дома в обстановке интереса к книге и эксперименту, имевший вместе с братом домашнюю лабораторию, Вавилов еще в реальном училище, и при подготовке экзаменов экстерном в университет получил прекрасное образование⁴. Сохранились воспоминания об этом периоде его жизни. Это был необычайно живой мальчик, возглавлявший ватаги сорванцов в захолустном московском районе, где они жили, очень самостоятельный, умевший постоять за себя в спорах с суровым отцом, а главное, на редкость целеустремленный, буквально сжигаемый жадой знания, что поразительно в столь юном возрасте. Эта жажда видна и в студенте Вавилове в Петровской академии: учившиеся с ним вместе вспоминают, что он неутомимо изучал языки, постоянно читал иностран-

¹ Голые слизи (улитки), повреждающие поля и огороды в Московской губернии. Отчет об исследованиях, проведенных по поручению Московской губернской земской управы осенью 1909 года. М., 1910. Библиографии работ Н. И. Вавилова см.: Вавилов Н. И. Избранные труды. Т. 1. М.; Л., 1959; Николай Иванович Вавилов // Материалы к библиографии ученых СССР, сер. биологическая. Вып. 6. М., 1962; Николай Иванович Вавилов // Материалы к библиографии ученых СССР, сер. биологическая (генетика). Вып. 1. М., 1967.

² Этот могучий процесс интеллектуального обновления в России нашел отражение в создании революционных литературных произведений, новых форм в изобразительном искусстве, преобразовании традиционного театра и т. д.

³ Прекрасную характеристику творческих поисков тех лет в сфере науки содержит книга Д. С. Данина о Н. Боре: Данин Даниил. Избранное. М.: Сов. писатель, 1984.

⁴ Из биографов Н. И. Вавилова полнее всего об этом говорит А. М. Ревенкова в книге: «Николай Иванович Вавилов. 1887—1943». (М., 1962).

ую литературу по специальности, вообще невероятно много работал, не каляя одновременно сил на расширение общего культурного кругозора⁵. До нас дошло письмо Вавилова А. Ю. Тупиковой, в котором он сообщает московские новости: самое интересное для него — лекции Валерия Брюсова о культуре Атлантиды и Средиземноморья в Политехническом музее⁶. Многие писали потом, что Николай Иванович был веселый общительный человек, но и в молодые годы выделялся энергией и деловитостью. Видимо, эти черты личности Вавилова сформировались очень рано.

Широта интересов, охватывавших не только естественно-историческую, но и гуманитарную сферы, та глубокая осведомленность в археологической и историко-этнологической литературе и проблематике, которая демонстрируется всеми региональными трудами Вавилова по географии культурной флоры, предопределили исключительное умение извлекать нужную информацию из самых разных, часто далеких от непосредственной темы сочинений. При таком умении, при знании языков невозможно представить себе, что Николай Иванович ограничивался чтением этнографической литературы только по отдельным странам и народам: незнакомился с теоретическими трудами в этой области. Начало века этнологии ознаменовалось отходом от эволюционных идей Э. Тейлора и выдвижением на первый план новой глобальной этнологической концепции — концепции культурных кругов, разработанной Ф. Гребнером⁷. География культуры не непрерывна, она разбивается на отдельные локусы — культурные круги, внутри каждого из них элементы культуры складываются в неразрывный комплекс, эти комплексы не зависят один от другого. Последнее положение встретило резкие возражения и в сущности привело к последующему крушению теории культурных кругов⁸, о само рассмотрение культурной динамики на географическом фоне, чет значения крупных географических рубежей в распространении культурных элементов были безусловно прогрессивным шагом. Будущие истоки науки, я уверен, найдут еще много доказательств вклада этнологической теории культурных кругов в формирование современного этнологического мышления.

Для нашей темы она важна и интересна тем, что послужила толчком, вдохновившим возникновение идеи о локусах формообразования культурной флоры, аргументация и разработка которой являются одним из крупнейших достижений Вавилова. Всякая великая идея, какой бы оригинальной, неожиданно блестящей и всеобъемлющей она ни казалась, не возникает спонтанно и многими, чаще всего незримыми нитями связана со всей суммой предшествующих достижений человеческой культуры. На песке не построить Эйфелевой башни и пух бессмысленно одкладывать под кирпич — эти тривиальные истины как нельзя лучше казывают на необходимость прочного научного фундамента для любого крупного обобщения, а раз фундамент — значит, преемственность идей, значит, мобилизация арсенала уже накопленных фактов и концепций. Спору нет, теория локусов формообразования возникла на основе обобщения всего богатства уже накопленных тогда знаний о географическом формообразовании в природе; из естествоиспытателей среди предшественников Вавилова называют Р. Брауна и А. Декандоля⁹, т. е. ботани-

⁵ Рядом с Н. И. Вавиловым. Сборник воспоминаний. М., 1963 (2-е дополн. изд. — 1973).

⁶ Отрывок из этого письма приводит сама А. Ю. Тупикова в своих воспоминаниях, включенных в указанный сборник.

⁷ Graebner Fr. Kulturkreise und Kulturschichten in Ozeanien. // Zeitschrift für Ethnologie. B. XXXVII. 1905. № 1; *idem*. Die Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1911; *idem*. Ethnologie // Anthropologie. L.; B., 1923.

⁸ Золотарев А. М. Фриц Гребнер // Сов. этнография. 1936. № 1; Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978. В этих работах — библиографические указания и другие многочисленные статьи Ф. Гребнера, его последователей и критиков.

⁹ См., например, Станков С. С. Из истории вопроса о происхождении культурных растений (Р. Браун — А. Декандоль — Н. Вавилов) // Вопросы эволюции, биогеографии, систематики и селекции. М.; Л., 1960. Об А. Декандоле см. Микулинский С. Р., Маркелова Л. А., Старостина Б. А. Альфонс Декандоль. 1806—1893. М., 1973.

ков и историков культурных растений, но можно было бы назвать еще зоолога М. Вагнера, столь большое внимание уделившего изучению географического фактора в эволюции¹⁰. В то же время среди них, и, верное, можно назвать из гуманитариев и Ф. Гребнера, хотя это и нельзя сейчас подтвердить какими-либо документальными данными. Идея конкретного подхода к географии культуры не могла не быть близкой мышлению Вавилова и не могла, какими-то сложными путями трансформировавшись, не обогатить его собственной оригинальной концепции. Как нам кажется, любопытный пример переключки идей, хронологически близких, но исходящих из разных областей знания!

В статьях и книгах о творчестве Вавилова, а их становится все больше, в различном порядке перечисляются и по-разному оцениваются научные достижения; их много, включая далекие от темы статьи — участие об иммунитете и теорию селекции¹¹. Для освещения нашей темы наиболее важны четыре: закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, закон оттеснения рецессивов на окраину видовой ареалу, учение о географических локусах (центрах, очагах, генцентрах — сам Вавилов употреблял разную терминологию) формообразования культурной флоры, о котором уже упоминалось, и, наконец, конкретные работы с характеристикой культурной растительности отдельных стран и районов, в которых осуществлена реконструкция ее истории на фоне истории земледелия и показаны с помощью ботанических данных этнокультурные связи между отдельными районами.

Казалось бы, какое отношение имеют две первые закономерности изучению исторического процесса? Действительно, не имеют, если рассматривать историю человечества только как историю его культуры, и самым непосредственным образом связаны, если рассматривать ее шире — как историю самого человека. Тогда в историю человечества закономерно входит его биологическая история, а к ней установленные Вавиловым закономерности, или, как он сам любил говорить и писать «правильности», имеют самое непосредственное отношение. Они не только дополнительно иллюстрируются фактами, почерпнутыми из биологической истории человечества, но и самое главное — помогают много познать в этой истории.

Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости был сформулирован Вавиловым на заре его научной карьеры¹², когда он еще не располагал богатейшими наблюдениями своих экспедиций. На первых порах закон был по сути своей гениальной догадкой, обобщением большей степени литературных, а не оригинальных данных. Поэтому автор все время расширял аргументацию и оттачивал формулировку напечатал несколько статей, приводя в пользу существования гомологической изменчивости все новые и новые аргументы, пока в конце концов не появилась наиболее полная работа 1935 г., ставшая классической. Один из первых критиков закона гомологических рядов в наследственной изменчивости Н. П. Кренке был прав, когда писал, что многие авторы говорили о гомологической изменчивости до Вавилова, и явление это было осознано биологической наукой еще во второй половине прошлого века, начиная с Дарвина¹⁴. Однако только после появления формулировки Вавилова разрозненные факты были разнесены по соответствующим

¹⁰ Wagner M. Die Darwin'sche Theorie und das Migrationsgesetz der Organismen Lpz., 1868; idem. Die Entstehung der Arten durch räumliche Sonderung. Basel, 1880. М. Вагнере см. Лукин Е. И. Дарвинизм и географические закономерности в жизни организмов. М.; Л., 1940.

¹¹ Работы в этой области суммированы сейчас в юбилейных томах: Вавилов Н. И. Иммуитет растений к инфекционным заболеваниям. Л., 1986; его же. Теоретические основы селекции. М., 1987.

¹² Все работы собраны и переизданы в книге: Вавилов Н. И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Л., 1987.

¹³ Вавилов Н. И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Теоретические основы селекции растений. Т. 1. М.; Л., 1935. Перепечатано: Вавилов Н. И. Избранные труды. Т. V. М.; Л., 1965.

¹⁴ Кренке Н. П. Соматические показатели и факторы формообразования//Фенетическая изменчивость. Т. 1. М., 1933—1935.

шим ячейкам, ячейки образовали стройную систему, одним словом, на месте совокупности наблюдений выстроилось знание.

Сам Вавилов почти не касался биологии человека. Чуть ли не единственный раз в переписке он упомянул о темной коже эфиопов в связи с черными безлигунскими ячменями в Эфиопии¹⁵. Но антропологические наблюдения над разными популяциями земного шара, собранные в многочисленных многолетних экспедициях специалистов различных стран, представляют собою неисчерпаемый источник для размышлений над проблемой о том, в каких формах проявляется гомологическая изменчивость в формировании расовых вариантов современного человечества.

Каждая из основных рас человечества характеризуется определенным сочетанием физических признаков, которые встречаются в комплексе только у представителей данной расы, и этот комплекс не может повториться у представителей других рас. Комплекс этих признаков, как правило, стабилен внутри рас: нет светлокожих негров (если только это не аномалия), посветление кожи всегда свидетельствует о европейской примеси, нет европейцев с наличием эпикантуса и т. д. Каков вообще набор стабильных признаков, отличающих одну расу от другой? Для негроидов это темный цвет кожи, очень широкий нос, толстые губы, курчавые жесткие волосы, prognathное, или выступающее вперед в нижней части, лицо; для европеоидов — во многом противоположное сочетание признаков: светлая кожа, мягкие прямые волосы, узкий нос, к тому же хорошо моделированный, тонкие губы, ортогнатное, или не выступающее вперед, лицо, сильное обволакивание лица и тела у мужчин; монголоидам свойственны прямые, как у европеоидов, но еще более жесткие, чем у негроидов, волосы, плоское лицо, эпикантус и сильно набухающая складка верхнего века, очень развитые скулы, слабое развитие волосяного покрова на лице и теле, слабо выступающий нос¹⁶.

Однако расовая структура человечества не исчерпывается лишь этими крупными основными подразделениями — внутри них можно выделить несколько десятков иерархически соподчиняющихся локальных комбинаций физических признаков. Изучением их, а также генезисом антропологического состава человечества в целом и занимается расовая антропология. Для морфологической характеристики этих локальных вариантов служат самые разнообразные физические признаки — длина и пропорции тела, размеры головы и лица, но особенно строение мягких тканей лица, которое во всех локальных расовых группах отличается высокой специфичностью¹⁷. Практически все или почти все эти признаки обнаруживают гомологическую изменчивость. Среди представителей всех трех основных рас (иногда в качестве основных называют еще маргинальные, или периферийные, расовые общности вроде австралоидов, американоидов или даже саамов — коренных жителей Кольского полуострова, северных областей Финляндии и Скандинавии) есть низкорослые и высокорослые группы, длинноголовые и круглоголовые, с узким широким лицом, укороченным и удлинненным типом пропорций тела. Параллельные ряды изменчивости проявляют себя также в строении губной и носовой областей лица. К сожалению, антропологи, констатируя все эти факты, ни разу не воспользовались вавиловским принципом, чтобы заранее нарисовать картину изменчивости какой-нибудь популяции, которую собирались изучать, и затем проверить справедливость этой картины с помощью эмпирических наблюдений. Возможно, постоянно на-

¹⁵ Вавилов Н. И. Географические закономерности в распределении генов культурных растений // Природа. 1927. № 10. Перепечатано: Вавилов Н. И. Происхождение география культурных растений. Л., 1987.

¹⁶ Любимой достаточно полный учебник антропологии содержит подробные характеристики этих признаков. См., например: Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., 1978; Иконография: Kiszely I. A föld nepei, 1. Európa nepei. Budapest, 1979; Azsia nepei. Budapest, 1984.

¹⁷ Представление об этих вариантах на разных хронологических уровнях их изучения можно получить: Eickstedt E. Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1934; Алексеев В. П. География человеческих рас. М.: Мысль, 1974.

растающее осознание значения творческого наследия Вавилова придет в конце концов к преодолению этой инерции.

Параллельные ряды изменчивости не менее четко, чем в современном населении, фиксируются палеоантропологией. К сожалению, нужно признать, что, несмотря на колоссальный размах археологических раскопок в разных странах и производимый при этом сбор палеоантропологических коллекций, наши знания об антропологическом составе древнейшего человечества далеки от желаемой полноты, многие огромные области представляют собой «белые пятна» на палеоантропологических картах. И исключительным достоинством палеоантропологического материала с общебиологической точки зрения является то, что он иллюстрирует динамику одного вида и при этом на протяжении длительного времени на разных хронологических срезах. Параллельная изменчивость во всех признаках, о которых шла речь выше, проявляется на всех этапах археологической периодизации истории современного человечества, начиная с верхнего палеолита и кончая поздним средневековьем. Более чем вероятно, что она имела место и в популяциях ископаемых гоминид — предков современного человека, но наши знания о них так неполны, что судить об этом с уверенностью сейчас нет никакой возможности¹⁸.

Сходный, во многом даже тождественный, характер параллельных вариаций в палеоантропологических коллекциях ставит на очередь вопрос исключительной важности для генетики и биологии человека: какова доля средового влияния и наследственной обусловленности в образовании этих вариаций? Теория не дает возможности априорно ответить на этот вопрос. Сам Вавилов не смог четко ответить на него, об этом свидетельствуют формулировки его последних докладов и выступлений¹⁹. Да, это и не была его вина — проблема изучения генетики количественных признаков, если говорить о бесспорных результатах, не намного продвинулась вперед за последние десятилетия, несмотря на буквально необъятную посвященную ей литературу²⁰. Для антропологов это проблема кардинальной важности — если среда формирует параллельные ряды изменчивости на каждом хронологическом срезе истории человечества и они не наследственны, то из этого с непреклонностью вытекает, что между популяциями сходного морфологического типа, относящимися к разным хронологическим периодам, нет прямой генетической преемственности. Между тем самые разнообразные эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что это в ряде случаев не так. Встает вопрос о каком-то малопонятном механизме средовых воздействий, программирующем появление однотипных антропологических вариаций снова и снова. Если же эти вариации наследственны, то они органически входят в сферу действия закона гомологических рядов в наследственной изменчивости и на его основе могут быть предсказаны морфологические особенности многих популяций, еще не открытых в палеоантропологическом материале. Подавляющее большинство антропологов склоняется именно этой последней позитивной точке зрения, сохраняющей перспективу дальнейшего проникновения в генезис и динамику биологической структуры современного человечества.

Из вавиловской переписки известно, что статья о структуре видовой ареала, концентрации в центре ареала доминантных форм и оттеснении рецессивов на окраину написана на судне в Средиземном море за несколько дней, когда не переносивший качки Вавилов мучительно страдал от морской болезни, — лишний пример его героического отношения к труду и творчеству²¹. Это одно из замечательнейших геногеографических

¹⁸ Сводки данных: Алексеев В. П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М., 1978; Day M. Guide to Fossil Man. London; New York; Toronto, 1986.

¹⁹ См., например, выступление на Совещании по генетике и селекции 7—14 января 1939 г. в Москве//Под знаменем марксизма. 1939. № 11. Перепечатано: Вавилов Н. И. Избранные труды. Т. V. М.; Л., 1965.

²⁰ Общее представление о ней дает книга Мазер К., Джинкс Дж. Биометрическая генетика. М., 1985.

²¹ Вавилов Н. И. Географические закономерности в распределении генов культурных растений.

обобщений в современной биологии, к сожалению, пока не соотношенное в должной мере с эффектами изменения генных концентраций в условиях изоляции, открытыми и исследованными А. А. Малиновским, С. Райтом, Р. Фишером, Дж. Холдейном, Н. П. Дубининым и Д. Д. Ромашовым²². География ряда морфологических признаков дает прекрасные примеры этой геногеографической закономерности. На один из них прозорливо указал сам Николай Иванович в книге о земледельческой культуре Афганистана. Все его труды о разных районах полны интересных и ценных наблюдений не только над земледельческим бытом того или иного района, но и над культурой тех или иных народов. Не будучи антропологом, он фиксировал тем не менее любопытные с его точки зрения антропологические отличия населения посещенных им мест — вспомним беглые замечания о темнокожести эфиопов в связи с темнопигментированными расами эфиопских ячменей. Пересекая Нуристан, Вавилон отметил светлокожесть и светлоглазость кафиров; позже это было подтверждено антропологическими исследованиями и нашло объяснение именно на основе правила оттеснения из центра рецессивных генов светлой окраски и выщепления их на окраинах ареала, в данном случае в условиях высокогорной изоляции²³.

С аналогичным явлением, легко подпадающим под ту же закономерность, антропологи столкнулись на Памире²⁴ и в горных районах Дагестана²⁵, а также в Скандинавии²⁶. Но, пожалуй, наиболее интересный пример, на котором можно проследить шаг за шагом оттеснение рецессивных генов светлой пигментации из центра ареала, представляет собою формирование европеоидной расы в целом²⁷. Какой бы гипотезы формирования человека современного вида ни придерживаться — моноцентрической в Передней Азии или, может быть, даже в Восточном Средиземноморье в целом или полицентрической на разных материках, хронологически это формирование приходится на переход от среднего палеолита к верхнему. Северные районы Европы еще покрывал ледник, и они не были заселены человеком. Европеоидный комплекс признаков складывался, следовательно, в центральных районах Европы и в Средиземноморской области в широком смысле слова, включая и Переднюю Азию. Расселение именно европеоидов по всей этой обширной зоне документируется палеоантропологически и не вызывает сомнений. И Средиземноморский бассейн, и Передняя Азия заселены сейчас народами, наиболее темнопигментированными среди других носителей европеоидных комбинаций признаков; здесь проживали и самые ранние носители этих комбинаций, шел процесс интенсивного мутирования. Невозможность фиксировать пигментацию на палеоантропологическом материале не позволяет увидеть процесс депигментации во времени, но он легко реконструируется с помощью перенесения пространственной координаты во временную. Все три карты географических вариаций пигментации в Европе — цвета глаз, цвета волос и цвета кожи демонстрируют очень постепенное, но и последовательное уменьшение интенсивности пигментации с юга на север, вплоть до максимальной на территории Европы депигментации в Скандинавии²⁸.

Не менее эффективно и с помощью вавилонского правила наиболее разумно могут быть истолкованы и некоторые особенности географического распространения так называемых генетических маркеров, т. е.

²² Обзор этих работ см. *Лобашев М. Е.* Генетика. Л., 1967.

²³ *Вавилов Н. И., Букинич Д. Д.* Земледельческий Афганистан // Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции. Прил. 33. Л., 1929. Перепечатано: *Вавилов Н. И.* Избранные труды. Т. 1. М.; Л., 1959.

²⁴ *Рычков Ю. Г.* Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). М., 1969.

²⁵ *Гаджиев А. Г.* Антропология малых популяций Дагестана. Махачкала, 1971.

²⁶ *Чебоксаров Н. Н.* Из истории светлых расовых типов Евразии // Антропол. журн. 1936. № 1.

²⁷ *Алексеев В. П.* Генетика и антропология // Наука и жизнь. 1969. № 9.

²⁸ Устаревшая, но тем не менее достаточно обстоятельная сводка соответствующих данных: *Coon C.* The Races of Europe. N. Y., 1939.

групповых факторов крови и других признаков с более или менее определенно установленным простым типом наследования. Почти все эти распределений примечательно в том отношении, что от центра максимальной концентрации доминантного гена во все стороны расходятся волны убывающих концентраций²⁹. Наконец, почти полное отсутствие доминантных генов системы АВО у коренного населения обеих Америки — давящее преобладание у них нулевой группы крови — странность, которую десятилетия волновавшая антропологов, также легко объясняется мощью геногеографического закона Вавилова, так как американский этерик представляет собою окраинную зону по отношению к Старому Свету и был заселен человеком не раньше эпохи верхнего палеолита³⁰.

Все сказанное красноречиво демонстрирует эвристическую силу индуктивных обобщений Вавилова для понимания и объяснения многих событий и процессов биологической истории человечества. Теория о центрах происхождения формообразования, столь блестяще разработанная в материале культурной флоры, в гораздо большей мере сопряжена с культурной историей. Николай Иванович опубликовал первый вариант формулировки своей теории в 1926 г., когда археологическая информация об истории всех выделенных им очагов практически почти отсутствовала, история и древность очагов рассматривались на основе изучения набора культурных сортов и представлений об их эндемической природе, в сущности говоря, данных косвенных, и нужна была немалая смелость, чтобы при отсутствии археологического фона выделить из огромной, насыщенной видами земледельческой эйкумены, как сам Вавилов любил говорить, «горнила творения»³¹. Но вся последующая археологическая работа убедительно подтвердила правильность нарисованной им картины.

За прошедшие с момента появления книги Вавилова 60 лет объем наших знаний о древнейших этапах развития человеческой культуры, опирающихся на итоги археологических раскопок в различных регионах, возрос в несколько раз. Археологически документированные следы перехода к возделыванию злаков и приручению животных в Передней Азии уходят в конец верхнепалеолитической — начало мезолитической эпохи³². Мощные земледельческие цивилизации открыты и исследованы на территории Афганистана и южных районов Средней Азии³³. Опубликованы, правда, требующие еще дополнительной проверки, известия о слоях с остатками культурных растений на поселениях в северных районах Индии и в Юго-Восточной Азии, по древности сравнимых с переднеазиатскими³⁴. Значительно удревлено по сравнению с предыдущими представлениями возникновение земледелия в Андах и на Мексиканском плоскогорье³⁵. Таким образом, все основные очаги введения растений в культуру, обозначенные Вавиловым, перестали быть только ботанически-

²⁹ Подробнее см. *Алексеев В. П.* Значение трудов Н. И. Вавилова для теоретической антропологии // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Т. VI (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 102). М., 1974.

³⁰ Обзор фактов и литературы: *Ларичева И. П.* Палеоиндейские культуры Северной Америки. Проблема взаимоотношений древних культур Старого и Нового Света. Новосибирск, 1976.

³¹ Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания, частично включенные в сборник, указанный в прим. 5.

³² Наиболее полная, пожалуй, подборка фактов с их разносторонней трактовкой: *Origins of Agriculture* / Ed. Reed Ch. The Hague — Paris, 1977. Относительно domestikации животных см. *Шницерман В. А.* Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М., 1980. С тех пор появились новые факты, но они не опровергают, а скорее подкрепляют приведенные датировки.

³³ Об Афганистане см. *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана: Материалы Советско-афганской экспедиции 1969—1974 гг. М., 1977. О земледельческих памятниках Средней Азии накоплена уже огромная литература. Из последних изданий, дающих общую панораму полученных результатов, см. *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

³⁴ *Шарма Дж.* Новое в культивации растений и domestikации животных в Индии // Сов. этнография. 1982. № 2.

³⁵ Факты и литературу см. *Гуляев В. И.* Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972.

ии конструкциями, они могут быть тесно увязаны теперь с общей панорамой истории земледельческого хозяйства (именно этим Вавилов соби-
рался заняться, но не успел, так как жизнь его оборвали)³⁶, отдельные
события в истории очагов возникновения земледелия датируются теперь
не только относительно, но и абсолютно, с помощью сравнительно-типо-
логического археологического метода, радиоуглеродного метода точного
абсолютного датирования и т. д. Выявление таких очагов — не только
крупное биологическое достижение, но и неотъемлемый элемент суммы
знаний об историческом развитии человечества³⁷.

В разработанной Вавиловым системе очагов лишь один не получил
подтверждения в дальнейших археологических раскопках: речь идет об
эфиопском очаге, которому сам Николай Иванович придавал большое
значение, в котором открыл много эндемических пшениц и других сортов
культурных растений и который считал очень древним³⁸. По этому пово-
ду было опубликовано даже несколько археологических статей, в кото-
рых писалось, что Вавилов ошибся и эфиопский очаг на самом деле не
имеет той глубокой древности, которая ему приписывалась³⁹. Однако
столь прямолинейное заключение игнорирует биологическую сторону
дела: принять его мешает достаточно оригинальный сортовой состав
культурной флоры и твердо установленный факт присутствия в нем боль-
шого числа эндемиков. Поэтому при обсуждении истинной древности эфи-
опского очага с историко-археологической точки зрения нужно, твердо
помня о разнообразии и эндемизме эфиопской культурной флоры, для
образования которой в земледельческой культуре было необходимо вре-
мя, иметь в виду два обстоятельства. Первое из них состоит в том, что
верховья Нила дают нам разнообразные памятники культуры, начиная с
самых древних времен⁴⁰. Второе — в отсутствии раскопок, которые про-
водились бы на восток от истоков Голубого Нила, в горных районах
Эфиопии. Экстраполируя результаты археологической работы в верховьях
Нила на всю горную Эфиопию, можно ожидать открытия и там па-
мятников глубокой древности. После археологической разведки этой тер-
ритории археологическое подтверждение древности эфиопского очага мо-
жет стать реальным фактом.

Эта значительная древность очагов первичного земледелия и интен-
сивное развитие в них земледельческой культуры хорошо соотносится с
палеоантропологически восстанавливаемыми очагами наиболее глубокой
антропологической дифференциации и зонами интенсивного этногенеза.
Это как бы сгустки формообразования и в физическом типе человека, и
в разводимых им животных, и в культивируемых им растениях⁴¹. Геогра-
фически благоприятные условия способствуют интенсификации культур-
ного развития, высоким демографическим показателям, а они в свою
очередь — расообразованию и этногенезу. Поэтому и выделяемые этно-
графами историко-этнографические провинции и этногенетические пучки,
и локальные расы с очагами их образования, и центры первичного зем-
леделия и скотоводства — все это отражает многообразие путей истори-
ческого развития человечества при едином потоке его в целом. В пони-
мании всех этих процессов биолог Николай Иванович Вавилов внес не-
много менее весомый вклад, чем самые выдающиеся географы и историки.

³⁶ Об этом см. *Синская Е. Н.* Н. И. Вавилов как географ (по личным воспомина-
ниям)//Изв. Геогр. о-ва СССР, 1963. № 1.

³⁷ См., например, *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974.

³⁸ Ряд статей в книге: Пшеницы Абиссинии и их положение в общей системе пше-
ниц (к познанию 28-х формосомной группы культурных пшениц)//Тр. по прикладной
ботанике, генетике и селекции. Прил. 51. Л., 1931. См. также *Вавилов Н. И.* Совет-
ская экспедиция в Абиссинии//Известия. 1935. 17, 18, 20 окт. Все перепечатано: *Вави-
лов Н. И.* Избранные труды. Т. III. М.; Л., 1962; Т. V. М.; Л., 1965.

³⁹ *Титов В. С.* Первое общественное разделение труда, древнейшие земледельче-
ские и скотоводческие племена//Кр. сообщ. Ин-та археологии АН СССР. Вып. 88, 1962.

⁴⁰ Содержательный обзор: *Debono F.* Prehistory in the Nile Valley//General History
of Africa. I. Methodology and African Prehistory. UNESCO, 1981.

⁴¹ Подробнее см. *Алексеев В. П.* Человек: эволюция и таксономия. М., 1985; его
же. Этногенез. М., 1986.

Выше говорилось, что статьи и книги Николая Ивановича содержат не только ряд глубоких теоретических принципов, заставляющих историков по-иному взглянуть на привычные факты и процессы, но и исключительное богатство эмпирических наблюдений, важных для понимания хода исторического развития в том или ином конкретном районе. Фундаментально обоснованный вывод о переходе к первым шагам земледельческого хозяйства не в долинах крупных рек, как думали до Вавилова, а в горных районах⁴² дал в руки археологов путеводную нить для поиска древнейших земледельческих поселений. Но это лишь одна сторона дела. Другая, вероятно, в принципе важнее, она состоит в изменении подхода к структуре и генезису социальных отношений, их функциональной адекватности стоящим перед любым обществом задачам. При традиционном подходе переход к земледелию мог произойти только в обществах с большим числом свободных общинников или с использованием рабского труда. Перенос этого процесса в горные районы сразу же дает возможность осознать, что к земледелию может перейти любое общество даже маломощное в демографическом отношении, но достигшее определённого уровня развития традиционной культуры лишь бы к этому располагали благоприятные природные условия.

Особенно важны этнографические наблюдения и зарисовки Вавилова, привезенные им из районов, где редко бывали европейские путешественники и по отношению к которым его дневники и статьи сохраняют значение первоисточника. Таковы обширные характеристики культуры местного населения Памира и Дарваза⁴³, Нуристана⁴⁴, Синьцзяна⁴⁵, Мексики⁴⁶. Опубликованная после его безвременной смерти популярная книга «Пять континентов» показала, что и в хорошо изученных цивилизованных странах Европы Вавилов умел увидеть оригинальное, зафиксировать его, записать в дневник, донести до читателя, обогатить его новым знанием⁴⁷. Можно было бы много говорить об этом и приводить различные примеры, но конечный вывод очевиден и без этого: без трудов Вавилова невозможно представить себе историко-этнологическое исследование тех районов, где прошел он в поисках культурных растений. Читая его, мы соприкасаемся с живой историей населения самых отдаленных и заброшенных уголков нашей планеты, в которые он проникал волшебством своего энтузиазма и любви к знанию.

Человечество осознало громадность и разнообразие наследия Николая Ивановича Вавилова. После его смерти в Саратовской тюрьме 26 января 1943 г. и более чем 25-летнего молчания переизданы его новые труды, выходят посвященные ему книги, ЮНЕСКО празднует 100-летие со дня его рождения. Но подавляющая часть читателей все принимает его как одного из самых замечательных творцов биологии XX в. Между тем исключительно велик его вклад и в познание многих тайн человеческого прошлого.

⁴² Вавилов Н. И. Центры происхождения культурных растений. Л., 1926. Переиздано: Вавилов Н. И. Избранные труды. Т. V. М.; Л., 1965; его же. Происхождение и география культурных растений. Л., 1987.

⁴³ Вавилов Н. И. У Памира (Дарваз, Рушан, Шугнан) // Баранов П. А., Гурский А. В., Остапович Л. Ф. Земледелие и сельскохозяйственные культуры Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. Т. 2. Душанбе, 1964.

⁴⁴ Вавилов Н. И., Букинич Д. Д. Указ. раб.

⁴⁵ Вавилов Н. И. Роль Центральной Азии в происхождении культурных растений // Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т. XXVI. Вып. 3. Л., 1931. Переиздано: Вавилов Н. И. Избранные труды. Т. II. М.; Л., 1960.

⁴⁶ Вавилов Н. И. Мексика и Центральная Америка как основной центр происхождения культурных растений Нового Света // Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т. XXVI. Вып. 3. Л., 1931; его же. Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения // Изв. Гос. геогр. об-ва. 1939. Т. LXXI. Вып. 10. Обе статьи переизданы там же.

⁴⁷ Вавилов Н. И. Пять континентов. М., 1962; 2-е изд. Л., 1987.

А. П. Галстян

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
АРМЯНО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ
(по материалам этносоциологического
обследования населения Еревана)**

В этносоциологической литературе выделяются такие важные компоненты двуязычия, как языковая компетенция, речевое поведение и языковая ориентация¹. Для выяснения ряда принципиальных вопросов: механизм и динамика распространения второго языка в различных половозрастных и социально-профессиональных группах населения, причины преобладания того или иного языка в речевом поведении индивида и их влияние на выбор языка обучения и др. — представляется целесообразным этносоциологическое изучение составных частей двуязычия. Оно поможет выявить их взаимные связи, что в свою очередь позволит «проследить, наряду с другими аспектами этнических процессов и национальных отношений, реальные масштабы двуязычия в различных классовых и социально-профессиональных группах, соотношение первого и второго языков в речевой практике, социально-культурные и иные условия и последствия развития двуязычия»².

В основу настоящей статьи положены материалы этносоциологического обследования, проведенного в Ереване отделом этносоциологии Института археологии и этнографии АН Армянской ССР в 1979—1981 гг.³ В качестве источника привлекались также всесоюзные переписи населения, в которых, начиная с 1970 г., фиксируется знание второго языка.

Языковая компетенция

Анализ материалов всесоюзных переписей населения показывает, что за 9 лет, прошедших между переписями 1970—1979 гг., доля двуязычных среди армянского населения республики возросла с 23,4 до 34,6%, причем у городских жителей она увеличилась на 10,4% (в Ереване — на 11,6%), а у сельских — на 8,3%⁴. Большую роль в распространении армяно-русского двуязычия в Армении играют города, прежде всего Ереван, ставший за годы Советской власти крупным промышленным, административным и культурным центром республики.

В Армении в силу этнической однородности (в 1979 г. армяне составляли здесь 89,4%, а в городах — 94,2% населения)⁵ роль непосредственных межэтнических контактов в распространении русского языка

¹ См., например, Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы (опыт, уроки и задачи этносоциологического изучения) // Расы и народы. М., 1979. Вып. 9. С. 23.

² Брук С. И., Губогло М. Н. Факторы распространения двуязычия у народов СССР (по материалам этносоциологических исследований) // Сов. этнография. 1975. № 5. С. 18.

³ О некоторых итогах работ см.: Население Еревана. Этносоциологические исследования. Ереван. 1986.

⁴ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. IV. С. 303—305; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 134.

⁵ Численность и состав населения СССР... С. 134.

незначительна, т. е. двуязычие развивается главным образом неконтактным путем. Большой интерес представляет распространение двуязычия у жителей Еревана, где этническая однородность особенно высока.

Чтобы картина была более полной, данные о родном языке и о пространстве двуязычия у армян Еревана мы сравним с аналогичными данными у коренных народов Тбилиси и Баку. Материалы переписи свидетельствуют, что в каждой из столиц трех союзных республик (Армения, Азербайджан и Грузия) наблюдается увеличение удельного веса коренного народа и уменьшение этнической мозаичности. Доля двуязычного населения увеличилась, причем довольно значительно, в Баку (азербайджано-русского: с 47,8 до 57,1%) и Ереване (армяно-русского с 36,8 до 48,4%); в Тбилиси же она не только не повысилась, но даже снизилась (грузино-русского: с 43,1 до 40,1%)⁶. Последнее требует специального исследования, и мы на этом здесь останавливаться не будем. Для рассматриваемой проблемы представляется важным то обстоятельство, что в Армении, находящейся по коэффициенту многонациональности⁷ в зоне низкого уровня интенсивности непосредственного межнационального общения, фиксируются более высокие темпы развития двуязычия. Следовательно, в этом процессе фактор этнической среды не всегда является определяющим. Распространению двуязычия в Ереване в значительной мере способствует наличие большой группы (около 20% жителей) армян-мигрантов из других союзных республик. По вполне понятным причинам у армян этой группы знание и использование русского языка выше, чем у остальных, и в языковом аспекте она в какой-то мере компенсирует отсутствие в городе русских жителей.

Доминирующая роль в приобщении армян к русскому языку принадлежит общеобразовательной школе: 50,8% опрошенных билингвов основным фактором формирования национально-русского двуязычия назвали общеобразовательную школу, независимо от языка преподавания (табл. 1). Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в дальнейшем значение школы в распространении двуязычия будет все более возрастать, особенно в однопациональных, таких, как Армянская ССР республиках, где межнациональное общение, как уже говорилось, гораздо слабее, чем в многонациональных⁸.

Роль школы в овладении русским языком четко прослеживается и в социально-профессиональных группах. У работников физического труда (во всех группах) больше половины билингвов основным каналом распространения второго языка считает общеобразовательную школу, мужчины определенной возрастной группы — также службу в Советской Армии.

Руководители и специалисты среднего и высшего звена важным фактором в овладении русским языком считают и учебу в высших и средних специальных учебных заведениях. По ответам руководителей и специалистов высшего звена, овладению русским языком способствует также семейная среда, что является показателем относительно высокой функциональной нагрузки у них русского языка, на чем мы специально остановимся при рассмотрении речевого поведения.

Как отмечалось в литературе⁹, одинаково свободное владение двумя языками — явление редкое. Преобладает тот тип двуязычия, при котором один из контактирующих языков индивид в силу определенных причин знает лучше.

Материалы этносоциологического обследования в Ереване показывают, что свыше 20% армян города русским языком владеют свободнее

⁶ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. С. 253—257, 264—270, 303—305; Численность и состав населения СССР... С. 124.

⁷ О коэффициенте многонациональности см. Джунусов М. С. Взаимообогащение национальных культур и развитие национально-русского двуязычия // Взаимоотношения развития национальных языков и национальных культур. М., 1980. С. 58—59.

⁸ См., например, Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М. 1984. С. 78.

⁹ См., например, Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975. С. 149.

Каналы овладения русским языком у армян Еревана, %*

Группы населения	Каналы овладения русским языком						
	школа	армия	вуз и техникум	родительская семья	друзья	работа	другие
Половозрастные							
18—29 лет	60,1	8,6	12,2	9,1	3,8	4,4	1,5
Мужчины	55,2	16,8	11,5	8,7	4,0	4,7	1,8
Женщины	65,2	—	12,4	9,3	3,7	4,0	1,3
30—49 лет	49,5	10,2	10,0	7,4	7,9	12,2	2,6
Мужчины	44,6	18,1	9,3	5,8	7,6	11,5	2,8
Женщины	55,0	—	10,8	9,1	8,3	13,1	2,4
50 лет и больше	36,3	11,3	6,8	9,1	12,7	17,2	6,2
Мужчины	31,4	19,2	6,1	7,5	12,4	16,5	6,5
Женщины	41,8	—	7,6	10,8	13,1	18,1	6,0
Социально-профессиональные							
Работники неквалифицированного физического труда	50,2	13,1	3,4	5,1	10,6	11,9	5,5
Работники физического труда средней квалификации	56,3	11,3	1,6	4,2	7,9	12,1	6,3
Работники физического труда высшей квалификации	51,4	24,5	1,8	5,2	6,8	7,6	3,1
Служащие	54,0	6,7	6,0	10,0	10,2	13,4	1,7
Руководители и специалисты среднего звена	51,0	10,6	8,9	8,2	6,5	12,1	2,1
Руководители и специалисты высшего звена	47,9	3,6	19,1	11,4	6,3	9,2	2,1
В целом среди опрошенных	50,8	9,3	10,3	8,5	7,4	10,2	2,8

* Эта и остальные таблицы составлены по материалам этносоциологического обследования, проведенного в Ереване сектором этносоциологии Ин-та археологии и этнографии АН АрмССР в 1979—1981 гг. Поскольку часть обследуемых не ответила на некоторые вопросы опросного листа, сумма ответов в этой и других таблицах не составляет 100%.

Таблица 2

Роль языка школьного обучения в развитии двуязычия у армян Еревана

Язык школьного обучения	Каким языком свободнее владеют	
	армянский	русский
Армянский	86,9	10,4
Русский	32,3	66,0
Всего среди опрошенных	74,7	22,4

ем армянским (табл. 2). Это в основном мигранты из городов других оюзных республик, которые «по степени знания русского языка выделяются среди всех групп населения города..., что свидетельствует об усилении роли русского языка в межнациональном общении в предшествующих местах жительства»¹⁰, а также армяне, обучавшиеся в школах с преподаванием на русском языке. В свою очередь лучшее знание того или иного языка накладывает отпечаток и на речевую деятельность индивида.

Обобщая сказанное о распространении национально-русского двуязычия среди армян Еревана, можно отметить, что этот процесс протекает неодинаково у различных групп населения. У части горожан лишь начинается приобщение к русскому языку (экстенсивный период разви-

¹⁰ Население Еревана. Этносоциологические исследования. С. 71.

тия двуязычия), другая же часть владеет обоими языками (интенсивный период развития двуязычия). Двуязычное армянское население по рода тоже можно условно разделить на две группы, учитывая степень знания каждого из контактирующих языков. К первой относятся армяне, владеющие языком межнационального общения (русским) лучше, чем родным (армянским). Это в основном армяне-мигранты, приехавшие из городов других союзных республик, а также небольшая часть коренных ереванцев, получивших образование на русском языке. Вторую группу составляют те двуязычные, которые армянским языком владеют свободнее, чем русским.

Речевое поведение

Речевое поведение — это употребление индивидом одного или нескольких языков в различных жизненных ситуациях, иными словами выбор оптимального средства общения в данной этнической и языковой среде. Речевое поведение — «часть социального поведения человека», «предварительным и обязательным условием изучения речевого поведения... является исследование социально-функционального распределения языков или форм их существования в данном обществе»¹¹.

Проявляется речевое поведение в актах речи. Принципиальное значение для понимания закономерностей выбора кода общения имеет рассмотрение речевых ситуаций. В. А. Аврорин речевую ситуацию характеризует как «сложное целое, включающее в себя производителя и адресата речи, со всеми их социально-демографическими признаками, характеристикой их отношений между собой, обстановку, в которой совершается акт речи, тему речевого произведения и, наконец, как функцию всего предыдущего, лингвистическую принадлежность речевого произведения»¹².

Выбор кода общения зависит от комплекса факторов, в который входят социально-профессиональная и половозрастная принадлежность, также уровень образования индивида. Интеллигенция с высоким уровнем образования в основном предпочитает литературный вариант армянского языка; среди молодежи этой же группы русский используется гораздо шире, чем у людей пожилого возраста. В речевом поведении разнорабочего — мигранта из сельских районов Армянской ССР на работе и особенно дома доминирует либо диалектная форма армянского языка, либо городское койне.

Код общения определяет упомянутый выше комплекс не только говорящего, но и адресата речи. Так, гипотетический инженер из НИ вычислительных машин может общаться на русском языке с инженерно-техническими работниками, на литературном армянском — с представителями месткома и на ереванском койне армянского языка с членами семьи.

Выбор кода в значительной степени обуславливается тематикой речи, обстановкой и, конечно, отношением говорящего к каждому из контактирующих языков. В одном случае индивид может предпочесть родной (армянский) язык, в другом — язык межнационального общения (русский), считая его статус более высоким.

На выбор языка общения влияют в той или иной степени все перечисленные факторы, но больше других, на наш взгляд, степень знания языков. Действительно, в большинстве случаев люди стараются общаться на том языке, которым владеют лучше.

В табл. 3 приведены данные о речевом поведении разных половозрастных и социально-профессиональных групп армян Еревана в производственной и семейной сферах.

¹¹ Никольский Л. Б. Проблема связи языка и культуры // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976. С. 27—28.

¹² Аврорин В. А. Указ. раб. С. 116.

Группы населения	На каком языке говорят			
	дома		на работе	
	армянский	русский	армянский	русский
Половозрастные				
18—29 лет	87,6	11,9	77,8	21,8
Мужчины	86,5	12,8	78,7	20,9
Женщины	88,8	11,0	77,0	22,6
30—49 лет	88,8	10,6	80,6	18,8
Мужчины	87,7	11,5	81,5	17,9
Женщины	90,0	9,7	79,8	19,6
50 лет и больше	86,5	11,2	79,6	20,4
Мужчины	85,4	12,1	80,5	19,5
Женщины	87,7	10,3	78,8	21,2
Социально-профессиональные				
Работники неквалифицированного физического труда	97,9	0,7	95,9	3,5
Работники физического труда средней квалификации	93,7	2,9	91,2	7,6
Работники физического труда высшей квалификации	95,9	3,6	93,1	6,5
Служащие	89,0	10,5	80,2	19,2
Руководители и специалисты среднего звена	83,1	15,3	75,2	24,8
Руководители и специалисты высшего звена	79,4	20,3	67,4	32,4
В целом среди опрошенных	87,8	11,2	79,6	20,1

Речевое поведение половозрастных групп в обеих сферах различается, как видно из табл. 3, очень незначительно. Отклонения не превышают 2—3%, что не дает реальных оснований для попыток выявления каких-либо тенденций и закономерностей. В социально-профессиональных группах дело обстоит иначе: выясняется, что между социально-профессиональной принадлежностью индивида и распространением русского языка в речевом поведении существует прямопропорциональная связь: чем выше профессиональная квалификация, тем шире функции русского языка в семье и особенно на производстве. Полярными здесь выступают две группы: работники неквалифицированного физического труда и руководители и специалисты высшего звена, между которыми размах вариаций по использованию русского языка в производственной сфере составляет 28,9%. Промежуточное положение занимают служащие, в речевом поведении использующие русский язык значительно больше, чем работники физического труда.

Более широкое распространение русского языка в производственной сфере (по сравнению с семейной) объясняется несколькими причинами, главными из которых, на наш взгляд, являются научно-техническая революция и дальнейшая интенсификация интеграционных процессов между отдельными национальными регионами страны.

Относительно высока в Ереване функциональная нагрузка русского языка в речевом поведении работников умственного труда. Предварительные наблюдения показывают, что в среде самой интеллигенции тоже имеет место определенная дифференциация. Те руководители и специалисты высшего звена, которые заняты на производстве, в научно-исследовательских учреждениях и министерствах союзного значения, в республиканских партийных и советских органах, на работе больше других пользуются русским языком. Это обусловлено рядом факторов.

Прежде всего, эти работники, имеющие преимущественно инженерно-технические и естественнонаучные специальности, во время учебы в вузах часть информации получали на русском языке. Далее, предприятия и учреждения, в которых они трудятся, будучи связаны с другими идентичными предприятиями страны, делопроизводство в основном ве-

дут на русском языке, что отражается на речевом поведении работников. Распространению русского языка в производственной сфере способствуют частые поездки инженерно-технического персонала предприятий и организаций за пределы республики, совещания и встречи на всесоюзном уровне, а также социалистическое соревнование между непрофильными предприятиями различных городов и республик.

Кроме того, большое распространение русского языка среди интеллигенции в какой-то мере можно объяснить и тем обстоятельством, что среди переселившихся из союзных республик армян удельный вес интеллигенции значительно выше, чем соответствующий показатель в населении Еревана¹³. Это свидетельствует о том, что тяга из иноэтнической среды в свою возрастает с повышением образовательного и социально-профессионального статуса личности. Армяне-мигранты, как уже отмечалось, в силу длительного пребывания в иноэтническом окружении знают язык межнационального общения (русский) лучше, чем литературный армянский, и шире используют его.

В разговорной речи инженерно-технического персонала предприятий районного и городского значения, имеющих несложное техническое оснащение, где все производство, включая и получение сырья и реализацию готовой продукции, осуществляется в системе народного хозяйства республики, функциональная нагрузка армянского языка выше, чем русского. У работников культурных, просветительных и творческих союзных научных и научно-исследовательских институтов общесоветского профиля русский язык распространен гораздо меньше. Здесь, по всей вероятности, нужна оговорка: у лиц, занятых в тех областях науки и культуры, которые призваны удовлетворять духовные потребности населения республики и в которых армянский народ имеет очень давние традиции (литература, история, живопись, архитектура и т. д.), в разговорной речи доминирует армянский язык. У работников же общесоветских учреждений, изучающих не этнические, а унифицированные и стандартизированные формы культуры и быта, а также общие закономерности социальных явлений (философия, экономика и т. д.), в разговорной речи преобладает русский. Он больше распространен и в сравнительно новых сферах искусства, в которых Армения не имеет сложившихся традиций и специалистов для которых (например, работников телевидения, артистов кино, цирка) готовят за ее пределами.

В производственной сфере русский язык меньше всего используется работниками физического труда (от 3,5 до 7,6% во всех их группах), что объясняется однородным этническим составом, более низким уровнем образования и сравнительно узким кругом общения этой части населения Еревана.

Что касается речевого поведения в семейном быту, то во всех социально-профессиональных группах преобладает армянский язык. Русский же применяется преимущественно в национально-смешанных семьях либо в тех, несколько членов которых обучались в школах с русским языком преподавания. Причем, если в таких школах обучались представители только одного поколения (независимо от того, родители или дети), они говорят между собой на русском, а с другими — на армянском языке. В качестве языка внутрисемейного общения русский больше всего распространен в семьях руководителей и специалистов высшего звена (20,3%), что можно объяснить опосредованным влиянием языка производственной среды на речевое поведение в семейном быту.

Следует отметить определенную связь между речевым поведением в сферах производственной и домашней: по всей вероятности, язык производственного общения может влиять на язык семейного общения. Более того, если небольшим «речевым коллективом» семьи осознанно признается преимущество языка производственного общения, если на этом языке обучаются дети, он может превратиться в язык домашнего общения. С обратный же процесс маловероятен. Работающий в многочисленном ко-

¹³ См. Население Еревана. Этносоциологические исследования. С. 39.

Языковая ориентация армян Еревана, %

Группы населения	Язык школьного обучения			
	предпочитают		обучают детей	
	армянский	русский	армянский	русский
Половозрастные				
18—29 лет	56,9	37,6	74,1	19,3
Мужчины	58,8	35,4	70,4	23,0
Женщины	55,1	39,4	77,8	15,6
30—49 лет	65,1	31,8	73,2	24,1
Мужчины	67,0	29,9	69,5	27,8
Женщины	63,0	33,6	76,9	20,4
50 лет и больше	70,7	27,6	70,9	28,3
Мужчины	72,6	25,7	67,2	32,0
Женщины	68,9	29,4	74,6	24,6
Мужчины в целом	65,3	31,0	67,8	30,4
Женщины в целом	61,9	34,8	75,2	22,0
Социально-профессиональные				
Работники неквалифицированного физического труда	79,2	18,8	90,1	8,9
Работники физического труда средней квалификации	76,7	21,3	88,6	10,0
Работники физического труда высшей квалификации	69,8	26,7	86,9	8,7
Служащие	60,7	36,5	70,9	28,2
Руководители и специалисты среднего звена	61,0	35,5	62,8	37,6
Руководители и специалисты высшего звена	50,2	44,7	48,5	47,3
в целом среди опрошенных	63,9	32,6	72,4	25,3

тективе индивид вряд ли сможет использовать там язык своего домашнего общения, ведь для этого необходимы объективные условия: наличие сотрудников либо данной национальности, либо владеющих этим языком лучше, чем другим. Правда, человек, занимающий какую-то административную должность, иногда может ввести свой язык в определенный микроколлектив: канцелярию, сектор или отдел, но, разумеется, не в коллектив всего предприятия.

Языковая ориентация

Языковая ориентация — сложный социально-психологический феномен, в котором выявляется сознательное отношение индивида к общественному значению того или иного языка в данной этноязыковой среде. Она формируется под воздействием ряда факторов социально-экономического, политического и культурного характера и в зависимости от социально-профессиональной, образовательной и половозрастной принадлежности данного индивида. Причем языковая ориентация последнего в свою очередь может иметь определенные этнокультурные последствия.

В табл. 4 приведены данные о языковой ориентации различных половозрастных и социально-профессиональных групп армянского населения Еревана. Мужчины во всех возрастных группах в качестве языка школьного обучения предпочитают армянский, хотя процент билингвов среди мужчин больше, чем среди женщин. Что касается возрастного фактора, то здесь тенденции довольно четкие: чем старше индивид, тем больше он ориентируется на армянский, и чем моложе — на русский язык. Размах между полярными группами — 13,8%.

При сравнении соотношения предпочтительной и реальной языковой ориентации выясняется следующее: в самой старшей из выделенных возрастных групп (50 лет и больше) потребность в школах с русским

языком преподавания удовлетворяется полностью, а в самой младше (18—29 лет) она на 18,3% превышает реализацию.

Социально-профессиональная принадлежность также влияет на выбор языка школьного обучения. Исследование показало, что с ростом социально-профессионального статуса стремление к русскому языку к языку школьного обучения возрастает, к армянскому — ослабевает. Парными здесь выступают две группы: работники неквалифицированного физического труда и руководители и специалисты высшего звена. Разница между группами в этом отношении составляет 25—30%. Относительно высокая ориентация интеллигенции на школы с русским языком преподавания объясняется теми же причинами, которые обуславливают хорошее знание и широкое распространение русского языка в речевом поведении, но прежде всего постоянно увеличивающейся ролью языка межнационального общения и в республике и в стране. Сравнительно высокой ориентации работников умственного труда на школы с русским языком преподавания в какой-то мере способствует и наличие в этой группе значительного числа армян — мигрантов из других союзных республик. Длительное проживание в иноэтническом окружении способствует выработке у них определенных стереотипов отношения к русскому языку как якобы единственному, гарантирующему высокий образовательный уровень и социально-профессиональное продвижение. Эти стереотипы значительное время продолжают существовать и после переезда в родную этническую среду.

При исследовании языковой ориентации принципиальное значение получает проблема педагогической эффективности, т. е. какой из контактирующих языков — родной или русский — гарантирует более легкое усвоение учебного предмета. Родным языком мы, следуя разработанному экспертами ЮНЕСКО определению, называем язык этноса данного индивида, при условии, что последний владеет им¹⁴.

По данным этносоциологического опроса армян Еревана, отдавать детей в школы с русским языком преподавания выразили желание 33% родителей. Поскольку русский является языком внутрисемейного общения лишь для 11% армян Еревана, получается, что значительная часть детей поступает в эти школы без должного знания его. О последствиях такого выбора (правда, на ином этническом материале) пишет В. А. Аврорин: «В первом классе на одной парте сидят два ученика с одинаковыми способностями и одинаковым запасом знаний, но для одного из них язык обучения родной, а для другого он неродной. Какое количество умственных сил, какое напряжение внимания и памяти необходимы для каждого из них при овладении одним и тем же объемом знаний? Очевидно, совершенно не одинаковые. Ведь если первый приобретает новые знания, не встречая затруднений, связанных с формой их преподавания, то второй доходит до тех же знаний через сложную сеть препятствий, воздвигаемых перед ним неродным языком изложения. Помимо усвоения определенного объема знаний, он должен одновременно делать в уме синхронный перевод урока на родной язык»¹⁵. В итоге второй ученик вынужден работать гораздо больше, чем первый. Поэтому у части учеников увеличивается нагрузка, что может влиять на их успеваемость. Об этом же писал известный грузинский педагог Я. С. Гебашвили¹⁶.

Процессы изучения родного и второго языка имеют значительные различия: родным языком ребенок овладевает параллельно с развитием мыслительных способностей, а второй язык изучается им уже при наличии довольно развитого мышления. Следовательно, изучение второго языка обязательно должно основываться на знании родного языка. Ска-

¹⁴ См. Микеш М. Обучение на родном языке в Югославии//Перспективы. 1985. № 1. С. 75.

¹⁵ Аврорин В. А. Двужычье и школа//Проблемы двужычья и многаязычия. М., 1972. С. 59.

¹⁶ Пути развития национально-русского двужычья в национальных школах РСФСР. М., 1970. С. 266.

занное подтверждается экспериментальными данными психологической науки. Так, Л. С. Выготский считает, что до двух лет у ребенка речь и мышление развиваются независимо друг от друга. Примерно в возрасте двух лет «линии развития мышления и речи, которые шли до сих пор раздельно, перекрещиваются, совпадают в своем развитии и дают начало совершенно новой форме поведения, столь характерной для человека... Ребенок как бы открывает символическую функцию речи»¹⁷.

Для педагогики вообще и для изучаемой проблемы в частности большое значение имеют исследования известного японского нейрофизиолога Таданобу Цунода. Длительные эксперименты по определению доминантности правого и левого полушария привели ученого к заключению, что латерализация эмоций приобретается посредством родного языка. «Родной язык,— утверждает он,— дифференцирует прием, освоение, ощущение и понимание человеком звуков, поступающих из окружающей среды. Родной язык тесно связан с развитием эмоционального механизма в мозгу»¹⁸.

Принципиально важные данные о качественном различии между механизмами овладения первым и вторым языками, между обучением ребенка и взрослого получила этология (наука о поведении животных в естественной среде их обитания). Открытия этологов в области импринтинга (впечатывание) впервые породили сомнения в правомерности подхода к взрослому как к ребенку, овладевающему речью. Э. Пулгрем, один из известных современных этологов, выявляя место речи и языка в системе врожденных и приобретенных моделей поведения человека, пришел к выводу, что процесс овладения родным языком не является чисто интеллектуальным. На эмпирическом материале он доказал, что «к тому времени, когда ребенок должен начать усвоение языка, но еще не обладает достаточным умственным развитием и опытом, чтобы справиться с этой задачей, готов действовать инстинкт. Вот почему овладение первым языком предстает, в сущности, как эквивалент развертывания самой речевой способности, как нечто, полностью совпадающее с этим процессом. Вот почему нам кажется, что мы чуть ли не рождаемся с нашим первым („родным“) языком, что мы генетически наследуем сам язык, а не только речевую способность. И по той же причине трудность овладения вторым языком представляется увеличивающейся с возрастом, вопреки развитию наших умственных способностей, как раз потому, что у нас фактически утрачивается инстинкт и интуитивное научение вытесняется сознательным»¹⁹.

При высокой этнической однородности населения Еревана вопрос выбора языка школьного обучения должен быть тщательно и всесторонне продуман. На наш взгляд, в русские начальные школы ребенка целесообразно отдавать лишь с уже усвоенным «первичным» русским языком, т. е. когда русский является языком его первичной социализации. Ибо, если язык преподавания окажется в противоречии с языком домашнего общения, возникает реальная опасность для успешного обучения ребенка. В случае, когда ребенок совсем не знает русского языка, обучение следует, как нам представляется, начинать в армянской начальной школе. Овладение русским в системе общеобразовательной армянской школы вполне достигается при изучении его как отдельного предмета в течение 10-ти лет.

Языковая ориентация имеет, как уже говорилось, некоторые этнокультурные последствия. По всей вероятности, язык школьного обучения во многом предопределяет речевое поведение индивида.

Как видно из табл. 5, подавляющее большинство армян Еревана, окончивших школы с армянским языком преподавания, в семье обща-

¹⁷ Выготский Л. С. Мышление и речь. М.; Л., 1934. С. 89.

¹⁸ Цит. по: Брабин Г. Родной язык и мозг. Интересное открытие японского экспериментатора//Курьер Юнеско. 1982. Март. С. 13.

¹⁹ Пулгрем Э. «Человек говорящий» — этологический подход//Наука и жизнь. 1971. № 7. С. 62.

Влияние языка школьного обучения на речевое поведение армян Еревана, %

Язык школьного обучения	На каком языке говорят			
	дома		на работе	
	армянском	русском	армянском	русском
Армянский	94,8	3,9	86,5	12,8
Русский	61,1	38,6	55,3	44,3
В целом среди опрошенных	87,4	11,6	79,5	19,9

ются на армянском языке. Немногие (всего 3,9%) из этой группы дома говорят на русском языке. Это в основном семьи, в составе которых есть либо лица неармянской национальности, либо армяне — мигранты из других союзных республик, плохо знающие родной язык.

Иная картина в группе армян, закончивших школы с русским языком преподавания: в домашней среде на армянском общается 61%, на русском языке — 38,6% лиц. В обеих группах использование русского языка на работе выше, чем в семье. О факторах, обуславливающих широкое распространение русского языка в производственной сфере, было сказано выше. Этими факторами объясняется и то обстоятельство, что 12,8% армян, окончивших школы с армянским языком преподавания, на работе общаются преимущественно на русском языке. В группе армян с русским языком образования на работе 44,3% говорят в основном по-русски. По всей вероятности, это вызвано прежде всего указанными причинами (язык делопроизводства, переписки, отсутствие или недостаток научно-технической терминологии и литературы на армянском языке и т. д.).

Следует учитывать также следующее. В современном Ереване, наряду с устной разновидностью кодифицированного литературного языка, функционируют различные территориальные диалекты армянского языка благодаря большому числу армян — мигрантов (носителей этих диалектов) из сельских районов Армении, Грузии и Азербайджана. Кроме того, распространено также городское койне с большим количеством жаргонных выражений и иноязычных заимствований, которые не воспринимает литературный армянский язык в силу своих богатых внутренних ресурсов. Наличие этих форм существования армянского языка в городе фактически сводит к минимуму возможность овладения литературным армянским языком через повседневное общение. Овладеть же им в неармянской школе довольно трудно как из-за принципа добровольности посещения уроков армянского языка и литературы, так и ввиду небольшого числа учебных часов, отводимых под эти предметы. На наш взгляд, доминирующее положение русского языка в производственной сфере у интеллигенции с русским образованием объясняется и неудовлетворительным знанием армянского устно-разговорного литературного языка²⁰. Не владея последним и не желая обратиться к народно-разговорному языку, многие работники умственного труда предпочитают русский язык в качестве средства производственного общения и публичных выступлений, что постепенно начинает влиять и на смену языка в домашней сфере. И все же у наиболее социально продвинутой части творческой интеллигенции в последние годы отчетливо проявляется стремление к использованию армянского языка. Таким образом, в этноязыковых процессах, протекающих среди армянского населения современного Еревана, наблюдается широкое распространение армяно-русского двуязычия, играющего прогрессивную роль в овладении

²⁰ Об устно-разговорном литературном языке см. Туманян Э. Г. Язык как система социолингвистических систем. Синхронно-диахроническое исследование. М., 1985. С. 200—205.

зучно-техническими и художественными ценностями. И, поскольку, уровень этнической монолитности населения города весьма высок, ведущую роль в развитии двуязычия должна играть общеобразовательная школа. Оптимальным вариантом нам представляется общеобразовательная школа с обучением на родном языке и преподаванием (обязательно высококвалифицированным) русского языка в качестве одного из учебных предметов. Именно так, на наш взгляд, может быть достигнуто «идеальное», по выражению лингвистов, двуязычие, когда степень владения языком межнационального общения и родного языка будет примерно одинакова.

О. Б. Наумова

**НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫЕ СЕМЬИ
У НЕМЦЕВ КАЗАХСТАНА
[по материалам экспедиции 1986 г.]**

Казахстан — многонациональная республика, и число межнациональных браков здесь велико. По данным переписи 1979 г., доля национально-смешанных семей в Казахстане достигла 21,5% (23,9% — в городе, 18,2% — на селе)¹, что значительно выше, чем во всех остальных республиках Среднеазиатско-Казахстанского региона. В целом по стране Казахстан занимает третье место по доле национально-смешанных семей после Латвии и Украины². Активно вступают здесь в межнациональные браки и немцы — третий по численности народ Казахской ССР³: в конце 1970-х годов из всех семей с одной супружеской парой немцы такого типа составляли 85% от всех семей, зафиксированных в Казахстане) у немцев больше половины были национально-смешанными (50,3%; в городе — 57,4%, на селе — 43,9%). Такое значительное количество смешанных семей свидетельствует об интенсивном этнокультурном сближении немцев с другими народами республики, что делает актуальным всестороннее изучение этого явления.

В 1986 г. Казахстанский отряд Среднеазиатской этнографической экспедиции⁴ начал изучать современные этнокультурные процессы в национально-смешанных районах Казахской ССР, в частности, собирались сведения и о межнациональных браках и семьях. Статья написана на основе полевых этнографических материалов экспедиции, дополненных статистическими и литературными данными. Выводы ее носят предварительный характер, так как работа по данной проблематике только начинается.

В обследованных экспедицией районах немцы довольно часто вступают в браки с представителями других национальностей. Приведем материалы о количестве национально-смешанных супружеских пар в 1986 г., содержащиеся в похозяйственных книгах сельсоветов (см. табл. 1). Как видим, доля участия немцев в общем числе межнациональных семей везде значительно выше их (немцев) доли в общей численности населения сельсоветов.

¹ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1985. С. 300.

² Там же. С. 284—321.

³ В 1979 г. численность немцев в Казахстане составила 900 207 чел. (6,1%)//Там же. С. 116.

⁴ Отряд в составе С. В. Чешко (нач. отряда), О. И. Брусиной, А. Ю. Кузина и т.д. Автор статьи работал в Рождественском и Кенесском сельсоветах Павлодарского района Павлодарской обл., Умтыльском сельсовете Каскеленского р-на Алма-Атинской обл., Ванновском сельсовете Тюлькубасского р-на Чимкентской обл.

Число национально-смешанных супружеских пар в сельсоветах
(по данным хозяйственных книг)

Сельсовет	Население, тыс. чел.	Национальный состав с/с, %			Супружеские пары				
		казахов	русских	немцев	всего	из них межнациональных		из них нем с другими в нальность	
						число	%	число	% от межнациональ супружеских
Рождественский	2,6	7,0	28,0	64,0	576	130	22,6	89	68,5
Кенесский	2,7	28,8	23,3	35,3	662	179	27,0	117	65,3
Умтыльский	11,3	30,0	38,6	16,7	2072	357	17,2	140	39,2
Ванновский	18,9	36,4	28,5	17,8	3716	816	22,0	295	36,2

Количественный рост межнациональных браков у немцев в настоящее время выглядит еще более ощутимо на фоне их значительной замкнутости в недавнем прошлом⁵. В частности, в браки немцы вступали лишь с лицами своей национальности и даже только внутри своих локальных групп⁶, что во многом объяснялось их конфессиональными различиями. В конце XIX в. были известны лишь редкие случаи национально-смешанных браков у немцев, например на Украине⁷.

Причины сегодняшнего быстрого роста межнациональных браков немцев нельзя понять, не учитывая особенностей процесса формирования немецкого населения в Казахстане. Известно, что в 1941 г. немцы из европейской части СССР были переселены в восточные районы и Казахстан⁸. Немецкое население почти всех обследованных экспедиций сельсоветов сформировалось из этих переселенцев и мигрантов следующих десятилетий⁹.

Продолжительные и интенсивные переселения нарушили обособленность немецких локальных групп, сложившихся на территории европейской части России к концу XIX в., подорвали их внутригрупповые связи. Сегодня во всех населенных пунктах, где побывала наша экспедиция, живут вместе представители разных групп немцев. К примеру на территории Умтыльского сельсовета проживают «саратовцы», «каззцы», «житомирцы», «одесские немцы»¹⁰, в пос. Розовка Павлодарской области помимо немцев-колонистов живут «швабы», «саратовцы», «кавказцы». По происхождению так же разнороден конфессиональный состав современного немецкого населения в этих районах (католики, лютеране, баптисты). Сегодня браки между локальными и конфессиональными группами немцев заключаются беспрепятственно.

Большое значение для увеличения числа смешанных браков имеет и то, что переселенные в 1940-х годах немцы попадали в иноэтничную среду. Их подселляли как в этнически смешанные, так и в однонациональные населенные пункты — в казахские аулы, в русские и украинские села.

⁵ Малиновский Л. В. Жилище немцев-колонистов в Сибири // Советская этнография (далее — СЭ). 1968. № 3. С. 97; Филимонова Т. Д., Шин М. Ф. К вопросу об этнокультурном развитии немцев Закарпатья // Карпатский сб. М., 1972. С. 119, 132.

⁶ Это подтверждают и наши полевые материалы. Так, в поселке немцев-колонистов Павлодарской обл. Розовке браки еще до войны заключались только между жителями деревни.

⁷ Филимонова Т. Д., Шин М. Ф. Указ. раб. С. 119, 120.

⁸ Филимонова Т. Д. Об этнокультурном развитии немцев СССР // СЭ. 1986. № 1. С. 103.

⁹ Потомки немцев-колонистов, переселенцев начала XX в., живут только в Рождественском сельсовете, в пос. Розовка, однако и здесь немецкое население появилось в 1940-х годах за счет притока немцев из разных районов Европейской части СССР.

¹⁰ Субэтнонимы приведены со слов информаторов-немцев.

Этническая структура национально-смешанных семей у немцев в обследованных сельсоветах
(по данным хозяйственных книг)

Сельсовет	Супружеские пары немцев с представителями других национальностей									
	всего	из них с представителями восточноевропейских народов					из них с представителями «азиатских» народов			
		число	%	из них с русскими	из них с украинцами	% супружеских пар немцев с русскими и украинцами от числа немецко-«европейских»	число	%	из них с казахами	
									число	% от немецко-«азиатских»
Божественский	89	87	97,8	56	27	95,4	2	2,2	2	100
Кеңесский	117	109	93,2	78	18	88,1	8	6,8	4	50,0
Умтыльский	140*	132	94,3	116	10	87,8	7	5,0	2	28,5
Ванновский	295**	278	94,2	119	65	95,0	15	5,1	3	20,0

* В том числе: один — с корейцем.

** В том числе: два — с корейцами.

ские деревни. Все населенные пункты, которые мы посетили и где сегодня живут немцы, многонациональны.

Высокий уровень урбанизированности современной культуры немцев, стандартизации их образа жизни¹¹ также создают благоприятные условия для дальнейшего роста межэтнической брачности в их среде.

Большую часть смешанных браков немцы заключают с представителями восточноевропейских народов¹², проживающих в Казахстане. Из них преобладают браки с русскими и украинцами — наиболее многочисленными в республике народами. В конце 1970-х годов из всех национально-смешанных семей у немцев с одной супружеской парой немецко-«европейские» составили 92,3% (93,3% — в городе, 91,2% — на селе), а из них немецко-русские и немецко-украинские — 93,9% (94,9% в городе, 92,7% на селе).

Браки немцев с народами, исповадовавшими ислам, немногочисленны. В этой же группе семей они составили всего 3,9% (3,5% в городе, 4,5% на селе); из них значительная часть немецко-татарских (оба варианта) — 46,7%. Немецко-казахских (оба варианта) из всех немецко-«азиатских» супружеских пар было 38% (25,4% в городе, 48,9% на селе). Большее число национально-смешанных семей немцев с народами в прошлом мусульманскими) в сельской местности объясняется малой долей горожан среди коренных народов среднеазиатско-казахстанского региона.

Аналогична и этническая структура смешанных семей в обследованных нами сельсоветах (табл. 2). Интересно, что число браков с казахами не соотносится с долей казахов в населении сельсоветов, а в Кеңесском, Умтыльском и Ванновском можно заметить обратно пропор-

¹¹ Об этих и других факторах роста межэтнической брачности см.: Комарова О. Д. Межнациональные браки среди русского населения республик Средней Азии и Казахстана // Этнокультурные процессы: методы исторического и синхронного изучения. М., 1982. С. 156, 157.

¹² Данную группу: браки немцев со славянскими, прибалтийскими и другими народами Европейской части СССР мы условно назвали немецко-«европейскими», другую группу: браки немцев с казахами, узбеками, таджиками, азербайджанцами, башкирами, татарами, чеченцами и другими народами, культура которых в прошлом испытала сильное влияние ислама, — немецко-«азиатскими».

В обозначении национально-смешанных семей и браков на первое место мы ставим национальность мужа, затем жены (например, казахско-немецкая семья — это семья, в которой муж казах, а жена немка). Случаи, когда имеются в виду оба варианта браков между двумя народами (муж казах, жена немка и муж немец, жена казашка), при необходимости оговариваются особо.

Когда речь идет о немецко-«европейских» и немецко-«азиатских» семьях, мы имеем в виду оба варианта и специально это не оговариваем.

циональную зависимость: чем больше доля казахов в населении (т. е. чем компактнее они расселены), тем меньше доля казахско-немецких супружеских пар (см. табл. 1 и 2). Большим числом «азиатско-немецких», в том числе казахско-немецких, семей отличается целинный совхоз «Новоямышевский» Кенесского сельсовета, что объясняется многонациональностью и интернациональной атмосферой, вообще свойственной целинным районам¹³. Основная часть немногочисленных супружеских пар немцев с представителями в прошлом мусульманских народов южных (Умтыльском и Ванновском) сельсоветах приходится не на казахов, а на другие народы этой группы (восемь пар с татарами, пять с азербайджанцами, четыре с узбеками, по одной с башкирами, чеченцами, таджиками, уйгурами). Их доля в населении сельсоветов составляет 0,1—5,1%. Вероятно, именно благодаря своей дисперсности эти народы более активно, чем казахи, вступают в национально-смешанные браки с «немусульманами», в данном случае с немцами¹⁴.

Такая статистика смешанных браков немцев Казахстана с другими народами во многом объясняется отношением обеих сторон к межнациональным бракам. Естественно, что многие родители-немцы хотели бы видеть супругами своих детей представителей своей же национальности. Однако отношение к бракам с русскими, украинцами и другими «европейцами» в немецкой среде самое доброжелательное. Благоприятствует таким бракам сходство в образе жизни, в современной бытовой культуре немцев и этих народов. («Они — русские, украинцы — такие же как мы», — говорили наши информаторы-немцы, имея в виду свою культурно-бытовую близость с русскими и украинцами). Кроме различия языке наши информаторы затруднялись назвать какие-либо препятствия для браков с русскими. А так как русский язык широко распространен среди немцев, то языкового барьера между немцами и русскими (особенно среди молодежи) практически нет. Этнокультурная близость немцев с другими европейскими народами острее ощущается ими в соседстве с казахами и однозначно влияет на предпочтения в выборе брачного партнера. К этому надо добавить, что контакты немцев с русскими и украинцами начались гораздо раньше, чем с казахами. Способствовало распространению «европейско-немецких» браков и благожелательное отношение к ним местных русских и украинцев.

Культурно-психологическая совместимость немцев с европейскими народами (в частности, с русскими и украинцами) настолько значительна, что в некоторых случаях национальная принадлежность супруга браках между ними уже не принимается во внимание. Так, по данным А. Б. Калышева, исследовавшего межнациональные браки в Павлодарской области, теоретическая вероятность браков немцев с русскими (в обоих вариантах) совпадает с их практической частотой¹⁵.

Казахско-немецкие браки в обследованных сельсоветах существуют только в одном варианте: муж казах, жена немка. Отношение немцев к таким бракам неоднозначно. Как правило, родители и родственники девушки-немки вначале возражают против такого союза, считая, что жизни молодой семьи возникнут трудности, однако девушки обычно настаивают на своем. Незначительное число браков немцев с казахами с представителями других азиатских народов объясняется не столько позицией родителей-немцев, сколько негативным отношением к таким бракам другой стороны.

Старшее поколение казахов не одобряет межнациональные браки в некоторых случаях активно им препятствует. Особенно нетерпимы

¹³ Современные этнические процессы в СССР. Изд. 2-е. М., 1977. С. 475.

¹⁴ Отмечено, что в республиках Средней Азии и Казахстане чаще вступают в смешанные браки представители некоренной для данной республики национальности. *Борзых Н. П.* Распространенность межнациональных браков в республиках Средней Азии и Казахстане в 1930-х годах // СЭ. 1970. № 4. С. 90.

¹⁵ *Калышев А. Б.* Межнациональные браки в сельских районах Казахстана // СЭ. 1984. № 2. С. 77. Отсутствие у нас материалов загов по национально-смешанным однонациональным бракам у немцев Казахстана, к сожалению, не позволяет выявить соотношение их практической частоты с теоретической вероятностью.

Соотношение мужчин и женщин немецкой национальности в национально-смешанных семьях в обследованных сельсоветах

Сельсовет	Немецко-«европейские» супружеские пары		Немецко-«азиатские» супружеские пары			
	муж-немец	жена-немка	муж-немец	жена-немка	из них:	
					немец — казашка	казак — немка
Рождественский	45	42	—	2	—	2
Кенесский	57	52	2	6	—	4
Умтыльский	70	62	2	5	—	2
Ванновский	159	119	2	13	—	3
Итого	331	275	6	26	—	11

этом вопросе старики. Типичная ситуация отражена в рассказе немецкого писателя Александра Гассельбаха «Первый снег»¹⁶ — о любви Эрнестины Бахман и Куаныша Казакбаева. Родители девушки после незначительных колебаний соглашаются на свадьбу дочери. Родители Куаныша тоже не возражают, однако его дед не хочет благословлять брак внука и советует ему найти в жены казахскую девушку. К счастью молодых, аксакала удается уговорить, что в жизни случается не всегда. По рассказам наших информаторов, бывало, что юношу-казаха силой пытались заставить изменить свое решение жениться на девушке-неказашке.

Хотя шариат не запрещал мусульманам жениться на христианках и иудейках¹⁷, однако на практике, и в частности в казахской среде, такие браки осуждались¹⁸. В прошлом у казахов не одобрялись браки даже с представителями других мусульманских народов¹⁹. Такое отношение к национально-смешанным бракам сказывается и на сегодняшнем общественном мнении старших поколений. Однако, по нашим наблюдениям, среднее поколение казахов уже терпимее относится к национальности будущих супругов своих детей.

Немецко-«европейские» и немецко-«азиатские» браки отличаются не только количественно. Если в браки с «европейцами» у немцев в равной степени вступают как мужчины, так и женщины, то в браки с представителями мусульманских в прошлом народов вступают, как правило, только немки. Точнее было бы сказать, что женщины «азиатских» народов, как правило, не выходят замуж за людей других национальностей, и особенно за тех, кто исповедовал в прошлом иную религию. К примеру, в тех сельсоветах, где побывала экспедиция, зафиксировано в 2 раза больше супружеских пар казахов с представительницами мусульманских народов иной национальности, чем казашек с представителями этих национальностей; сочетания казах — «европейка» встречались в 14 раз чаще, чем «европеец» — казашка. В прошлом ислам запрещал брак мусульманки с «иноверцем», и сегодня этот запрет оказывает сильное влияние на отношение к подобным бракам у людей старшего возраста, с которыми считаются при вступлении в брак²⁰. Как видим (табл. 3), во всех обследованных нами сельсоветах нет ни одного брака немца с казашкой.

Даже малое число казахско-немецких супружеских пар воспринимается населением как нечто значительное. Нередко приходилось слышать, что в немецко-казахских селах, где было зафиксировано лишь по

¹⁶ Близкие дали. Рассказы немецких писателей Казахстана: Пер. с нем. Алма-Ата. 1984. С. 140—149.

¹⁷ Керимов Г. М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978. С. 121.

¹⁸ См. об этом Борзых Н. П. Указ. раб. С. 88, 89.

¹⁹ Национально-смешанные браки между мусульманами разной национальности не одобрялись и у других мусульманских народов. См. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М., 1983. С. 47.

²⁰ Комарова О. Д. Указ. раб. С. 163.

две-три казахско-немецких семьи, немцы и казахи «перемешались, переженились». Все это свидетельствует об исключительном пока характере подобных браков,

Дети из национально-смешанных семей обычно легче вступают межнациональные браки. Нам нередко встречались семьи, подобны семье чеченца Вахита Илдарбаева и немки Лидии Гофман (пос. Политотдел Алма-Атинской обл.), — два их сына взяли в жены русских девушек. Сыновья из национально-смешанных семей зачастую берут в жены девушек национальности своей матери. Характерна в этом отношении семья казаха Тусупбая Жаксалыкова и немки Анны Конради из пос. Кенес Павлодарской обл., три сына которых женились на немках. Такие же случаи встречались нам и в других поселках.

Раньше, лет 40—50 назад, условием заключения браков немцев с русскими или украинцами (как и между немцами разных конфессий) была смена вероисповедания одним из супругов, что обуславливалось религиозностью населения и церковным оформлением брака. Сейчас этого не требуется, так как молодежь в массе нерелигиозна. Браки регистрируются только в сельсовете.

Немецко-русские свадьбы справляются, по словам информаторов, «по-русски», т. е. по общесоветскому сценарию, и включают в себя торжественную регистрацию брака и свадебное застолье в доме жениха или невесты. Так же сейчас проходят и казахско-немецкие свадьбы. Свадебный той для стариков-казахов обычно делают отдельно от остальных гостей — в другом помещении или на другой день. В 1950-х годах (иногда и в настоящее время) казахско-немецкий брак заключался с участием муллы, который переводил невесту, пусть символически, в «истинную» веру²¹.

До 1940—1950-х годов немецкая женщина, как и русская или украинская, попадая в сельскую казахскую семью, должна была полностью принять образ жизни мужа (как это происходит сейчас в сельских районах среднеазиатских республик²²), тем более если супруги жили с родителями мужа. Интерьер их дома был традиционно казахский — с кошамами, низкими столиками и т. п., жена готовила казахские блюда, принимала гостей-казахов с соблюдением традиционных норм, соблюдала традиционный этикет общения с родителями мужа. Мальчикам в таких семьях делали обрезание, детям давали казахские имена.

В быту современных казахско-немецких семей мы находим больше общесоветских черт, элементов стандартизированной культуры, которую местное население называет «русской». Особенно это заметно в интерьере. Там, где живы родители мужа и живут с семьей сына, еще есть комната, усталая кошама, с минимумом мебели. У живущих самостоятельно молодых семей квартиры обставлены по-европейски. Семья обедает за высоким столом, там же дети учат уроки. Низкий круглый столик накрывают, только когда приходят гости-казахи пожилого возраста. Некоторые молодые казахско-немецкие семьи уже не имеют таких низких столиков и принимают гостей (даже стариков-казахов) за высокими столами. Иногда для таких случаев берут низкий стол у соседей-казахов.

Еще более урбанизированным выглядит быт немецко-«европейских» семей. В обстановке их домов, по словам наших информаторов, «ничего немецкого нет». Однако умение вести дом, содержать его в идеальной чистоте и порядке считается у немцев большим достоинством жены.

Национальная специфика в межнациональных семьях в большей степени сохраняется в пище. Помимо этнически нейтральных блюд или

²¹ Интересно, что религиозное оформление брака (с участием муллы) зафиксировано нами несколько раз и только в случаях браков казахов с немками, русскими и т. п. Однонациональные же казахские браки сейчас в этих районах чаще всего заключаются без участия муллы.

²² См., например: *Толстова Л. С.* Национально-смешанные браки у сельского населения Каракалпакской АССР (К вопросу о современных этнических процессах) // СЭ. 1985. № 3. С. 65, 66; *Кочкунов А. С.* Традиции и инновации в современной Киргизской сельской семье // СЭ. 1985. № 5. С. 82, 83.

блюды других народов (борщ, плов, манты) в рационе казахско-немецких семей обязательно присутствуют и немецкие кушанья (куриная лапша «нудль», рулет «штрудель», пирог «кухе»). Все жены в этих семьях умеют готовить бешбармак, необходимый для приема казахских гостей. Так же и в быту немецко-«европейских» семей именно пища еще сохраняет национальный колорит. Как правило, жены в национально-смешанных семьях хорошо осваивают национальную кухню народа, к которому принадлежат их мужья. К примеру, в одной из белорусско-немецких семей пос. Политотдел Алма-Атинской обл. жена-немка помимо русских и немецких готовит белорусские блюда, в частности, драники. В немецко-русских семьях жены-руссские после замужества учатся готовить «штрудель», печь «кухе».

Традиционные национальные праздники и торжества в национально-смешанных семьях поддерживаются обычно старшими родственниками с той и другой стороны. Так, в одну из казахско-немецких семей пос. Кенес Павлодарской обл. на Рождество (25 декабря) приходят пожилые родственницы-немки, и хозяйка печет по этому поводу праздничный пирог «кухе». А на ежегодные поминки по свекру-казаху сюда же приезжает дядя мужа, приходят старики-казахи. Для них обязательно режут барана, куски приготовленного мяса раздают гостям по старшинству их рода. Жена-немка в этой семье знает, на какие части полагается раздывать тушу (хотя этим по традиции занимается муж) и какой кусок какому старику подавать.

Обычай обрезания и праздник сундет-той по этому поводу устраивают практически во всех сельских казахско-немецких семьях. 40—50-летние жены-немки в таких семьях, в отличие от более молодых, обычно знают родоплеменную принадлежность своих мужей²³.

Думается, что некоторая стандартизация быта молодых казахско-немецких семей связана не столько с влиянием немецкой бытовой культуры, привносимой в семью женой-немкой, сколько с проникновением в исследованные нами сельские районы (все они близко расположены к крупным городам) городской бытовой культуры, нивелированием ее этноспецифических черт и т. п. — процессами, общими для многих других районов СССР. Домашний быт, способы проведения досуга молодых этнонациональных казахских, немецких или русских, а также молодых национально-смешанных семей сегодня почти неотличимы друг от друга.

Язык общения в национально-смешанных семьях определяется главным образом этническим и поколенным составом семей. В молодых семьях, как немецко-«европейских», так и немецко-«казиатских», живущих отдельно от родителей, основной язык общения супругов — русский, для детей он в большинстве случаев является родным. В случае, если немецко-«европейская» семья живет вместе с родителями одного из супругов немецкой национальности, то дети обычно знают немецкий, но предпочитают и между собой, и с родителями говорить по-русски. В таких семьях бабушки и дедушки обычно разговаривают с внуками по-немецки, а слышат от них ответ на русском языке. В русско-немецких семьях тесть и теща немцы со своим затем-русским общаются обычно на русском языке; а если в немецко-русской семье живут родители мужа, то жена, как правило, овладевает немецким и разговаривает с одной мужа на их родном языке. Однако сейчас все чаще русские немки в национально-смешанных семьях не знают языка мужа и обычно испытывают трудностей в общении с родней своего супруга, так как русский язык среди немцев этих районов распространен широко.

В языковой сфере казахско-немецких семей наблюдается сходная картина. Дети между собой и родители с детьми говорят здесь главным образом по-русски, хотя нередко дети, общаясь с родственниками со стороны отца и матери, знают и казахский, и немецкий. Как и в немецко-«европейских» семьях, бабушки и дедушки обращаются к внукам на

²³ В настоящее время некоторые молодые казахи не знают родоплеменной принадлежности своих родителей. Естественно, что и жены-немки в молодых казахско-немецких семьях не интересуются этими вопросами.

своим языком и зачастую получают ответ на русском. Если супруги живут отдельно, то жена-немка иногда и не знает казахского языка. В случае же совместного проживания с родителями мужа жена, как правило, разговаривает по-казахски.

Таким образом, для современных национально-смешанных семей немцев Казахстана характерно двуязычие (в некоторых случаях многоязычие). Однако русский язык сегодня является основным языком общения в семье. Он особенно широко распространен среди младших возрастных групп. Это позволяет говорить о том, что межнациональные семьи все больше становятся русскоязычными. Такая тенденция проявила себя лишь в последние годы. По сообщениям наших информаторов, лет 20—30 назад родители разговаривали с детьми на своем языке, причем нередко матери общались с ними на языке отца (некоторые русские жены в немецко-русских семьях говорили с детьми по-немецки, жены-немки в казахско-немецких семьях — по-казахски).

Бытование русского языка в межнациональных семьях обусловлено не только разной национальной принадлежностью супругов, но и тем, что в национально-смешанных районах Казахстана немецко-русское и казахско-русское двуязычие получило самое широкое распространение²⁴. Немецкая и казахская молодежь в многонациональных поселках предпочитает говорить и между собой, и в семье по-русски.

Тенденции развития национально-смешанных семей, степень их интернационализации своеобразно отражаются в именах, которые получают дети в межнациональных семьях. В немецко-«европейских» семьях детям давали имена²⁵: 1950-е годы — Александр, Анатолий, Юрий; 1960-е годы — Валентин, Виктор, Виталий, Владимир, Игорь, Николай, Сергей, Наталья, Ольга, Светлана; 1970-е годы — Александр, Алексей, Андрей, Виктор, Виталий, Вячеслав, Евгений, Николай, Олег, Сергей, Станислав, Алла, Анна, Валентина, Вера, Галина, Елена, Инна, Ирина, Лариса, Наталья, Оксана, Светлана, Тамара, Татьяна; 1980-е годы — Александр, Виктор, Дмитрий, Иван, Николай, Олег, Сергей, Елена, Людмила, Мария, Ольга, Татьяна, Элла.

Дети в казахско-немецких семьях получали имена: 1950-е годы — Жолдыбай, Бахит, Ерикпай, Серик, Алтынай; 1960-е годы — Булат, Султангазы, Лязат, Рима; 1970-е годы — Амангельды, Берик, Георгий, Руслан, Рустам, Гульмира, Кумускан, Роза, Сагадат, Юлия; 1980-е годы — Арман, Роберт, Рустам, Тимур, Анна.

Как и следовало ожидать, дети от браков немцев с «европейцами» получали имена, наиболее распространенные у русских. Это тем более естественно, что в чисто немецких семьях дают такие же имена. Немецкие имена (Август, Вильгельм, Герард, Иоганн, Карл, Корнель, Отто, Франц, Христиан, Альвина, Ида, Клара, Эмма, Эрн) встречаются, как правило, только у людей старшего и среднего возраста.

Дети в казахско-немецких семьях получали в 1950—1970-е годы преимущественно казахские имена. В последнее время в таких семьях помимо казахских стали давать имена, не относящиеся к национальности ни отца, ни матери (Роберт), имена не казахские, но имеющие восточную окраску (Тимур, Рустам) и даже русские (Анна).

Особый интерес для изучения общего направления этнических процессов у немцев Казахстана представляет вопрос об этнической принадлежности детей в национально-смешанных семьях. В ходе нашей работы с похозяйственными книгами мы фиксировали национальность детей в смешанных семьях: в Рождественском и Кенесском сельсоветах Пав-

²⁴ По переписи 1979 г., 58,3% немцев и 50,6% казахов свободно владели русским языком. Считали его родным 35,3% немцев и 1,4% казахов. Численность и состав населения СССР. С. 116, 117. Переход значительной части немцев на русский язык во многом объясняется отсутствием классов с преподаванием всех предметов на немецком языке. Лишь в некоторых из населенных пунктов немецкий язык в школе преподают как родной по расширенной программе.

²⁵ Мы приводим сведения об именах, взятых из похозяйственных книг обследованных сельсоветов (около 1/3 их общего количества). Они не полны, так как данные 1950—1960-х годов рождения зачастую уже не живут с родителями.

Национальность детей в смешанных семьях (по данным похозяйственных книг на 1986 г.)

Супружеские пары	Всего зафиксировано семей с детьми	Из них дети получили национальность				
		отца	матери	и отца и матери	без национальности	прочие варианты
Немец — русская	147	93	28	4	22	—
Немец — женщина, представительница восточно-европейских народов (кроме русской)	40	31	6	—	2	1
Русский — немка	123	96	8	3	16	—
Мужчина, представитель восточноевропейских народов (кроме русского) — немка	59	40	3	2	12	2
Казах — немка	8	7	1	—	—	—
Мужчина, представитель «азиатских» народов (кроме казахского) — немка	6	4	2	—	—	—

Павлодарской обл. по всем книгам, в Умтыльском сельсовете Алма-Атинской и Ванновском сельсовете Чимкентской областей — выборочно, примерно в половине похозяйственных книг.

Очевидно, что доверять данным похозяйственных книг в таком сложном и деликатном вопросе, как этническое самоопределение, можно лишь со многими оговорками. Национальность детей записывают в них по слову родителей, и оставляют ли дети за собой данную им родителями национальность при получении паспорта — неизвестно. Таким образом, сведения похозяйственных книг больше свидетельствуют о некоторых сторонах этнического самосознания родителей, чем об этнической самоидентификации детей. Однако думается, что эти данные все же отражают реальную картину: по наблюдениям работников сельсоветов, при получении паспорта подавляющее большинство подростков выбирают себе ту же национальность, что записана в книгах. Но и национальность, записанная в паспорте, не всегда совпадает с этническим самосознанием человека. Нам встречались люди, немцы по паспорту, но считающие себя русскими или украинцами, и наоборот (табл. 4).

Как следует из приведенных в табл. 4 данных, в большинстве национально-смешанных семей у немцев определяют национальность детей по отцу. По-видимому, не последнюю роль в этом в казахско-немецких семьях играет обряд обрезания, практикуемый почти во всех из них. В настоящее время в сознании казахского населения этот обряд в значительной мере превратился в символ этнической принадлежности, что способствует четкой этнической самоидентификации детей от казахско-немецких браков и определяет мнение окружающего населения по этому вопросу.

В немецко-«европейских» семьях также большинство родителей записывает детей по отцу, но существуют случаи записи национальности по матери. Есть семьи, в которых одних детей записывают по отцу, а других — по национальности матери или вообще не фиксируют национальность. Можно заметить, что в немецко-русских («европейских») семьях чаще определяют детям национальность «русский» (или другую), чем в русско («европейско») — немецких семьях национальность «немец». (Из 369 зафиксированных нами случаев таких супружеских пар с детьми национальность «немец» дали в 135 семьях — 36,6%). Эти цифры свидетельствуют о происходящей через национально-смешанные браки естественной ассимиляции немцев в данных районах Казахстана, интенсивность которой, однако, невелика²⁶.

Мы располагаем сведениями о национальности детей в смешанных семьях в 1960-е годы по двум сельсоветам Павлодарской обл., позволя-

²⁶ Как и в целом у немцев СССР. См. Филимонова Т. Д. Указ. раб. С. 110.

ющими наметить направление этого процесса. Четверть века назад немцы в большинстве случаев при любых сочетаниях национальностей в смешанных семьях предпочитали давать детям не свою национальность, а национальность супруга. Очевидно, такой выбор в какой-то степени связан с воспоминаниями у самих немцев и окружающего их населения о Великой Отечественной войне, об истории немецкого населения СССР в 1940-х годах. Это приводило к несоответствию реального этнического самосознания некоторой части немцев с национальностью, записанной в паспорте. В современной политической ситуации в следующих поколениях происходит возвращение к национальности, адекватной этническому самосознанию. В конце 1970-х годов в Казахстане дети в немецко-казахских, казахско-немецких, немецко-украинских, украинско-немецких и русско-немецких семьях с одной супружеской парой в несколько раз чаще получали национальность отца, чем матери. Но в семьях «немец — русская» это соотношение было в пользу национальности матери. Судя по материалам, собранным нашей экспедицией, в 1980-е годы число детей от браков немцев с представителями других национальностей, записанных «немцами», возрастает. Вероятно, это результат не только снятия некоторых ограничений, связанных с режимом военного времени, которые оказывали влияние на психологию немецкого населения, но и идущих этнических процессов: усиления этнического самосознания немцев, обозначающейся тенденции к консолидации. Эти процессы должны, вероятно, несколько замедлить рост числа межнациональных браков у немцев.

С другой стороны, продолжаются процессы интеграции культур народов, проживающих в республике, интернационализации их образа жизни, преодоление религиозных и этнических предрассудков как у немцев, так и у окружающих их народов — процессы, которые способствуют росту национально-смешанной брачности среди немецкого населения. В дальнейшем динамика межнациональных браков у немцев будет определяться главным образом этими двумя, в некотором смысле противоположными, тенденциями.

Е. А. Глинский

О ТЕХНИКЕ СТРЕЛЬБЫ ИЗ ЛУКА

У НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ

При исследовании материальной культуры прошлого у народов Северной Сибири традиционным объектом изучения являются ручной лук и стрелы. Литература, посвященная этой теме, довольно обширна. В основном изучается конструкция древков луков или форма наконечников стрел с целью выявить их специфические особенности. Это позволяет решить многие задачи и в первую очередь связать те или иные модели с определенными этносами, т. е. рассматривать их как этномаркирующие. Но ручной лук и стрелы — сложное историко-культурное явление. При пользовании луком не меньшее значение, чем его конструкция и форма наконечников стрел, имеет техника стрельбы. В исторической литературе она сравнительно мало исследована, получив более широкое освещение в спортивных изданиях в соответствии с современными требованиями спортивной стрельбы из лука. Выделены ее следующие основные компоненты: способ надевания тетивы на древко, поза стрелка (в том числе положение корпуса, ног и головы), положение рук на древке (хват) и тетиве (захват), способы прицеливания¹. Все эти особенности влияли в первую очередь на эффективность стрельбы.

¹ Берковский Р., Юрчик С. Поет тетива. М., 1960. С. 10—15; Сборник информационно-методических материалов в помощь тренеру по стрельбе из лука. М., 1976. Вып. 3. С. 1—6; Резников В., Петросян Г. Тактическая подготовка стрелка из лука. Разноцветные мишени. М., 1981. С. 40—45; Попов В., Верховский Д. Ошибки в технике начинающих стрелков из лука исправляет рука тренера//Там же. С. 45—50; Петросян Г. Н., Резников В. Г. О положении лука при прицеливании//Разноцветные мишени. М., 1983. С. 29—32.

В данной работе мы остановимся только на анализе некоторых аспектов техники: эффективности стрельбы, а также теснейшим образом связанными с хватом и захватом защитными приспособлениями лучника по этнографическим данным у народов Северо-Востока Сибири.

Конечный результат стрельбы из любого оружия, в том числе и лука, — эффективность. Надо отметить, что данных об этом мало. В казачьей сказке, датированной 1741 г., сказано: «...чукчи ружья у себя имеют: луки костяные..., а из луков хотя и стреляют, токмо неискусно, да и стрелы плохи...»². Участники Северо-Восточной географической экспедиции Г. А. Сарычев и доктор Мерк тоже говорили о малой эффективности стрельбы. Так, Г. А. Сарычев писал: «Сие место изобиловало оленями, и потому многие чукчи ездили на охоту... Но при всем том убили только одного оленя. По сему можно судить об искусстве стрельбы (из лука. — Е. Г.) чукчей»³. Карл Генрих Мерк указывал: «Что касается стрел и лука, то они у чукчей всегда при себе, но ловкостью попадания они не обладают...»⁴. Ф. П. Врангель немного позже отмечал: «Чукчи вооружаются луками и стрелами, но не очень ловко ими владеют»⁵. Как видно, все перечисленные авторы сходились в одном: чукчи «не очень ловко» владели техникой стрельбы из ручного лука. Эти факты как бы входят в противоречие с данными о том, что, например, у чукчей еще в конце XIX в. широко проводились соревнования по стрельбе из лука⁶. К сожалению, точные правила (расстояние до цели, скорострельность, пробивная сила и т. д.) таких соревнований неизвестны. Кроме того, судя по данным о соревнованиях у других народов Северной Сибири, они, с точки зрения современного спортсмена-лучника, не способствовали совершенствованию владения луком, а носили в основном развлекательный характер⁷. Н. Н. Беретти сообщает, что толчком к интенсивному обучению стрельбе из лука послужили войны между чукчами и коряками⁸. Эти войны, как известно, в основном происходили в XVII—XVIII вв.; мы тоже приводили сообщения наблюдателей, свидетельствующие о неразвитости техники стрельбы в ту эпоху. Возникает вопрос: какова была техника стрельбы до XVII в.? На него ответа пока нет. Все приведенные нами данные характеризуют эффективность стрельбы у чукчей. Но чтобы получить общее представление о ней в рассматриваемом регионе, необходимо выяснить эффективность стрельбы и у других народов тундровой и таежной зон Северной Сибири. Здесь источники также очень скудны. Только А. Миддендорф, побывавший на Таймыре в первой половине XIX в., пишет: «Стрельбу из лука я представлял более успешной. Самоеды, которым приходится довольствоваться только этим оружием, не отличались ни ловкостью прицела, ни далекими и сильными выстрелами... Только один самоед пытался стрелять на лету поморников, которые подлетают очень близко и долго висят на одном месте... Но и он не попал в птицу»⁹.

О неумении бить птицу в лет, возможно, свидетельствует и следующее замечание А. А. Попова: «На махавки им (нганасанам — Е. Г.) требовалось 60 пар гусиных крыльев, которые добыть было непросто, поскольку на махавки годились только крылья не линяющей птицы,

² Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 38.

³ Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. С. 259.

⁴ Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции (1785—1795 гг.). Магадан, 1978. С. 114.

⁵ Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. 1820—1824 гг. М., 1948. С. 313.

⁶ См., например: Богораз В. Г. Очерки материального быта оленных чукчей, составленные на основании коллекций Н. Л. Гондатти // Сб. Музея антропологии и этнографии. СПб., 1910. Т. II. С. 28; Вдовин И. С. Из истории общественного строя чукчей // Уч. зап. ЛГУ. 1950. № 115. С. 97.

⁷ Оценка была произведена мастером спорта международного класса по стрельбе из лука С. Д. Ялышевым.

⁸ Беретти Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929. С. 6.

⁹ Миддендорф А. Путешествие на севере и востоке Сибири. Ч. II. Север и Восток Сибири в естественноисторическом отношении. СПб., 1869. С. 600.

добываемой луками и ружьями, поэтому махавки изготавливались в течение нескольких лет»¹⁰.

По-видимому, не отличались особой меткостью стрельбы и таежные народы. Гр. Дмитриев-Садовников пишет о ваховских осятках (хан-тах): «...бить птицу (из ручного лука. — Е. Г.) на дальнем расстоянии... или в лет они не могут»¹¹.

Все приведенные свидетельства говорят о том, что стрельба из лука и в более поздний период была не очень эффективна. Далее следует остановиться на вопросе о том, на какое расстояние могла пролететь стрела, сохраняя свою убийную силу. В литературе принято считать что из сложного лука (а именно такой конструкции, как правило, были луки в этом регионе) прицельную стрельбу вели на расстояние от 80 до 250 м¹². Данные о том, на какое расстояние могли стрелять народы Северо-Востока Сибири (как и всей Северной Сибири), также немногочисленны. Чукчи стреляли из ручного лука на расстояние 20–25 шагов по мелкой птице тупыми стрелами, а по «крупной» мишени — на расстояние 30 м¹³. По замечанию А. Миддендорфа, аборигены Таймыра при охоте на дикого оленя подъезжали к животному на расстоянии 30 и 40 шагов¹⁴. Но даже на таком расстоянии стрела, пущенная из ручного лука, обладала малой убийной силой. Например, А. Миддендорф провел следующий эксперимент. Он ранил из ружья оленя и предложил сопровождавшим его аборигенам добить животное из лука: «...одиннадцать стрел поразили бедное животное, прежде чем оно пало. Самоеды постоянно рассказывали... о северных оленях, которые были ранены и все-таки уходили. Это мне напомнило убитого спутниками Врангеля медведя, в котором сидело три стрелы от прежнего преследователя»¹⁵. И далее он прямо пишет о том, что, по его наблюдениям, действие стрел было неудовлетворительным¹⁶. Г. Н. Грачева отмечает: «Несмотря на универсальное использование луков, старались охотиться таким образом, чтобы оленя можно было достать копьем»¹⁷. Это «неудовлетворительное» действие стрел заставляет еще раз обратиться к вопросу о том, насколько широко применялся лук в качестве охотничьего оружия. Данных для выяснения мало, но М. А. Сергеев, в частности, указывал: «Менее других (народностей Севера. — Е. Г.) пользовались им (ручным луком. — Е. Г.) чукчи, у которых наземная охота была развита очень слабо и сводилась главным образом к добыче песца, происходившей без лука»¹⁸. Как видно из приведенной цитаты, значение лука у чукчей было невелико. Мы не будем останавливаться на различных орудиях и способах охоты у тундровых народов, отметим только, что наиболее эффективным способом охоты на северного оленя были «поколки», которые осуществлялись во время переправ диких оленей через реки. Орудием охоты в этом случае служили копья. Необходимо также рассмотреть, насколько часто ручной лук как охотничье орудие использовался таежными народами. Материалов для того, чтобы ответить на этот вопрос, почти нет; только М. Б. Шатилов пишет, что в таежной зоне Западной Сибири «ручным луком промышляют исключительно на мелкого

¹⁰ Попов А. А. Орудия охоты у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Рукописный архив Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Ф. 14. Оп. 4. Ед. хр. 4. С. 247.

¹¹ Дмитриев-Садовников Гр. Лук ваховских осятков и охота с ним // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915. Вып. XXIV. С. 13–14.

¹² Ср. Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953. С. 49; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. М., 1966. С. 30–32.

¹³ Норденшельд А. Е. Плавание на «Вега». Л., 1936. Т. 2. С. 240.

¹⁴ Миддендорф А. Указ. раб. С. 600.

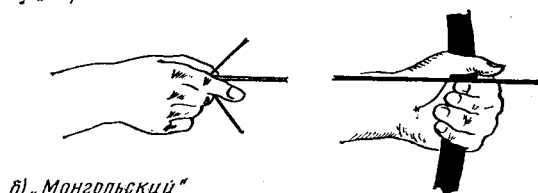
¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 601.

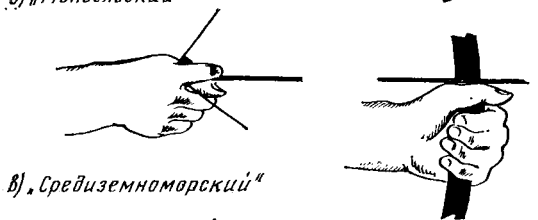
¹⁷ Грачева Г. Н. Некоторые черты хозяйственной деятельности народностей Севера Средней Сибири в прошлом и настоящем // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 99.

¹⁸ Врангель В. П. Указ. раб. Комментарий М. А. Сергеева на с. 437.

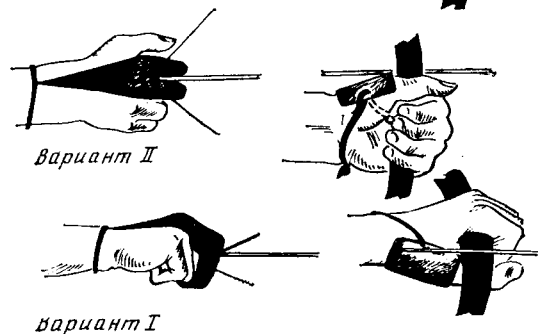
Способы захвата тетивы
а) «Первобытный» способ

б) «Монгольский»

в) «Средиземноморский»

вариант I

Рис. 1. Способы захвата тетивы

зверя... на крупного же зверя, а иногда на лисицу, выдру употребляется сторожевой лук.... На птицу употребляют главным образом ловушки»¹⁹.

Возможно, ручной лук относительно мало использовался и охотниками-якутами. Об этом свидетельствуют некоторые особенности культа «хозяина леса»²⁰.

Параллели между развитием лучного дела у народов различных регионов Сибири, в том числе Северо-Востока, наблюдаются и в отдельных аспектах техники (способах) стрельбы — захвате.

На сходство техники стрельбы из лука у различных народов земного шара, включая Сибирь, ученые обратили внимание еще в конце XIX в. Один из первых исследователей этой проблемы Д. Н. Анучин вслед за американцем Е. Морзом выделял три основных способа положения руки со стрелой на тетиве, назвав их: «первобытный», «монгольский» и «средиземноморский»²¹ (рис. 1). Первый способ применяли народы тропической зоны — «первобытные народы» (по терминологии XIX в.); второй — обитатели степной зоны Евразии, Дальнего Востока, Кореи; третий употреблялся в древности жителями Средиземноморья, а в XIX в. был выявлен Д. Н. Анучиным еще в некоторых районах

¹⁹ Шатилов М. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Тр. Томского краеведческого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 162—163.

²⁰ Глинский Е. А. Култ «хозяина леса» у якутов и пассивная охота // Годичная научная сессия Ин-та этнографии АН СССР. Краткое содержание докладов. Л., 1985. С. 42—43.

²¹ Анучин Д. Н. О древнем луке и стрелах // Тр. V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1887. С. 320—383; см. также: Вейли Карл. Элементы человеческой культуры. М.; Пг., 1923. С. 77—87; Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 116—120. Рис. 82—86, 90—91.

земного шара, в том числе в Северной Сибири. При двух последних способах на руку, державшую древко лука, надевали специальные защитные приспособления.

Позднее точку зрения Д. Н. Анучина поддерживали и развили другие исследователи²². Но как и Д. Н. Анучин, они прежде всего выделяли положение руки на тетиве — захват.

Д. Н. Анучин считал, что «средиземноморский» способ существования только при вертикальной фиксации древка, но по литературным данным известно, что древко иногда фиксировали и горизонтально, сохраняя «средиземноморский» способ захвата. Различие фиксации важно, так как оно ведет к разным способам прицеливания и стрельбе: «прямо наводкой» и «настильной», т. е. должно отражаться на дальности полета и убойной силе стрелы. Но в обоих вариантах, как того и требует данный способ, на одну руку надевали перчатку особой формы, на запястье другой руки — специальный щиток. Перчатка защищала пальцы при натягивании тетивы, а щиток — основание большого пальца руки, держащей древко лука, от обратного удара тетивы.

Перчатки лучников народов Сибири в очень небольшом количестве имеются в коллекциях крупнейших этнографических музеев нашей страны — Музее антропологии и этнографии АН СССР и Государственном музее этнографии народов СССР. Сохранились долганская²³ и чукотские перчатки²⁴ (рис. 2, 3). В коллекционных описях очень четко определено функциональное назначение перчаток. Долганская: «Двуперстная ровдужная перчатка, имеющая вид напалечника. Со стороны ладони напалечник закрывал две фаланги пальцев»²⁵. Она надевалась на правую руку. Отметим, что к долганским перчаткам близка по форме перчатка современного спортсмена — стрелка из лука.

Совершенно иной крой, судя по имеющимся образцам, имели чукотские перчатки. Чукотские лучники при стрельбе в отличие от долганских надевали перчатки на обе руки. В коллекционном описании, составленном Е. Н. Орловой, указано: «Перчатки из оленьей ровдуги, правая имеет пять пальцев и употребляется при стрельбе из лука как защита от ударов тетивы, левая перчатка имеет три пальца»²⁶. Это описание нуждается в некотором пояснении. От обратного удара тетивы обычно страдает рука, держащая древко лука, следовательно, в отличие от долган чукчи осуществляли захват тетивы левой рукой. Помимо замечания Е. Н. Орловой об этом свидетельствует и сама форма левой перчатки, соответствующая «средиземноморскому» способу захвата.

По материалам И. С. Вдовина²⁷, у коряков и чукчей в конце XIX в. такие перчатки уже полностью вышли из употребления в связи с исчезновением лука, но сохранились в качестве атрибута погребального костюма мужчины. Корякское название перчатки для покойного на карагинском и алюторском диалектах — *ырытку-сэмынгылнын* — И. С. Вдовин переводит как «перчатка для стрельбы из лука». Перчатка особой формы — со срезанными на большом и указательном пальце напалечниками — надевалась на руку покойного и у эвенов Магаданской обл.²⁸. К сожалению, неизвестно, на какую руку она надевалась. Трехперстные перчатки были зафиксированы у чукчей В. Г. Богоразом: «При вспарывании груди и живота у трупа ближайший родственник покойного наде-

²²Bogoras W. The Chukchee. I. Material Culture. N. Y., 1904. P. 155; Ухтомский Д. Чукотские стрелы//Ежегодник Русского антропологического общества. 1913. Т. IV. С. 105—106; Врядий В. П. Сибирские музеи и их оружейный отдел. СПб., 1910. С. 6; Попов А. А. Охота и рыболовство у долган//Памяти В. Г. Богораз. Л., 1937. С. 156—157.

²³ Коллекция МАЭ № 4128-344. Собиранитель А. А. Попов.

²⁴ Коллекция ГМЭ № 4856-42, 43. Собиранитель И. Л. Сокольников.

²⁵ См. коллекционную опись МАЭ № 4128-344.

²⁶ См. коллекционную опись ГМЭ № 4856-42, 43.

²⁷ Приношу И. С. Вдовину благодарность за сообщение очень редкой и ценной информации, использованной при работе над настоящей статьей.

²⁸ Попова У. Г. Эвены Магаданской области. М., 1983. С. 131.

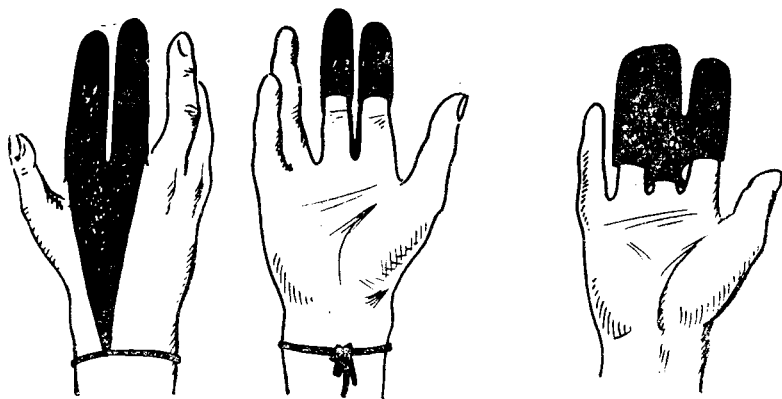

Рис. 2. Долганская перчатка лучника (МАЭ, колл. № 4128-344) и современная спортивная перчатка

Рис. 3. Чукотские перчатки лучников (ГМЭ, колл. № 4856-421_{1,2}; 431₁₋₂)

вает перчатки специальной формы. Эти перчатки имеют три пальца»²⁹. Особая форма перчаток наводит на мысль о том, что здесь применялись перчатки стрелков из лука. Следовательно, они имели и культовое значение.

Резкое различие между формами долганской и чукотской перчаток, возможно, свидетельствует о разных путях их возникновения, несмотря на единый «средиземноморский» способ стрельбы.

На правую руку при «средиземноморском» способе стрельбы надевался специальный щиток. Такие щитки имеются в северосибирских коллекциях МАЭ и ГМЭ, они неоднократно публиковались. Но отметим, что специальных работ, посвященных их изучению, нет, за исключением сильно устаревшей работы С. Вайсенберга³⁰.

²⁹ Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1939. Ч. II. С. 188.

³⁰ Weisenberg S. Ueber die zum mongolischen Bogen gehörigen Spannringe und Schutzplatten. Wien, 1895. S. 50—55.

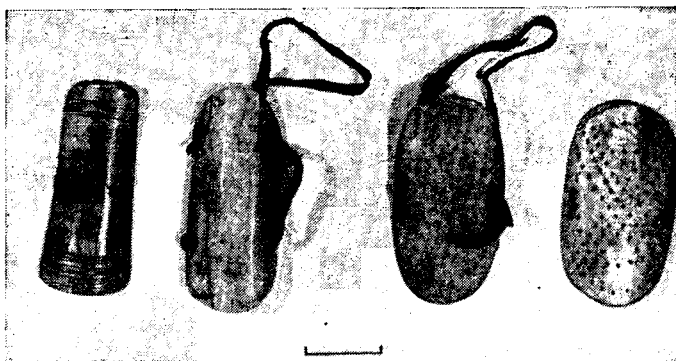

Рис. 4. Наручные щитки (мансийский — ГМЭ, колл. № 1710-70; ненецкий — ГМЭ, колл. № 1712-15; хантыйский — ГМЭ, колл. № 4047-71; эскимосский — из материалов автора статьи)

Рис. 5. Наручный щиток чукчей (ГМЭ, колл. № 4859-51)

В музейных собраниях представлены щитки эскимосов, чукчей, коряков, ненцев, долган, хантов, манси и других народов Севера (рис. 4–5). В основном их можно датировать XIX в. Они изготавливались из самых различных материалов — металла, кости, рога, камня. Размеры щитков колеблются от 10,5 до 7,5 см в длину и от 5 до 3,5 см в ширину.

По своей форме щитки варьируют от каплеобразных у долган до округло-овальных у манси, но в основном они все имеют вытянутую прямоугольную форму. Щитки у долган и манси — крайние варианты такой формы. Щитки крепились на руке с помощью завязок, для которых делались отверстия. Отверстия могли располагаться следующим образом: 1) две пары двойных отверстий по углам щитка; 2) две пары отверстий, расположенных чуть ниже и выше центральной линии щитка; 3) одна пара отверстий (по центральной линии); 4) одно двойное отверстие и одно одиночное отверстие по краям щитка (по центральной линии) (Рис. 6).

Назначение такого количества отверстий для завязок было бы непонятно, если бы на нескольких музейных экспонатах не сохранились ремешки. И здесь наблюдается очень интересная закономерность. У народов Западной Сибири завязка представляет собой петлеобразный ремешок, как бы шнурующий щиток и проходящий от отверстия к отверстию. Такой способ «шнуровки» образовывал две петли — меньшую

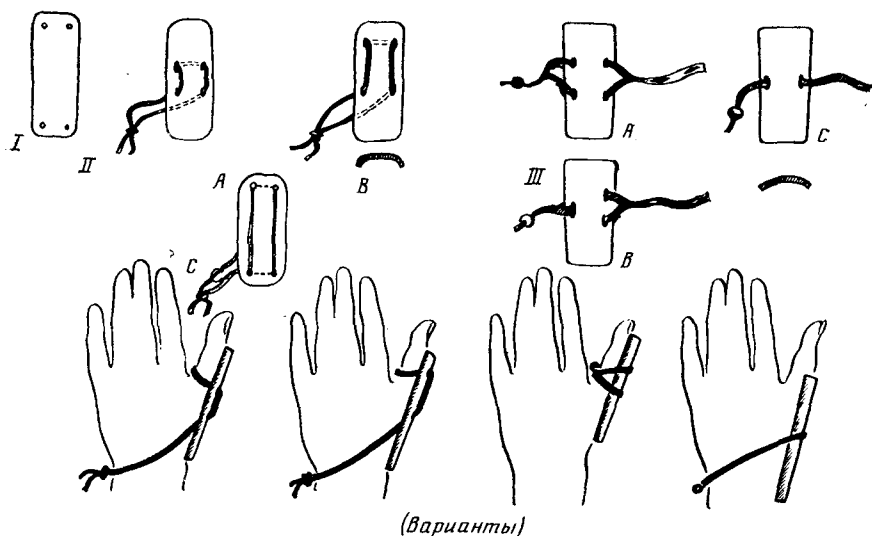

Рис. 6. Типологическая таблица щитков и способов надевания их на руку: I — Западная и Центральная Европа, культура колоколовидных кубков (по Г. Чайлду); II — Западная и Центральная Сибирь; III — крайний Северо-Восток Сибири

большую. Меньшая петля надевалась на большой палец руки, большая — на запястье.

Иначе надевался щиток у народов Северо-Востока Сибири, несмотря на то что система отверстий на щитке была такая же, как и у народов Западной Сибири. У чукчей и коряков к каждому длинному краю щитка крепился отдельный ремешок, один из них был длиннее, другой короче. На первом было прорезано два отверстия, на втором имелась застежка. Наличие двух прорезов на длинном ремешке позволяло регулировать размер диаметра петли. Поэтому были возможны только два варианта крепления щитка на руке: петля большего диаметра обвивала кисть руки, меньшего — основание большого пальца.

II здесь возникает вопрос: почему у народов Северо-Востока Сибири щиток крепился, образуя одну точку опоры? Ведь крепление на основание большого пальца и кисть руки, как у народов Западной Сибири, прочнее. Кроме того, если к каждому краю щитка крепился особый ремешок, то зачем надо было делать в щитке две пары отверстий, разрезать конец ремешка и сшивать его после того, как он был продет сквозь отверстие? К тому же, наряду со щитками с двумя парами отверстий у народов Северо-Восточной Сибири бытовали и щитки с одной парой отверстий. В последнем варианте система крепления с индивидуальными ремешками более рациональна. При этом отметим, что на территории Западной Сибири щитки с одной парой отверстий не встречаются.

Единственно возможное объяснение мы видим только в предположении о заимствовании щитков народами Северо-Восточной Сибири у обитателей Западной Сибири. И, заимствовав щиток, сохранив его форму, жители Северо-Востока Сибири изменили способ завязывания, по-видимому, приспособив его к собственным способам соединения сыромятных ремней.

Очень часто лицевые стороны щитков украшены геометрическим нарезным орнаментом в виде параллельных линий, точек, овалов и т. д. Орнамент подчеркивает форму щитка и фактуру материала. Отметим, что семантика орнамента щитков во всем северосибирском регионе почти не исследована, об этом очень кратко писал только С. В. Иванов³¹.

³¹ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963. С. 175—176. Рис. 104—105.

Семантика орнамента народов Чукотки, хотя и привлекает внимание исследователей, изучена мало³².

Попытаемся проследить историю этих щитков в Северной Сибири. Вероятно, в связи с тем, что большая часть средневековых памятников Северной Сибири еще не изучена, такие щитки здесь пока не наружены, за исключением территории крайнего Северо-Востока Сибири и Аляски, где археологические раскопки ведутся планомерно. Они датируются первыми веками II тыс. н. э. Нет данных, позволяющих «удрежать» эту дату для всей Северной Азии, хотя такие попытки были. Так, А. А. Гаврилова опубликовала найденный предмет из могильника Кудырге (VI—VIII вв., Алтай), который она приняла за щиток, но А. Н. Семенов убедительно доказал, что это часть ножен³³.

Отметим, что подобные щитки известны и в Европе начиная с эпохи бронзы. Они обнаружены в так называемой культуре колоколовидных кубков, распространенной в эпоху ранней бронзы на территории Центральной Европы и Западного Средиземноморья. Тогда щитки изготавливались из камня; отверстия для ремешков размещались по углам.

У народов Западной Европы, прежде всего жителей лесной зоны, такие щитки сохранялись на протяжении тысячелетий и лишь с развитием огнестрельного оружия потеряли свое боевое назначение³⁴, применяясь как элемент экипировки спортсменов-лучников, которые и по сей день употребляют только «средиземноморский» способ стрельбы. Отметим, что в Западной Европе такой щиток закрывал внутреннюю сторону руки чуть выше запястья³⁵. У народов Северной Сибири и Восточной Европы щиток, как уже говорилось, защищал основание большого пальца. Откуда такая разница? Из-за различной постановки рук при стрельбе или из-за того, что руку защищала одежда? Пока неясно, как неясно и само появление и распространение щитков в Северной Сибири и на сопредельных территориях Восточной Европы. А. Ф. Медведев составил сводку подобных находок в Восточной Европе³⁷. В нее не вошел еще один щиток из Саркела — Белой Вежи³⁸ и два из Радонова городища³⁹. Всего найдено 11 щитков, также датируемых концом IX—XIV в.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшое количество щитков, особенно в таких хорошо изученных памятниках, как Новгород. Это наводит на мысль об их чужеродности для местной материальной культуры, их привнесенности в результате торговых, военных и иных контактов.

Как уже говорилось, у северосибирских народов способ стрельбы (захват) относят к так называемому «средиземноморскому». Изобретенный, вероятно, в эпоху бронзы, этот способ со временем распространился по всей лесной зоне Евразии, дойдя до Северо-Востока Сибири. В Северной Сибири он существовал в двух вариантах: «классическом», когда стреляли из вертикально зафиксированного ручного лука, и в другом, вероятно, характерном только для народов Северной Сибири, когда древко ручного лука держали горизонтально. От способа стрельбы

³² См. *Бронштейн М. М.* Типологические варианты древнескандинавского графического орнамента (к проблеме этнокультурной истории Берингоморья в I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.)//Сов. этнография. 1986. № 6. С. 46—58.

³³ *Семенов А. Н.* Восстановление кудыргинских ножен древнетюркского времени. Сб. Гос. Эрмитажа. Л., 1985. № 50. С. 35—38.

³⁴ *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952. С. 302. Рис. 108; *Maigayt А. Л.* Археология Западной Европы. М., 1974. Табл. на с. 98. Рис. 31.

³⁵ *Винклер А. П.* Оружие. СПб., 1894. С. 214—215. Рис. 306.

³⁶ *Sangmeister E.* Zwei Neufunde der Glockenbecherkultur in Baden-Württemberg. Fundberichte aus Baden-Württemberg. Bd. 1. Stuttgart, 1974. Abb. 1. S. 104—105.

³⁷ *Медведев А. Ф.* Указ. раб. С. 25. Рис. 4—5. Табл. 10; *его же.* Оружие Новгорода Великого//Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА). М., 1951. № 65. С. 148. Рис. 11, 1, 2.

³⁸ Коллекция Первобытного отдела Гос. Эрмитажа. Раскопки М. И. Артамонова 1951. Инв. № 51/СП 1365.

³⁹ *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье в X—XIV вв.//МИА. М., 1951. № 22. С. 46—48. Рис. 15, 2.

висели и типы защитных приспособлений, в данном случае щиток и рчатка. К сожалению, материалов, позволяющих исследовать их, очень мало. Отметим, что щиток как на территории Северо-Востока Сибири, так и всей Северной Сибири и Восточной Европы появляется очень поздно, в начале II тыс. н. э. С чем это связано? Ответа на вопрос пока нет. Приведенные данные, как мы считаем, ставят под сомнение точку зрения

Коллинза, согласно которой щитки в это время здесь появляются автономно, вместе с распространением сложного лука⁴⁰. Но Г. Коллинз не мог знать, что именно тогда щитки проникают в Северную Сибирь и восточную Европу. Да и сложный лук на Северо-Востоке Сибири стали применять в более раннее время⁴¹. Вероятно, щиток, а следовательно, способ стрельбы начали распространяться одновременно по Северной Сибири и Восточной Европе в конце I — начале II тыс. н. э. Причины этого явления пока загадочны и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Все перечисленные особенности техники стрельбы из ручного лука не позволяют считать его основным охотничьим оружием на сухопутного зверя не только в Северо-Восточной, но, вероятно, и во всей Северной Сибири.

⁴⁰ Collins H. B. Archaeology of St. Lawrence Island Alaska//Smithsonian Miscellaneous Collections. Washington, 1937. V. 96. № 1. P. 223—224. Точку зрения Г. Коллинза поддерживают и советские исследователи. См., например, Руденко С. К. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л., 1947. С. 81.

⁴¹ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Экваторский могильник). М., 1975. С. 18. Рис. 7; Глинский Е. А. Лук и стрелы народов крайнего Северо-Востока Сибири как историко-культурное явление: Автореф. дис. ... канд. т. наук. Л., 1986. С. 7.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. Г. Краснодембская

СИНГАЛЬСКИЙ ЦАРЬ ПАНДУКАБХАЯ — ПРООБРАЗ КРИШНЫ?

[к вопросу о ранней этнической истории
народов Южной Азии]

Легенда о царе Пандукабхае, как она записана в буддийской палийской хронике «Махавансе», относится к ранней истории сингалов, к тому интересному, однако, темному, даже загадочному периоду, когда их предки (выходцы из Северной Индии и, как принято считать, индоарийского корня) начинали заселять о-ов Ланку.

Пандукабхaya — четвертый царь славного Львиного рода, которому принадлежал Виджая, легендарный прародитель сингалов¹, ныне основного населения Шри-Ланки. До сих пор полагают, что волна миграции связанная с его именем, имела место примерно в середине I тысячелетия до н. э. Первым подлинным фактом, дающим основание для надежных датировок в ранней сингальской истории, является «синхронизм» Ашоки, индийского царя, правившего во второй половине III в. до н. э. и способствовавшего распространению буддизма в разных странах, в том числе и на Ланке. Миссионеры от Ашоки прибыли сюда, по свидетельству ланкийских хроник, в пору правления сингальского царя Тиссы (впоследствии принявшего титул Деванампия — «возлюбленный богами», принадлежавший и самому Ашоке). Имеющаяся в хрониках датировка более раннего периода ланкийской истории относительно паринирваны Будды (483 или 486 г. до н. э.) вызывает большие сомнения. Поэтому, например, ланкийский историк К. М. Де Сильва в своей хронологической таблице ранней истории острова оставляет пробелы в датировке царствований от Виджайи до Мутасивы, отца Деванампии Тиссы, обозначает лишь время правления последнего (250—210 гг. до н. э.) пропуская затем даты шести царствований — от Уттии, младшего брата Деванампии Тиссы, до Эллары. Следующий «датируемый» царь у него — только Дуттхагамани, или Дутугамуну (161—137 гг. до н. э.). Пропуски дат приходится на периоды, наиболее сомнительные исторически, хотя известна их внутренняя, относительная датировка. Она приводится, например, В. Гайгером в его переводе «Махавансы»⁴:

Виджая — 483—445 гг. до н. э.

Межцарствие — 445—444 гг.

Пандувасудева — 444—414 гг.

¹ От *синха* — «лев».

² Об этом свидетельствует индийская история, в частности эпиграфика.

³ Silva K. M. De. A History of Sri Lanka. London; Berkeley; Los Angeles, 1963. P. 565 et al.

⁴ The Mahāvamsa or the Great Chronicle of Ceylon. Translated into English by Wilhelm Geiger. Colombo, 1960 (reprint). P. XXXVI—XXXVII.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. Г. Краснодембская

СИНГАЛЬСКИЙ ЦАРЬ ПАНДУКАБХАЯ- ПРООБРАЗ КРИШНЫ!

[к вопросу о ранней этнической истории
народов Южной Азии]

Легенда о царе Пандукабхая, как она записана в буддийской палийской хронике «Махавансе», относится к ранней истории сингалов, к тому интересному, однако, темному, даже загадочному периоду, когда и предки (выходцы из Северной Индии и, как принято считать, индоарийского корня) начинали заселять о-ов Ланку.

Пандукабхая — четвертый царь славного Львиного рода, которому принадлежал Виджая, легендарный прародитель сингалов¹, ныне основного населения Шри Ланки. До сих пор полагают, что волна миграции связанная с его именем, имела место примерно в середине I тысячелетия до н. э. Первым подлинным фактом, дающим основание для «синхронизма» датировок в ранней сингальской истории, является «синхронизм» Ашоки, индийского царя, правившего во второй половине III в. до н. э. и способствовавшего распространению буддизма в разных странах, в том числе и на Ланке. Миссионеры от Ашоки прибыли сюда, по свидетельству ланкийских хроник, в пору правления сингальского царя Тиссы (впоследствии принявшего титул Деванампия — «возлюбленный богами», принадлежавший и самому Ашоке). Имеющаяся в хрониках датировка более раннего периода ланкийской истории относительно паринирваны Будды (483 или 486 г. до н. э.) вызывает большие сомнения. По этому, например, ланкийский историк К. М. Де Сильва в своей хронологической таблице ранней истории острова оставляет пробелы в датировке царствований от Виджайи до Мугасивы, отца Деванампии Тиссы, обозначает лишь время правления последнего (250—210 гг. до н. э.) пропуская затем даты шести царствований — от Уттии, младшего брата Деванампии Тиссы, до Эллары. Следующий «датируемый» царь у него — только Дуттхагамани, или Дутугамуну (161—137 гг. до н. э.). Пропуски дат приходится на периоды, наиболее сомнительные исторически, хотя известна их внутренняя, относительная датировка. Она приводится, например, В. Гайгером в его переводе «Махавансы»⁴:

Виджая — 483—445 гг. до н. э.

Межцарствие — 445—444 гг.

Пандувасудева — 444—414 гг.

¹ От *синха* — «лев».

² Об этом свидетельствует индийская история, в частности эпиграфика.

³ *Silva K. M. De. A History of Sri Lanka. London; Berkeley; Los Angeles, 1961. P. 565 et al.*

⁴ *The Mahāvamsa or the Great Chronicle of Ceylon. Translated into English by Wilhelm Geiger. Colombo, 1960 (reprint). P. XXXVI—XXXVII.*

Абхая — 414—394 гг.
Межцарствие — 394—377 гг.
Пандукабхая — 377—307 гг.
Мутасива — 307—247 гг.
Деванампия Тисса — 247—207 гг. до н. э.⁵

Ланкийские палийские хроники — это прежде всего «Дипаванса» («Хроника Острова») и «Махаванса» («Великая Хроника»), написание которых, как ныне признано, относится к IV и V вв. н. э. соответственно. Таким образом, они составлены в период, достаточно удаленный по времени от событий начальной истории сигналов, если даже считать их датировки точными. Эти труды, очевидно, опирались на какую-то местную историческую традицию и базировались на сочинениях, не дошедших до нашего времени. Возможно, это были какие-нибудь ранее существовавшие хроники, но также и царские родословные, и «книги добрых деяний», хранившиеся при царских дворах⁶. «Дипаванса» излагает примерно те же события, которые описываются и в «Махавансе», но более сжато, с малыми подробностями. Оба сочинения — сугубо тенденциозные, так как в них описывается не просто история страны или государства, но преимущественно история буддийского учения на острове. И все деяния царей (а смена царствований является как бы канвой всего повествования) трактуются прежде всего с точки зрения их значимости в истории популяризации буддизма. Реально буддийское учение утвердилось на острове, как убеждает материал хроник, лишь в правление Деванампии Тиссы (хотя, возможно, проникновение его на Ланку началось раньше). Таким образом, для всего предшествующего периода сингальской истории «привязка» к буддизму фактически весьма условна. Повествование о судьбе буддизма на острове начинается лишь с главы XI — «Посвящение Деванампии Тиссы». Таким образом, разделы, относящиеся к добуддийской сингальской истории, являются как бы второстепенными в свете общей задачи труда, что допускает большую свободу домысла для автора-буддиста. Вероятно, знания об этом периоде были более скудными и приблизительными, чем о позднейших периодах, связанных с буддизмом, и поэтому более бережно хранимых в буддийской исторической традиции, в памяти буддийских ученых.

При первом знакомстве с текстом (что обычно признается и западными и ланкийскими учеными), очевидно, что период сингальской истории от Виджай до Пандукабхай в изложении упомянутых хроник легендарен. И тем не менее ланкийские хроники — это и едва ли не единственный источник наших знаний о ранней истории Ланки, ее народа, о связях острова с древней Индией, и уникальный памятник своеобразной исторической науки, равного которому нет в регионе Южной Азии. Однако он требует особого подхода, специфического способа прочтения содержащейся в нем информации. В статье и предпринята одна из попыток такого рода.

Мы решили рассмотреть как некое сочинение пять глав «Махавансы» — с VI по X, в которых излагается история сигналов от Виджай до Пандукабхай. Содержащуюся в них цепь фактов представим здесь в несколько сокращенном (и слегка «спрямленном») виде: ...От брака царя Ванги с царевной Калинги родилась дочь, отличавшаяся своенравным характером и пылкостью чувств. По прихоти своих желаний она отправилась в путешествие, присоединившись к каравану купцов. В дороге на караван напал лев, и все разбежались, кроме любившей приключения царевны. Однако лев не причинил ей вреда, а напротив, почувствовал прилив нежности и смиренно подошел к ней. Она безбоязненно дотрону-

⁵ Расхождение с датировкой К. М. Де Сильвы происходит из-за того, что В. Гайер относит начало буддийского летоисчисления к 483 г. до н. э., а ланкийский историк — к 486 г. до н. э.

⁶ Perera F. The Early Buddhist Historiography of Ceylon//Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Georg-August Universität zu Göttingen. Göttingen, 1979. P. 56 et al.

лась до зверя, и острое любовное чувство пронзило его⁷. Тут лев подхитил царевну, посадил себе на спину и умчал в свою пещеру. Так царевна стала женой царя зверей (что, кстати, и было предсказано ей при рождении). От этого брака родились близнецы: дочь и сын, у которого вместо рук и ног были львиные лапы. Когда детям исполнилось шестнадцать лет, они вместе с матерью бежали из пещеры, в которой лев держал их в перти, и направились в Вангу. На границе царства им встретился один из военачальников царя Ванги, приходившийся, как выяснилось, крестным (браки между крестными разрешались) бывшей жене царя лесов. Он был покорен красотой родственницы, увез ее в столицу Ванги и там женился на ней. Тем временем оставшийся в одиночестве лев рыскал по лесам и деревням в поисках пропавших жены и детей и навел ужас на жителей. Сын его, соблазненный большой наградой (три тысячи денежных единиц), решил принять участие в охоте на льва, и тогда царь Ванги (т. е. дед юноши) пообещал ему в случае успеха отдать все царство. Охота увенчалась победой надо львом, но царевич Львиная Рука уступил царство своему дяде, мужу матери (кстати, дед его к этому времени уже умер). Сам же Львиная Рука вернулся в тот лес, где родился, и основал там город Сихапур (Львиный Город) и вокруг, в лесу, на сотни йоджан⁸ — множество деревень: так образовалось царство Лала (Lāla), где он стал править вместе со своей сестрой, женившись на ней. У этой пары родилось шестнадцать пар близнецов, все — сыновья, и старшего из них, ставшего затем наследником трона, звали Виджая (Победоносный), а второго — Сумитта (Добрый Друг).

Однако юный наследник трона любил «пошалить» и своими выходками в компании с 700 приятелями причинял массу беспокойства подданным. Львиная Рука вынужден был изгнать его из своего царства. Виджаю и его товарищей посадили на корабль и пустили к морю. После долгих скитаний друзья прибыли на Ланку. «Царевич Виджая, храбрец, пристал, — сказано в хронике, — к берегу Ланки, в том краю, что называется Тамбапани, в тот день, когда Татхагата⁹ возлежал между двумя подобными близнецам деревьями сала, готовясь перейти в нирвану». Так начинается писанная история сингалов на острове.

На берегу, который обрадовал их безлюдьем и, значит, отсутствием опасностей, Виджая и его спутники встретились с демоницами-яккхини. Первой вышла им навстречу демоница-служанка в облике собаки, увлекла за собой одного из спутников Виджайи (тот подумал, что присутствие собаки говорит о близости деревни) и привела к своей госпоже-демонице Куванне, которая сидела под деревом и пряла, словно благочестивая отшельница. Своим волшебством Куванна заманила всю «свиту» Виджайи, а затем явился и он сам. Между ним и демоницей произошел стычка, закончившаяся миром. После этого Куванна, демонстрируя свою покорность, возвращает Виджае людей, обещает добыть ему царство, разделить с ним ложе. Она снабжает Виджаю и спутников провизией, награбленной у проезжих купцов. На общую трапезу Виджая приглашает и демоницу, протягивая ей, как сказано в хронике, «первый кусок»¹⁰. Весьма польщенная, демоница принимает ради царевича Виджайи облик прелестной шестнадцатилетней (!) девушки, нарядно одетой и украшенной драгоценностями. Демоница исполнила все свои обещания. Виджая отнял с ее помощью у демонов их царство; она родила ему сына и дочь.

Однако позже, стремясь стать «законным» царем нового государства, Виджая принужден был подумать и о «законной» супруге: ею стала ца

⁷ Заметим, что, по понятиям сингалских буддистов, именно женщина несет в себе «заряд» страсти.

⁸ *Йоджана* — древняя индийская мера длины, величина которой колебалась между 7 и 20 км.

⁹ *Татхагата* — «Нашедший Путь» — одно из определений Будды.

¹⁰ Заметим, что совместная еда мужчины и женщины у сингалов в определенном контексте символизирует интимную связь.

жена из Мадур (Южная Индия), дочь царя Панду (1). Она же привезла с собой и подруг в жены товарищам Виджай.

Рассказ о судьбе Куванны и ее детей мы в данном случае опускаем. Отметим лишь, что, женившись на царевне из Мадур, Виджая забыл проказы юности и правил «благочинно и благополучно» всей Ланкой из своей столицы Тамбапанни в течение тридцати восьми лет. Так заканчивается глава VII.

Когда Виджая был уже при смерти, а наследника-сына у него не было, он послал за своим братом Сумиттой, чтобы передать ему власть. Сумитта тогда правил Сихапуруй, унаследовав престол своего отца — Львиной Руки, и имел трех сыновей (супругой его была царевна из Мадды-Мадры, что соотносится с современным Мадрасом). Сам Сумитта, будучи старым, на зов брата откликнуться не мог, а отправил к нему младшего сына Пандувасудеву, который и поехал на Ланку с 32 сыновьями министров отца.

Все они прибывают на Ланку (причем в облике странствующих монахов) уже в другом месте — устье реки Махакандары и поселяются не в Тамбапанни, а в городе Упатиссагаме, который впоследствии становится столицей царства (т. е. Ланки) ¹¹. В жены Пандувасудева получил дочь царя Панду (опять!) с берегов Ганга, по имени Бхаддакаччана, из рода Шакьев (того самого рода, к которому принадлежал и Будда и которому вскоре предстояло погибнуть в войне с царем Косалы Видудабхой). У Бхаддакаччаны было семь старших братьев. Волей судьбы царевна и 32 ее подружки (все одетые, как монахини) также прибыли кораблем на Ланку, причалив в порту Гонагамака, и вскоре попали в Упатиссагаму. Сыграли сразу 33 свадьбы. Хроника подчеркивает благородное происхождение невесты и светлый (золотистый) цвет ее кожи. Пандувасудева царствовал 30 лет.

Царица Бхаддакаччана родила десять сыновей (старшего звали Абхая) и одну дочь — Уммадачитту (или Читту).

С дочерью и связан особенно важный для нас сюжет. Когда девочка родилась, сведения в древних текстах брахманы предсказали, что ее сын, стремясь достичь господства, погубит братьев матери. Девочку хотели тут же убить, но этому воспрепятствовал ее старший дядя по имени Абхая. Чтобы избежать осуществления предсказания, девочку впоследствии, когда она выросла, заточили в особом домике-столбе ¹², в который можно было войти только через спальню отца-царя. При ней поместили служанку, а снаружи ее охраняло сто солдат.

Хроника сообщает, что вслед за Бхаддакаччаной на Ланку прибыли и поселились там несколько ее братьев. Сын одного из них, прослышав о красоте Уммадачитты, вознамерился ее увидеть. Юная царевна из своего окна тоже увидела Гамани (или Дигхагамани, как звали юношу) и заинтересовалась им. С помощью служанки-охранницы состоялось свидание молодых людей, и в дальнейшем он продолжал навещать ее по ночам. Царевна понесла, и когда это открылось родителям, когда выяснилось, что виновник тому Гамани (сын ее дяди по материи), было решено их поженить, так как это не противоречило обычаям. Договорились, что если родится мальчик, известить его. А чтобы никто этому не помешал, заранее уничтожили двух «неблагонадежных» слуг Гамани — пастуха Читту и раба Калавелу, которые после смерти превратились в яккхов и стали опекунами (хранителями) дитяти царевны, когда он был еще в утробе матери.

Уммадачитта к моменту родов предусмотрительно залучила во дворец другую женщину, которая тоже должна была вот-вот родить и, действительно, одновременно с царевной, принесшей сына, произвела на свет дочь. Детей поменяли, братья царевны, узнав, что она родила

¹¹ Вероятно, в этих сюжетных повторах можно увидеть свидетельство многократных, разновременных и различных по направлению миграций предков сингалов из Индии. Ср. также далее историю Бхаддакаччаны.

¹² И в современной обрядовой практике у сингалов девушка, достигшая половой зрелости, на время изолируется от окружающих.

дочь, успокоились. Мальчику же мать и бабушка дали имя Пандукаб¹хая — в честь деда Пандувасудевы и дяди Абхаи. Хроника сообщает, что когда Пандукабхая родился, дед его как раз умер, а на трон выбрали именно этого дядю (и он правил 20 лет).

Истории жизни Пандукабхаи посвящена X глава — «Махавансы». Едва он родился, служанка положила его в корзину и пошла в деревню Дварамандалаку. По дороге ей встретились братья царевны, что охотились в лесу Тумбара, и поинтересовались, что и куда она несет. Служанка ответила, что это печенье для ее дочери, которая живет в Дварамандалаке. Яккхи Читта и Калавела отвлекли их внимание и тем спасли младенца. Его благополучно поместили в семью пастухов, где только что родился мальчик, и глава семьи объявил, что его жена родила двойню.

Позже, однако, дядя мальчика разведали, что он жив-здоров, и пытались его погубить. Первый раз это было, когда мальчику исполнилось семь лет: он купался в пруду с товарищами, и всех их попытались утопить. Один Пандукабхая спасся, спрятавшись в дупле дерева, вход в которое был под водой. Когда ему уже было двенадцать лет, дядя второй раз задумали уничтожить его вместе с пастухами. Но так вышло, что место Пандукабхаи случайно занял его «брат-близнец», сын его приемного отца, и Пандукабхая опять избежал гибели.

Когда ему было шестнадцать лет¹³ и дядя вновь узнали, что он здоровствует и еще раз решили его уничтожить, мать прислала ему слугу и денег и просила приемного отца отослать мальчика в какое-нибудь безопасное место.

Мальчика отправили на юг в обучение к богатому и ученому брахману по имени Пандула, жившему в деревне Пандулагамака. Принятый с почетом (мудрый брахман предвидел его славную судьбу), Пандукабхая очень быстро обучился всем наукам и, получив на дорогу советы брахмана и обзаведясь с его помощью войском¹⁴, отправился в путь. В хронике не говорится о цели его путешествия, однако из общего смысла истории о Пандукабхае можно понять, что это путь к царскому престолу. И довольно долгий, включивший в себя немало событий и происшествий. В частности, на этом пути Пандукабхая встречает и свою невесту Суваннапали (как «положено», дочь его дяди по матери), от прикосновения которой листья деревьев превращались в золото. Путешествие его имело и несколько «сидений», иногда по несколько лет (2, 4, 7) на одном месте (преимущественно близ гор или на горах, таких, как Каса Дола, Дхумараккха, Ариттха). Эти «сидения» чередовались с долгими и упорными сражениями Пандукабхаи с дядями (братьями матери), которые постоянно стремились его уничтожить. Один лишь Абхая — старший дядя — был более снисходителен к племяннику и готов был пойти на соглашение с ним, за что навлек на себя гнев своих девяти братьев и лишился трона. В последней, решающей, битве Пандукабхая одержал победу над своими противниками. Восемь его дядей погибли в этой битве, пощадил он лишь отца своей жены Гирикандасиву и старшего дядю Абхаю.

После победы Пандукабхая не отправился, однако, как логично было бы предположить, в Упатиссагаму, а поселился у своего дяди

¹³ Многие детали последних эпизодов красноречивы по этнографической информации. Обратим внимание, что упоминание возраста, в котором герой подвергается особым гонениям (7, 12, 16 лет), может означать обрядную этапность в социализации индивида в обществе сингальских предков. Характерна и гибель «брата-близнеца» Пандукабхаи, представляющаяся нам намеком на древнюю близнецную мифологию. Не имея возможности рассмотреть здесь этот сюжет подробно, сошлемся лишь на две работы, в которых содержатся новые интересные наблюдения в связи с ним: *Альбе-диль М. Ф., Мисюгин В. М.* Этноисторическая основа сюжета о трех братьях (по материалам древнеиндийского эпоса) // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 102—111; *Абрамян Л. А., Демирханян А. Р.* Мифологема близнецов и мировое дерево (к выяснению значения одного класса наскальных изображений древней Армении) // Историко-филологический журнал. Ереван, 1985. № 4. (111). С. 66—84.

¹⁴ Как и в джатаках, брахману здесь приписывается функция воина.

деда (брата его бабки Бхаддакаччаны) Анурадхи, уступившего ему, как сказано в хронике, «свое жилище». Тут Пандукабхая и основал свою столицу — Анурадхапуру, названную так в честь созвездия Анурадхи и в память того что здесь жили два Анурадхи (упомянутый дядя-дед Пандукабхай, а ранее — один из спутников Виджайи). Для освящения своей власти над островом он на торжество коронации повелел доставить чхатру («зонт» — символ царской власти), оставшуюся от его дядей. К этому моменту Пандукабхае было уже 37 лет, а период межцарствия (после свергнутого Абхайи) длился 17 лет. Правил Пандукабхая в Анурадхапуре целых семьдесят лет и многое сделал для расширения и благоустройства своей столицы...

Такова история, которую в целом признают достоверной исторической канвой, толкуя лишь самые «экзотические» эпизоды как не совсем адекватное отражение реальной действительности. Так, например, упоминание в рассказе о предках Виджайи деда-льва объясняется бытованием тотемических представлений. Однако, на наш взгляд, легендарны не отдельные эпизоды, а весь изложенный текст, причем, забегая вперед, скажем, что это не означает отрицания его историчности, но дает ей новое качество. И может быть, даже более продуктивное.

Вернемся однако, к истории Пандукабхайи. В целом, несмотря на некоторые своеобразные черты, она вполне укладывается в известный фольклорный сюжет, который был проанализирован В. Я. Проппом в его работе «Эдип в свете фольклора»¹⁵. Хотя сюжет этот «известен в форме сказки, легенды, эпической песни, лирической песни и народной книги», а также «в литературе, имеющей полуфольклорный характер, он известен в форме трагедии, драмы, поэмы, новеллы»¹⁶ (и потому вариации его разнообразны) выделяются несколько важнейших, «опорных» моментов сюжета. Это прежде всего пророчество о рождении ребенка, которому суждено стать убийцей своего кровного родича (отца, дяди), удаление по этой причине родившегося младенца, воспитание его — нередко в семье пастухов и, как правило, среди сверстников, затем уход героя (на своем пути он обычно обретает невесту), и наконец, — исполнение пророчества. Обычно присутствует в том или ином виде мотив кровосмесительного брака.

В целом сюжет этот трактуется В. Я. Проппом как «исконно царский»¹⁷, связанный с вопросом престолонаследия, и сингальский материал подтверждает эту мысль. Причем он, безусловно, отражает ту раннюю стадию общественного развития, когда наследником престола был племянник, сын *сестры* царя, а не его самого, как это получается в собственном «эдиповом» сюжете. При кросскузенном браке, характерном для южного региона Южной Азии, сын ее сестры царя приходится ему одновременно и зятем. Последний способ передачи царской власти жениху дочери подробно исследовался Д. Фрэзером¹⁸, и на этот историко-этнографический анализ сюжета цареубийства также ссылается В. Я. Пропп¹⁹. Оба исследователя вполне обоснованно считают этот способ передачи царской власти более древним, чем от отца — к сыну.

Легенда о Пандукабхае демонстрирует именно эту сюжетную схему: он женится на дочери своего дяди и принимает знак ее родовой царской власти (тот самый «зонтик»). Однако эта же легенда свидетельствует и о другой возможности (она же аналог первой) наследования власти — от дяди-деда.

В то же время история передачи власти Виджайи своему племяннику — сыну брата дает образец более позднего сюжетного хода (и более поздних форм престолонаследия): это уже передача власти от отца к

¹⁵ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 258—102.

¹⁶ Там же. С. 260.

¹⁷ Там же. С. 264.

¹⁸ Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1980. С. 176—181 и др.

¹⁹ Указ. раб. С. 264—265.

сыну, так как сын брата в данной системе родства тождествен собственному сыну и не годится в жены дочери (из-за ортокузенных отношений). Дополнительное доказательство находим в том, что в хронике отмечена «тоска» Виджаи из-за отсутствия собственного сына: (Кстати и тут усложненный ход: Виджая предлагает власть брату, но тот за немощью передает ее своему сыну).

Таким образом, мы обнаруживаем в хронике некоторый «анахронизм», также свидетельствующий в пользу «сочиненности» начальных ее глав.

Рассказ о Пандукабхае в «Махавансе» содержит все важнейшие моменты сюжета, которые мы перечислили выше. Пророчество о том, что он погубит братьев своей матери, звучит при его рождении — оно исходит от ученых брахманов, ведающих будущее. Младенца обменивают (на девочку) и удаляют от матери. Он растет и воспитывается в семье пастухов, о чем, правда, не сказано прямо, но имеются косвенные свидетельства. Так, в описании эпизода вторичного покушения дядьев на жизнь мальчика (когда ему уже 12 лет) встречается фраза: «и тогда приказали они убить всех пастухов» («Мхв», ч. X, с. 13—14)²⁰, т. е., как понятно из контекста, всех мужчин названной деревни. О компании сверстников свидетельствует предыдущий эпизод покушения (на купающихся мальчиков) — когда герою 7 лет. Присутствует, как видно по пересказу легенды, и этап странствий героя (с положенным обретением невесты), и исполнение пророчества. Следует отметить, что мотив кровосмесительного брака в самой легенде о Пандукабхае отсутствует, хотя обнаруживается в ее предыстории (брак Львиной Руки с родной сестрой), что также согласуется с нашим представлением о некоторой творческой (литературной) свободе составителей сингальской хроники, сказавшейся в их определенном композиционном «произволе».

И снова нам помогает историко-этнографическое толкование мотивов рассматриваемого нами сюжета, данное В. Я. Проппом. Справедливость его, как нам кажется, в свою очередь подтверждается и самим сингальским материалом. «Как ни странны эти понятия, — писал в свое время Э. Тэйлор о некоторых представлениях человека древности, — надо помнить, что они возникли естественно по определенному умственному закону»²¹. Как ни странны некоторые фольклорные мотивы, перефразируем мы, они действительно возникли естественно и отражают (добавим вслед за В. Я. Проппом) определенную социальную-историческую и обрядовую реальность. В отсылке ребенка и воспитании его вдали от родителей можно увидеть «следы обряда посвящения»²², в странствиях героя — этап подготовки к браку²³, а шире — переход героя с одной ступени на другую по лестнице половозрастной социальной классификации в соответствии с определенными нормами родовых отношений. Рассмотрение этих мотивов на материале легенды о Пандукабхае дает четкое представление о традициях кросскузенного брака, наследовании власти через женщину, а также локальности брака не по мужской, а по женской линии. Все это — достаточно архаический комплекс мотивов.

Мотив же кровосмесительного брака в целом отражает социальный факт более высокого (или позднего) порядка. Он «представляет собой мыслительное отражение противоречия между двумя формами наследования власти»²⁴, т. е. отражение той эпохи, когда наследование престола через женщину сменяется наследованием от отца к сыну.

В «Махавансе» такая форма наследования прослеживается начиная с главы XI, с сына Пандукабхаи Мутасивы, который правил уж

²⁰ The Mahāvamsa or the Great Chronicle of Ceylon (Transl. into English by W. Geiger. Colombo, 1960 (reprint). P. 69.

²¹ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 69.

²² Пропп В. Я. Указ. раб. С. 274.

²³ Там же. С. 286.

²⁴ Там же. С. 271.

в Анурадхапуре, столице отца (патрилокальность), в течение 60 лет, имел десятерых сыновей и двух дочерей и наследником которого стал его сын, второй по счету, — это и был Деванампия Тисса, начавший эру буддийской государственности сингалов. Так что более архаичные социальные нормы в хронике оказываются как бы в обрамлении более поздних.

Обратим внимание еще на один важный момент: сходство легенды о Пандукабхасе с кришнаитской легендой, как она нам известна в сложившемся культе этого особого направления в индуизме. Так, в соответствии, например, с «Бхагавата-пураной», памятником раннего средневековья²⁵, царевне Деваки предсказано при свадьбе, что ее сын (восьмой по счету) принесет гибель ее брату (правда, двоюродному, как сказали бы мы), царю Матхуры Кансе (который был не обычный царевич, а тайный сын демона). Шестерых сыновей Деваки Канса все же погубил, хотя их рождение ничем ему не грозило. Седьмого спасла великая богиня, перенесла плод в чрево другой жены супруга Деваки. Помогла она и при рождении Кришны: отец его беспрепятственно вынес младенца из запертой темницы, принес в селение пастухов и обменял на родившуюся в ту ночь девочку (правда, не простую пастушку, а дочь повелителя пастухов Нанды, правившего в Гокуле, столице своего пастушьего царства). Несколько раз за годы младенчества, детства и отрочества Кришны Канса пытался погубить опасного племянника, посылая на него то демониц, то демонов в разных обликах. Но Кришна всех их побеждал, да еще совершал многочисленные подвиги, показывая необыкновенные ум, храбрость и силу. Сверхъестественный подвиг — вода ночные хороводы с бесчисленными пастушками (мотив совершенно новый по сравнению с легендой о Пандукабхасе). Кришна практически не расстается со сверстниками-пастухами, а также с седьмым (предыдущим) братом Баладевой (видимо, близнечная модель для этого сюжета уже «устарела»). Наконец, Кришна исполняет и пророчество: он лишает жизни дядю-демона Кансу, еще даже не вступив «в мужской возраст»²⁶ (характерный намек на возрастные переходы). Затем он отдает дань уважения своему дяде-деду (формальному отцу Кансы), возвращая ему престол, прежде узурпированный Кансой; совершив обряд посвящения в «дваждырожденные», отправляется вместе с братом Баладевой на учение к брахману. Потом он путешествует (на дно океана, в страну умерших), возвращается в царство своего двоюродного деда и разделяет с ним власть. Кроме того, он отражает нападение царя Магадхи, возводит неприступную крепость — город Двараку (вспомним градостроительный пыл Пандукабхасы) для защиты от грозных яванов и млеччхов. В конце концов Кришна погубил их царя, разгромил все вражеские рати, перехитрил царя Магадхи и торжествовал победу. И уже после этого он похитил для себя невесту — прекраснейшую из прекрасных женщин Рукмини, царевну Видарбхи, и счастливо зажил со своей любимой супругой в новой столице — Двараке.

В этих легендах много общего. Обращает внимание совпадение семейных имен их главных героев. Кришна является сыном Васудевы (царевича из рода Ядавов), Пандукабхаса же приходится внуком Пандувасудеве. Даже и название деревни Дварамандалака, где укрыт был Пандукабхаса, перекликается с тем, что дано было новой столице Кришны (Дварака). Оба героя являются прославленными «градостроителями». У Кансы вдруг (почти в конце истории) обнаруживаются восемь родных братьев. Главное же — общая сюжетная канва, совпадающая с тем фольклорным сюжетом, о котором уже сказано. Легенда о Кришне также укладывается в «эдипову» схему, только она, безусловно, пред-

²⁵ Мы сознательно опускаем многие детали легенды, чтобы яснее обнажить ее сюжетную основу.

²⁶ Три великих сказания древней Индии. Лит. изложение Темкина Э. Н. и Эрмана В. Г. М., 1978. С. 353.

ставляет более позднее ее воплощение и имеет отличительные акценты в сравнении с легендой о Пандукабхае. Так, оказывается заметно «стерт» мотив кросскузенного брака; появляются перестановки, несколько нарушающие исконную логику сюжета; момент кровосмесительного брака заменен мезальянсом с демоном (подлинный отец Кансы — ракшас, который обольстил царицу Матхуры, приняв облик ее супруга царя Уграсены). Зато расцветаются героические деяния Кришны, подчеркивается его функция божественного любовника, становится в целом более детализированным «жизнеописание» героя и т. д.

На наш взгляд, легенда о Пандукабхае представляет более архаичный вариант легенды о Кришне или, возможно, один из тех источников, которые ее питали. Легенда о Кришне заметно «тяготеет» к западным районам Индии, где кришнаизм и получил особую популярность. На Ланке же он практически не привился, и легенда о Кришне не получила здесь распространения²⁷.

В то же время нельзя не обратить внимания на упорное употребление лексемы «панду», которая встречается в именах Пандувасудеви (по хронике — безусловного выходца из Индии), самого Пандукабхаи, брахмана Пандулы, в названии деревни Пандулагамака и которую индологи склонны «привязывать» к дравидскому югу Индии (ср. пандавов «Махабхараты», дравидскую династию Пандиев, в конце концов и тестя Виджай — царя Панду из Мадур).

Поэтому нам кажется вполне допустимым соединить тот поток миграции из Индии на Ланку, который связан с легендой о Пандукабхае, с западным индийским побережьем, а конкретнее — с тем районом, где уже в давние времена развивался активный процесс взаимного культурного влияния северной и южной индийских культур. В то же время эта легенда имеет, по-видимому, и какие-то глубокие местные корни, что проявляется, в частности, в широком «демоническом контексте», относящемся к истории Пандукабхаи: вспомним хотя бы опекунов-демонов, охранявших его в детстве. И в более поздних эпизодах у него неоднократно завязываются особые, часто дружеские отношения с демонами, он веселится с ними, приглашает их на пиры; даже старания Пандукабхаи по благоустройству столицы сводятся, собственно, к тому, что он строит кварталы для яккхов, лобное место и кладбище (которые традиционно считаются местами обитания демонов). В конце X главы «Махавансы» он прямо именуется другом яккхов и бхутов (последние также представляют собой существа демонического характера). Надо отметить, что вера в демонов до сих пор сильна у сингалов, фактически имеющих развитый демонический культ²⁸; происхождение которого относится, вероятно, к глубокому прошлому Ланки²⁹.

Очевидно, что легенда о Пандукабхае носит весьма архаический характер и тем не менее уже отличается многосоставностью, определенной разнородностью составляющих ее элементов: кроме «царского» сюжета и круга демонических представлений в ней можно обнаружить и некоторые другие сюжеты, мотивы, виды и формы древнейших представлений (например, «близнечный» миф, определенный числовой код социальной структуры — видимо, именно так надо рассматривать цифровые выражения возраста героев, времени правления царей и т. п.³⁰) и их отражения. Архаический характер присущ всей легендарной предыстории сингалов (такое название нам кажется более точным для

²⁷ Существует еще джатака, несколько напоминающая легенду о Кришне, но также представляющая этот сюжет весьма своеобразно и архаично. Она заслуживает специального и отдельного рассмотрения. См. № 454 *Ghata-Jātaka*//*The Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births*/Ed. Cowell E. B. V. IV. Camb., 1901. P. 50—57.

²⁸ См. *Краснодембская Н. Г.* Традиционное мировоззрение сингалов. М., 1982.

²⁹ Вспомним, что царством демонов называют Ланку в «Рамаяне», да и в сингальских хрониках утверждается, что до появления на острове Виджай с его спутниками здесь обитали демоны (трактуй: население, поклонявшееся демонам).

³⁰ К этой мысли приводят нас рассуждения и выводы М. Ф. Альбедиль и В. М. Мисюгина (см. вышеуказ. раб.), сделанные на индийском фольклорном материале.

обозначения преданий, связанных с сингальскими царями вплоть до Деванампий Тиссы), как она изложена в «Махавансе».

Рассмотрение других сюжетов и мотивов, в том числе упомянутых, может стать особой задачей, здесь же для них просто не находится места. Однако и из приведенных примеров (в частности о формах престолонаследия) ясно, что эти сюжеты и мотивы выстроены отнюдь не по «хронологическому» порядку. И история Пандукабхай в общем виде выглядит архаичнее легенды о Виджае.

Таким образом, не приходится говорить о признании этих легенд даже в качестве условной исторической канвы, как и о принятии датировок, приводимых для этого периода. Мы не можем быть убеждены и в том, что «Виджая» существовал раньше «Пандукабхай», так как, по всей вероятности, имеем дело с определенной фольклорной компиляцией. Поэтому только исторический анализ здесь, на наш взгляд, менее продуктивен, чем фольклорно-этнографический. С помощью же последнего, вероятно, удастся и «углубить» время появления на о-ве Ланка предков сингальского народа, и уточнить район их выхода с материка.

Отв. ред. кн.: *Таксами Ч. М.* Нивхи. (Современное хозяйство, культура и быт). Л., 1967. 272 с.

Отв. ред. кн.: *Козырева Р. В.* Древний Сахалин. Л., 1967. 120 с.

Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет Советской власти//СЭ. 1967. № 5. С. 78—91.

Народы Северо-Востока//История Сибири. Т. 1. Л., 1968. С. 411—419.

Формы этнических общностей населения Северо-Востока Сибири и их эволюция (XVIII—XX вв.)//Тез. докл. Годичной научной сессии. 1969 г. Л., 1969. С. 49—52.

О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными//Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 16—24.

К проблеме этногенеза ительменов//СЭ. 1970. № 3. С. 28—37.

К методологии и методике исследования шаманизма у народов Сибири//Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР. Л., 1971. С. 16—19.

Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение//Сборник Музея антропологии и этнографии (далее — Сб. МАЭ). Т. XXVII. Л., 1971. С. 275—299.

Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей//Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 99—113.

Следы алеутско-эскимосской культуры на тихоокеанском побережье Камчатки//Страны и народы Востока. Вып. XIII. М., 1972. С. 41—51.

В сегодня, минуя века. Социально-политический очерк к 50-летию образования СССР//Радуга на снегу. М., 1972. С. 5—40.

Забывший исследователь Камчатки//Краеведческие записки. Вып. IV. Петропавловск-Камчатский, 1973. С. 134—147.

Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. 304 с.

Отв. ред. кн.: *Леонтьев В. В.* Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970) Новосибирск, 1973. 178 с.

Отв. ред. кн.: *Огрызко И. И.* Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — начало XX в.). Л., 1973. 192 с.

Politique législative, économique, sociale et culturelle de l'U.R.S.S. en faveur du développement des esquimaux et des tchouktsches//Des peuples esquimaux. P., 1973. P. 601—622.

Исследование шаманизма народов Сибири и Севера (докл.)//IX МКАЭН (Чикаго). Доклады советской делегации. М., 1973. 20 с.

Зап. и пер. сказок «Куткынныку и нывиты», «Шаманка Кытна», «Ымка» и др.//Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974. С. 416—422; 455—459; 467—488; и др.

Коряки-оленьеводы на Камчатке в XVII—XIX вв.//Краеведческие записки. Вып. V. Петропавловск-Камчатский, 1974. С. 104—121.

Problemes of the Ethnic History of the Peoples of North-Eastern Siberia in Contemporary Focus//The Countries and Peoples of the East. Selected Articles. M., 1974. P. 225—232.

Отв. ред. кн.: *Ляпунова Р. Г.* Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975. 201 с.

Чукотский райревком (1925—1926 годы)//Краеведческие записки. Вып. X. Магадан, 1975. С. 25—32.

Рец. на кн.: «North/Nord». A special issue on the Soviet North. March/April 1973. 48 p. (Un numéro spécial sur le Nord Soviétique. (Mars/Avril 1973))//СЭ. 1975. № 4. С. 173—175.

Исторические особенности формирования общественного разделения труда у народов Северо-Востока Сибири//Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 143—157.

Ительмены и коряки в первые десятилетия XVIII в. (По неопубликованным материалам участника Камчатской экспедиции А. П. Горланова)//Страны и народы Востока. Вып. XVII. Кн. 3. М., 1975. С. 57—66.

Природа и человек в религиозных представлениях чукчей//Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 217—253.

The Study of Shamanism among the Peoples of the Siberia and the North//The Realm of the Extra Human, Agents and Audiences. The Hague — Paris, 1976. P. 261—273.

Исторические типы религиозного синкретизма у народов Сибири и Севера//Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 176—180.

Отв. ред. кн.: *Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. 189 с.

Отв. ред. кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (Вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1976. 334 с.

Этапы развития религиозного синкретизма у народов Сибири и Севера//Краткое содержание докладов Годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1974—1976. Л., 1977. С. 31—33.

Религиозные культы чукчей//Сб. МАЭ. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 117—171.

Отв. ред. кн.: Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1977. 230 с.

Редактирование кн.: Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795. Магадан, 1978. 176 с.

Social Foundations of Ancestor Cult among the Yukagirs, Koryaks and Chukchis//Shamanism in Siberia. Budapest, 1978. V. 405—419.

Отв. ред. кн.: Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979. 228 с. (Автор разделов: Предисловие. С. 3—11; Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков. С. 86—114).

Отв. ред. кн.: *Таксами Ч. М.* Нивхи. (Современное хозяйство, культура и быт). Л., 1967. 272 с.

Отв. ред. кн.: *Козырева Р. В.* Древний Сахалин. Л., 1967. 120 с.

Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет Советской власти//СЭ. 1967. № 5. С. 78—91.

Народы Северо-Востока//История Сибири. Т. 1. Л., 1968. С. 411—419.

Формы этнических общностей населения Северо-Востока Сибири и их эволюция (XVIII—XX вв.)//Тез. докл. Годичной научной сессии. 1969 г. Л., 1969. С. 49—52.

О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными//Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 16—24.

К проблеме этногенеза ительменов//СЭ. 1970. № 3. С. 28—37.

К методологии и методике исследования шаманизма у народов Сибири//Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР. Л., 1971. С. 16—19.

Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение//Сборник Музея антропологии и этнографии (далее — Сб. МАЭ). Т. XXVII. Л., 1971. С. 275—299.

Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей//Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 99—113.

Следы алеутско-эскимосской культуры на тихоокеанском побережье Камчатки//Страны и народы Востока. Вып. XIII. М., 1972. С. 41—51.

В сегодня, минуя века. Социально-политический очерк к 50-летию образования СССР//Радуга на снегу. М., 1972. С. 5—40.

Забутый исследователь Камчатки//Краеведческие записки. Вып. IV. Петропавловск-Камчатский, 1973. С. 134—147.

Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. 304 с.

Отв. ред. кн.: *Леонтьев В. В.* Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970) Новосибирск, 1973. 178 с.

Отв. ред. кн.: *Огрызко И. И.* Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — начало XX в.). Л., 1973. 192 с.

Politique législative, économique, sociale et culturelle de l'U.R.S.S. en faveur du développement: des esquimaux et des tchouktsches//Des peuples esquimaux. P., 1973. P. 601—622.

Исследование шаманизма народов Сибири и Севера (докл.)//IX МКАЭН (Чикаго). Доклады советской делегации. М., 1973. 20 с.

Зап. и пер. сказок «Куткынняку и нынвиты», «Шаманка Кытна», «Ымка» и др.//Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974. С. 416—422; 455—459; 467—488; и др.

Коряки-оленоводы на Камчатке в XVII—XIX вв.//Краеведческие записки. Вып. V. Петропавловск-Камчатский, 1974. С. 104—121.

Problemes of the Ethnic History of the Peoples of North-Eeasterm Siberia in Contemporary Focus//The Countries and Peoples of the East. Selected Articles. M., 1974. P. 225—232.

Отв. ред. кн.: *Ляпунова Р. Г.* Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975. 201 с.

Чукотский райревком (1925—1926 годы)//Краеведческие записки. Вып. X. Магадан, 1975. С. 25—32.

Рец. на кн.: «North/Nord». A special issue on the Soviet North. March/April 1973. 48 p. (Un numéro spécial sur le Nord Soviétique. (Mars/Avril 1973))//СЭ. 1975. № 4. С. 173—175.

Исторические особенности формирования общественного разделения труда у народов Северо-Востока Сибири//Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 143—157.

Ительмены и коряки в первые десятилетия XVIII в. (По неопубликованным материалам участника Камчатской экспедиции А. П. Горланова)//Страны и народы Востока. Вып. XVII. Кн. 3. М., 1975. С. 57—66.

Природа и человек в религиозных представлениях чукчей//Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 217—253.

The Study of Shamanism among the Peoples of the Siberia and the North//The Realm of the Extra Human, Agents and Audiences. The Hague — Paris, 1976. P. 261—273.

Исторические типы религиозного синкретизма у народов Сибири и Севера//Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 176—180.

Отв. ред. кн.: *Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. 189 с.

Отв. ред. кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (Вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1976. 334 с.

Этапы развития религиозного синкретизма у народов Сибири и Севера//Краткое содержание докладов Годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1974—1976. Л., 1977. С. 31—33.

Религиозные культы чукчей//Сб. МАЭ. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 117—171.

Отв. ред. кн.: Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1977. 230 с.

Редактирование кн.: Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795. Магадан, 1978. 176 с.

Social Foundations of Ancestor Cult among the Yukagirs, Koryaks and Chukchis//Shamanism in Siberia. Budapest, 1978. V. 405—419.

Отв. ред. кн.: Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979. 228 с. (Автор разделов: Предисловие. С. 3—11; Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков. С. 86—114).

Русский Дальний Восток в эпоху позднего феодализма и разложения крепостного хозяйства (XVIII — первая половина XIX в.)//История Дальнего Востока СССР. Кн. 4. Гл. III. § 1, 2. Владивосток, 1979. С. 106—117.

Актуальные проблемы этнографии аборигенного населения Сибири и Севера//Этнографические аспекты изучения современности. Л., 1980. С. 16—28.

Фольклор как историко-этнографический источник//Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 3—17.

Чукотские шаманы и их социальные функции//Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (По материалам второй половины XIX — начала XX в.). Л., 1981. С. 178—217.

Отв. ред. кн.: Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л. 1981. 283 с.

Отв. ред. кн.: *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (Первая половина XVIII века). Магадан, 1983. 176 с.

Роль географического фактора в истории народов Сибири (по материалам Северо-Востока)//Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л. 1984. С. 184—198.

Из истории русских на Анадыре//Этнокультурные контакты народов Сибири. Л. 1984. С. 5—13.

Из истории становления социальной организации аборигенов Северо-Востока Сибири//Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск 1985. С. 3—9.

Редактирование кн.: История и культура чукчей. Л., 1987 (совместно с Л. Я. Изащенко, Н. Д. Кирилловой, Н. В. Кочешковым и др.); автор раздела: История и культура чукчей в дооктябрьский период (с. 5—157).

Tâches urgentes de l'ethnographie des populations aborigènes de la Sibérie du Nord/ Ethnologie et anthropogéographie arctiques. Premier dialogue Franco-Sovietique, Lenin grad, 26—28 avril 1982. Editions du Centre national de la recherche scientifique. P., 1986. P. 37—46.

НА III КОНГРЕССЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА ЭТНОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРА ЕВРОПЫ

9—12 апреля 1987 г. в Цюрихе проходил III Конгресс Международного общества этнологии и фольклора Европы (МОЭФЕ). В его работе участвовало более 300 специалистов из большинства европейских стран, а также из США, Бразилии, Нигерии. Делегатами было представлено свыше 160 докладов по широкому кругу проблем этнографии и фольклористики; доклады были распределены по 10 тематическим секциям. Помимо этого для пленарных заседаний были подготовлены также специальные доклады, посвященные некоторым общим вопросам, охватывающим разные аспекты главной темы Конгресса — жизненный цикл в различных его проявлениях и опосредованиях.

Автор предлагаемых вниманию читателя заметок принимал участие в работе Конгресса в составе делегации советских этнографов, возглавлявшейся Ю. В. Бромлеем¹. Но заметки эти — отнюдь не отчет о деятельности Конгресса, а попытка поделиться личными впечатлениями о тех или иных его чертах, которые, как мне кажется, представляют определенный интерес. Естественно, что одному человеку просто физически было не под силу познакомиться с работами всех 10 секций². Поэтому и последующий отбор освещаемых докладов и акценты при их анализе неизбежно окажутся субъективными. Однако некоторые общие моменты, какими были отмечены и те заседания секций, информацию о работе которых мне удалось получить, по-видимому, заслуживают того, чтобы быть отмеченными с самого начала.

Главный из таких моментов — подчеркнутый историзм большинства докладов. У нас достаточно распространено и довольно устойчиво держится представление об историзме, как важнейшем преимуществе советских исследований по сравнению с трудами зарубежных коллег. Причины возникновения такого взгляда — вопрос особый. Однако следует с полной определенностью сказать, что на сей раз многие ученые не только из социалистических, но и из капиталистических стран нам такого преимущества не предоставили. Конечно, среди докладов встречались и вполне описательные — сказывались многими десятилетиями складывавшиеся традиции европейистики; но в целом решительно преобладали исследования с четко выраженной тенденцией к обобщениям и отмеченные строго историческим подходом к анализу материала.

Это особенно проявилось в докладах, представленных на пленарные заседания. И вот три таких доклада, трактующие едва ли не самые общие проблемы изучения жизненного цикла, заслуживают, на мой взгляд, того, чтобы на них задержаться подробнее. Это работы Дж. Гиллisa (США) — «Историк и жизненный цикл»; И. Вебер-Келлерман (ФРГ) — «Жизненный цикл и социальное расслоение»; А. Имхофа (Зап. Берлин) — «Планирование полноценного жизненного пути»³.

¹ В нее входили В. К. Бондарчик, Ю. В. Бромлей, Н. Я. Бромлей, М. Н. Губогло, Р. Я. Денисова, Л. М. Дробичева, М. С. Кашуба, И. С. Кон, В. С. Кондратьев, И. А. Кремлева, Л. Е. Куббель, Н. С. Полищук, П. И. Пучков, Т. В. Таболина, А. Е. Тер-Сарисянц, М. Я. Устинова, К. В. Чистов, О. И. Шкаратан. Советские этнографы представили 18 докладов, выступив с ними на заседаниях 7 секций.

² «Жизненный цикл: различные подходы»; «Социально-экономические основы структурирования жизненного цикла»; «Жизненный цикл и базовые социальные институты»; «Детство, образование, подростковый возраст»; «Рождение и крещение»; «Правовые и исторические аспекты»; «Праздники и обряды»; «Жизненный цикл как индивидуальный процесс»; «Изображение жизненного цикла в вербальной форме»; «Возрастные ступени народной литературы».

³ Gillis E. The Historian and the Life Cycle. Stockholm, s. a.; Weber-Kellerman I. Lebenszyklus und soziale Schichtung. Stockholm, s. a.; Imhof A. E. Planning Full-Size Life Careers. Consequences of the Increase of the Length and Certainty of our Life-Spans over

Доклады трех исследователей в значительной степени перекликаются между собой и главное, что их объединяет — последовательно проводимая идея изменчивости самого жизненного цикла и представлений о нем во времени. Сходны и предлагаемые докладчиками этапы такого изменения. Например, Гиллис выделяет три периода: «ранний» (early modern) — с 1500 по 1850 г. (естественно, речь идет не о точных датах «нового» (modern) — с 1850 по 1950 г.; «современный» (contemporary) — с 50-х годов нашего столетия (Гиллис, 2). Аналогичным образом и Вебер-Келлерман в качестве рубежа смены форм жизненного цикла указывает середину XIX в., опять-таки подчеркивая, что имеются в виду не столько какие-то конкретные датировки, сколько прежде всего радикальное изменение всего социального контекста (Вебер-Келлерман, 3, 5). На существо таких же соображениями руководствуется и Имхоф, положивший в основу своей работы анализ влияния на характер жизненного цикла со стороны демографических и социокультурных изменений за три столетия — с 1680 г. по 80-е годы нашего века (Имхоф, 4).

Общая посылка всех указанных исследований заключена в том, что кажущееся нашему обыденному сознанию естественным, а то и единственно возможным «хронологическое», т. е. следующее биологическому возрасту индивида членение жизненного цикла — явление позднее. Гиллис специально подчеркивает антиисторизм представления о развитии жизненного цикла вдоль хронологической шкалы как неизменном явлении. Эволюцию жизненного цикла и представлений о нем с XVI в. до наших дней следует представлять не в виде прямой дымовой трубы, говорит он, а скорее в виде песочных часов (Гиллис, 2), где период последовательно хронологического подхода соответствует лишь узкой и короткой перемычке между расширяющимися объемами. Важен был, по его определению, «возраст как качество, а не как количество», т. е. то, что в некоторых отечественных этнографических работах обозначается категорией «социальный возраст». По существу такой же точки зрения держится Вебер-Келлерман, подчеркивающая, что до середины XIX в. возраст вообще нормировался более в коллективном, нежели в индивидуальном смысле (Вебер-Келлерман, 5).

Следует сказать, что доклады, о которых идет речь, построены главным образом на фактическом материале Германии (до 1945 г.) и ФРГ, с одной стороны, и США — с другой. Однако теоретические идеи их авторов и выводы, делаемые ими из анализа фактов, позволяют говорить о гораздо более широком значении предлагаемой концепции. Отчасти это показывает, например, и сам Имхоф, сопоставляя движение жизненного цикла в ФРГ и в Японии (Имхоф, 13). Во всяком случае концепция *mutatis mutandis* применима практически ко всем капиталистическим странам Европы.

Все три автора в той или иной степени подчеркивают несинхронный характер изменений в жизненном цикле и представлениях о нем в разных социальных средах и в разные периоды, причем такая несинхронность сохранялась едва ли не до 50-х годов нашего столетия. Жизненный цикл строился различно у социальной верхушки и трудящихся слоев населения, в городе и в деревне. Это особенно четко проявлялось в период, предшествовавший новому этапу его развития, т. е. примерно до первой половины прошлого века. Например, в Англии XVII в. совершеннолетие у знати наступало в 21 год, а у простого народа — в 15 лет (Гиллис, 3), да и вообще важна была не столько дата рождения, сколько порядок рождения детей.

Жизненный цикл членился по-разному и в зависимости от пола ребенка, хотя поначалу дети не различались даже по одежде, как о том свидетельствуют иконографические материалы. Различение детей в них дается разными атрибутами мальчиков и девочек (и почти исключительно у аристократии): характером игрушек, украшений, шарфов (Вебер-Келлерман, 7). И переход на новую ступень жизненного цикла например, в Германии знаменовался у мальчика ритуалом облачения в штаны (*Behsung*, букв. «оштанивание»), что практически делало такую смену одежды важным переходным ритуалом.

У девочек смена ступени обычно бывала связана с заключением брака.

Переход к членению жизненного цикла по критерию биологического возраста происходил в странах Западной Европы и в США через усвоение и институционализацию буржуазной нормы (Вебер-Келлерман, 9), более того, через «реификацию буржуазных мужских социальных ценностей» (Гиллис, 5). Это, кстати, отразилось в том, что жестький жизненный цикл в буржуазных слоях общества по существу не претерпел из-

the Last Three Hundred Years. Stockholm, s. a. Далее ссылки на эти доклады будут даваться в тексте с указанием фамилии автора и страницы.

жений: практически до середины XX в. для женщины из таких слоев течение времени как бы прекращалось после брака, который и здесь выступал в жизненном цикле в качестве важнейшего *rite de passage*. Неполным был переход к новому принципу членения жизненного цикла и у трудящихся классов — использование детского труда в капиталистическом производстве с необходимостью предполагало отступление от возрастного принципа (Гиллис, 6—7).

В качестве ускоряющего фактора при переходе к биологическому возрасту как критерию членения жизненного цикла служило становление нации-государства. Одновременно с этим происходила эволюция и самого представления о возрасте: за три столетия с середины XVII в. осуществился поворот от «общины» (*Gemeinschaft*) к «обществу» (*Gesellschaft*); иначе говоря, центр тяжести в протекании жизненного цикла сместился от коллектива к индивиду-его (Имхоф, 8). Чтобы понять, насколько это было существенно, стоит привести пример фермы Фальтесхоф в Гессене, о которой рассказывает Имхоф. Здесь с XVII по XIX вв. сменилось 16 поколений владельцев; из них 15 носили имя Йоганн, воспроизводя имя основателя фермы. Другими словами, в крестьянской среде докапиталистического периода в разворачивании жизненного цикла по существу исключался личный элемент: каждый последующий выступал не как индивид, а как олицетворение социально-хозяйственной функции хозяина фермы (Имхоф, 9).

И после перехода к хронологизации жизненного цикла вступление на новые его ступени сопровождалось определенными изменениями материальной среды, окружающей индивида. Так, например, в XIX в. одним из главных рубежей цикла стало поступление в школу и последующее передвижение по годам обучения. В Германии, скажем, таким материальным символом для первоклассников служили «школьные сахарные трубочки» (*Shultüten*). Речь в таких случаях нередко шла о самом настоящем «конкурсе родителей», соревновавшихся между собой в том, кто обеспечит своему отпрыску особенно большую и красивую трубочку (Вебер-Келлерман, 17—19). Другими признаками смены ступени жизненного цикла могли служить школьные ранцы, школьные шапочки, покрыв штанов — от длинных сугубо «детских» панталон к кожаным шортам и т. п. Понятно, что все это относилось в первую очередь к буржуазии, к зажиточным слоям городского населения, но не к деревне.

Здесь следует отметить также усиление внимания к прохождению ребенком стадий жизненного цикла по мере приближения к нашему времени. Например, в той же Германии празднование дня рождения ребенка стало практиковаться только после первой мировой войны (Вебер-Келлерман, 22); аналогичное явление наблюдалось в США. В принципе к рубежу 50-х годов нашего столетия большинство стратегий и форм поведения стало очень быстро устаревать (Имхоф, 11). С другой стороны, значительное увеличение ожидаемой продолжительности жизни по сравнению с точкой отсчета во всех трех докладах (XVI—XVII вв.), особенно очевидное в наши дни, позволило более полно планировать жизнь и пользоваться ею, что, со своей стороны, повышает уверенность в успешном осуществлении жизненной карьеры (Имхоф, 17).

«Бунт» против возрастной хронологизации жизненного цикла наступил на Западе после второй мировой войны: в 50-е годы он охватил мужское население США, с 70-х годов — женское и распространился на Западную Европу. К этому добавилось действие такого фактора, как изменение возрастной психологии (прежде всего — отношения к труду), хронологические рамки которого существенно раздвинулись. В США произошло то, что Гиллис обозначает как «исчезновение подростка» именно в силу изменения границ начала трудовой деятельности (Гиллис, 8—9).

В то же время переход к современной форме жизненного цикла на Западе протекает в связи с весьма серьезным воздействием, которое на него оказывают все более частые экономические затруднения. Здесь имеется в виду безработица, которая прерывает однажды начавшийся жизненный цикл, вынуждая индивида «рециклировать» его, т. е. начинать заново (Вебер-Келлерман, 22; Гиллис, 9).

Если в упомянутых трех докладах, сделанных на пленарных заседаниях, этот сюжет играет лишь подчиненную роль, то в Секции 2 («Социально-экономические основы структурирования жизненного цикла») он оказался предметом специального исследования. Речь идет о докладах западногерманских ученых Р.-Э. Морман — «Экономические кризисы как жизненные кризисы. Образцы усвоения и стратегии поведения при переучивании и конкурсе» — и А. Биммера — «Неожиданные фазы жизненного цикла. Пример безработицы». В этих работах, где сближены исследовательские методы этнологии и социологии жизненного пути (в отличие от жизненного цик-

ла, который лишь фиксирует норму), было достаточно убедительно показано искажающее воздействие безразности, в том числе и вызванной научно-техническим прогрессом, на протекание жизненного цикла трудящихся.

Широта постановки проблемы в упоминавшихся выше докладах Дж. Гиллиса И. Вебер-Келлерман и А. Имхофа, в частности, вопрос о нетривиальных категориях этнографических источников, позволяющих проследить историческую эволюцию жизненного цикла и представлений о нем, вызвали оживленную дискуссию. Это относилось в первую очередь к иконографическим материалам и автобиографиям. Первым из них был к тому же посвящен доклад Н.-А. Брингеуса (Швеция) «Картины жизненного цикла», представленный на одном из пленарных заседаний. Здесь шла речь о четырех аспектах изображения: жизненном цикле как выражении тщеславия (vanity motives); «колесе фортуны»; жизненном цикле как цикле возрастном; цивилизации, выраженной в жизненном цикле. При обсуждении форм и путей использования иконографических и автобиографических источников советскими участниками (К. В. Чистов) было обращено особое внимание на необходимость строго учитывать классовый фактор при работе с этими материалами.

Следует, впрочем, сказать, что многие западные коллеги в своих докладах продемонстрировали глубокое понимание классовой стороны процессов жизненного цикла. Более того, результаты их исследований в некоторых случаях подтверждают факт складывания не только самостоятельных обрядовых форм в жизненном цикле трудящихся слоев населения, но и особой культуры рабочего класса. Об этом свидетельствуют доклады М. Сегалан (Франция) — «Брачные обряды в рабочих семьях» и шведской исследовательницы Б. Фрюкман — «Культура рабочего класса — жизнь рабочего класса», состоявшиеся на заседаниях уже упоминавшейся Секции 2.

Существенный интерес составило обсуждение докладов, посвященных этнографии старости, проблемам которой было посвящено специальное заседание Секции 6 («Правовые и исторические аспекты»). Здесь были представлены поровну доклады ученых из стран социалистических и капиталистических: К. де Хоог (Голландия) — «Поклонный подход, модель социальной политики для престарелых», А. Полади-Кова (ВНР) — «Работа старшего поколения в венгерских деревнях сегодня», Э. Сант'Ана де Алмеда Карвинска (Бразилия) — «Третий возраст в Бразилии», Д. Лагасов (НРБ) — «Отдельно живущие старые болгарские крестьяне — жизненная философия и поведенческая культура». Показательна практически полная противоположность самой ориентированности докладов. Если в работах ученых из социалистических стран главным вопросом было создание для престарелых членов общества максимальных благоприятных условий для продолжения полноценной жизни, для активного участия в общественно-полезном труде, то в докладах западных коллег (а также в примыкающем к их работам, но представленном на Секции 2 докладе австрийской исследовательницы Э. Зекера — «Исследование австрийских биографий: о жизни самых старых людей в 1890—1986 гг. Социальная политика и культурный анализ на примере получающих общественную помощь») ведущим мотивом было одиночество престарелых, их заброшенность и беспомощность в современных условиях.

Среди других докладов, посвященных так сказать, традиционным этнографическим сюжетам, особого внимания заслуживает исследование Г. Вельц (ФРГ) «Стадии жизненного цикла в уличной жизни. Исследование деятельности, групп и форм поведения пуэрториканцев и афроамериканцев в Бруклине, Нью-Йорк». Эта работа, построенная на богатом полевом материале, рисует очень убедительную картину возрастной стратификации и распределения видов деятельности среди беднейших слоев населения самого крупного города США. Представлены были в Секциях и такие вопросы, как этнография отдельных профессиональных групп, обрядность и празднества и т. п.

Немалый интерес представили также развернутые в здании Цюрихского университета, где проходили заседания, фотовыставки, посвященные этнографии различных кантонов Швейцарии, а также богатейшая выставка этнографической литературы.

Отличительной чертой Конгресса была предельная доброжелательность в отношениях между коллегами. Именно в этой обстановке можно было должным образом оценить роль проведенного в Суздале в 1982 г. II Конгресса МОЭФЕ: по единодушной оценке зарубежных коллег, этот Конгресс сыграл решающую роль в оживлении деятельности общества, которое до того времени все более погружалось в своего рода спячку.

Советские участники Конгресса представили в Цюрихе доклады, отражающие практически весь спектр этнографических исследований в нашей стране — от физиче

ской антропологии до этносоциологии⁴. Эти доклады неизменно вызывали интерес зарубежных ученых. В целом наши работы вполне соответствовали тем высоким научным стандартам, которыми руководствовались организаторы Конгресса, хотя, не скрою, бывало огорчительно сравнивать уровень технической оснащенности советских и зарубежных этнографов-полеводов.

В Цюрихе были сделаны важные шаги, направленные на сближение МОЭФЕ и журнала «Этнология Эуропа»; достигнуты определенные договоренности о координации работы. На двух заседаниях редколлегии журнала в ее состав были вновь избраны Ю. В. Бромлей и К. В. Чистов. В новый состав Президиума Общества вошли Ю. В. Бромлей и Л. М. Дробижева. Президентом МОЭФЕ избран профессор Р. Квиделанн (Норвегия). Провести следующий Конгресс Общества намечено в Бергене (Норвегия) в 1990 г.

Новому Президиуму предложено рассмотреть и представить членам Общества рабочую тему IV Конгресса. Ему также рекомендовано создать в составе Общества новые Комиссии: по этнографии рабочих; по этнографическим фильмам; по истории этнографии; региональную комиссию по странам бассейна Балтийского моря, а также возобновить деятельность комиссии по этнографическим атласам.

В заключение хотелось бы подчеркнуть безупречную организацию всех сторон деятельности Конгресса и выразить искреннюю признательность его организаторам, в частности — Швейцарскому обществу народоведения и Этнографическому семинару Цюрихского университета.

Л. Е. Куббель

⁴ Доклады советских участников были опубликованы в специальном сборнике [Soviet Papers for SIEF's Third Congress. «The Life Cycle». (Zürich). М., 1987. 180 p.], к которому я и отсылаю читателя.

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ СИМПОЗИУМ «РОЛЬ ЭТНИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ»

С 1 по 3 декабря 1986 г. в Принстоне (США) проходил советско-американский симпозиум на тему «Роль этничности в современных обществах». Он проводился в рамках программы сотрудничества между Академией наук СССР и Американским советом понавательных обществ (Комиссия по гуманитарным и социальным наукам; Подкомиссия по этнографии и антропологии). Организаторами четвертого по счету советско-американского симпозиума по этничности выступили Бюро международных исследований и бменов (IREX, США) и Институт этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Состав делегации советских ученых входили Л. М. Дробижева — председатель, ам. директора Института этнографии АН СССР, заведующие отделами этого института Ю. В. Арутюнян, М. Н. Губогло, В. И. Козлов; В. Б. Евтух (Киев, Ин-т социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР); Р. С. Караетян (Ереван, Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР). С американской стороны в работе симпозиума принимали участие М. Балзер (Ин-т Гарримана по изучению Советского Союза); М. Фишбах (Джорджтаунский ун-т), Дж. Хайем (ун-т м. Дж. Хопкинса); Р. Хованнесян (Калифорнийский ун-т, Лос-Анджелес); С. Лирзон (Калифорнийский ун-т, Беркли); Б. Медисин — директор Центра по изучению коренных жителей — Калгарский ун-т (Канада) С. Минц (ун-т им. Дж. Хопкинса); директор Центра межкультурных исследований по фольклору и этномузыкологии университета Техаса Х. Лемон, С. Янигасако (Стэнфордский ун-т), I. Мюллингз (Школа биомедицинского образования, Нью-Йорк), Ф. Риггс Гавайский ун-т).

Со вступительным словом к участникам симпозиума обратились руководители делегаций: от США — С. Минц и от СССР — Л. М. Дробижева, отметившие большое значение подобных симпозиумов в развитии научных контактов между учеными СССР и США, их вклад в исследование национальных (этнических, в терминологии западных ученых) проблем в современном мире, углубление знаний о культуре, образе жизни народов.

Во время работы симпозиума было заслушано 11 докладов (5 представлены советскими учеными, 6 — американскими).

С первым докладом выступил один из крупнейших теоретиков проблем этничности в США, основатель так называемой школы «новой этнической истории»¹ Дж. Хайем; его тема — «Этничность в Америке: общий взгляд». Отмечая заметную роль этнического фактора на протяжении последних 20 лет в общественной жизни Соединенных Штатов, Дж. Хайем высказал мнение, что значение этого фактора в середине 1980-х годов снижается. Даже представители отдельных этнических групп, согласно его оценке, постепенно утрачивают интерес к идее сохранения этничности в инонациональной среде, а волна «этнического возрождения»² идет на спад. Применительно к нынешней этнонациональной ситуации в США мнение докладчика отражает усиливающиеся в США ассимиляционные настроения, попытки возвращения к прежним моделям в этносоциальном развитии страны, в частности к концепции «плавильного котла». При этом Дж. Хайем, являясь теоретиком циклов американского нейтивизма, выступал как сторонник его возрождения и инкорпорирования им крайне негативного отношения к иммигрантам и их потомкам. Докладчик остановился также на соотношении феноменов «классового» и «этнического». Правда, понятие «класс» он выводит из отношения не к средствам производства, а к власти и привилегиям. Дж. Хайем предложил интересную в научном плане, оригинальную типологизацию этнических групп на основе степени их связей с ядром: группы с четко выраженными границами и слабым лидерством; группы со слабо выраженными границами и сильным лидерством; группы с расплывчатыми границами и нечетко выраженным лидерством; группы с четко выраженными границами и сильным лидерством. В качестве примеров в обозначенном нами порядке приводились такие группы: амиши, американцы ирландского происхождения; евреи, проживающие в США; карпаторусины. В ходе дискуссии по докладу подчеркивалось, что предложенная схема не бесспорна. Она, в частности, не учитывает процессов социального расслоения внутри групп и возможностей пополнения новыми контингентами. Тем не менее ее можно использовать для определения степени интенсивности трансформации разных этнонациональных групп.

В докладе «Этническое в культуре и национальное самосознание народов СССР» Л. М. Дробужева показала, что на современном этапе для национальных общностей, имеющих свои государственные образования в СССР, не может идти речь о деэтнизации. При социально-политическом и идеологическом единстве, существенном сходстве в познавательной культуре, в культуре досуговой, семейно-бытовой, соционормативной у народов СССР сохраняются этнически специфические черты. Они «питают» национальное самосознание, которое имеет тенденции к росту в связи с повышением социального и культурного уровней развития народов. В докладе был рассмотрен ряд вопросов; вызвавших затем оживленную дискуссию: культурные традиции и их сохранение последующими поколениями, миграции национальностей Советского Союза и возможности сохранения этнических особенностей культур. Докладчица отметила, что последнее время все больший вес в формировании национального самосознания приобретает отношение к историческому прошлому. Сравнивая этнокультурное развитие русских, узбеков, грузин, молдаван, эстонцев, Л. М. Дробужева обратила внимание на то, что на разных этапах формирования национального самосознания приоритет отдавался различным культурным индикаторам. Отвечая на вопросы М. Балзер, Р. Ховард, несяна, Х. Лемона, М. Н. Губогло, докладчица разъяснила сущность соотношения терминов «шовинизм», «национализм» в понимании советских ученых, определила понятия «этнокультурные черты», рассказала о методике проведения этносоциологических исследований в СССР.

Вопросам взаимоотношения представителей различных этнонациональных групп США был посвящен доклад С. Либерсона «Стереотипы: их значение для расового и этнического взаимодействия». Докладчик отметил широкое распространение в своей стране национальных стереотипов, в том числе негативных стереотипов афроамериканцев, испаноязычных американцев. Особенно отчетливо стереотипы выявляются на уроке взаимодействия доминантной группы, представленной выходцами из Англии, и других этнических групп. С. Либерсон объяснял рост значения этнических стереотипов сверхчувствительностью белых американцев. Это проявилось, например, в отношении иранским иммигрантам в период, когда американские граждане находились в качес

¹ Vecoli R. Return to the Melting Pot: Ethnicity in the United States in the Eighties J. Amer. History. 1985. V. 5. № 1. P. 15.

² Smith A. Ethnic Revival. Cambr., 1981.

ве заложников в Иране. Выступавшие в дискуссии Дж. Хайем, Х. Лемон, Л. Мюллингз подтвердили высказанные докладчиком мысли, обратив внимание на то, что негативные стереотипы отражаются на возможностях развития и положении тех или иных меньшинств и групп в американском обществе. И американские, и советские ораторы (Л. М. Дробижева, В. И. Козлов, В. Б. Евтух), участвовавшие в прениях, не согласились с докладчиком, который в качестве первопричины распространения негативных стереотипов некоторых этнонациональных групп выдвигает этнокультурные и этнопсихологические факторы. Примеры из жизни, скажем, цветного населения США показывают, что такие стереотипы порождаются конкретной социально-политической обстановкой.

Ю. В. Арутюнян свой доклад посвятил теме «Национальные особенности социального развития в СССР». В нем было продемонстрировано, что общие для всей страны социальные процессы, связанные с урбанизацией, индустриализацией, а затем с научно-технической революцией, интеллектуализацией общества, имели свои национальные вариации. Одни и те же социальные группы и слои у народов с разным историко-культурным прошлым (в докладе использовались сравнительные данные по таким народам, как русские, эстонцы, узбеки, молдаване) обладают специфическими культурными характеристиками и известным своеобразием ценностных ориентаций. Процессы этносоциального развития в нашей стране вызвали большой интерес у американских ученых, о чем можно судить по множеству вопросов, поступивших докладчику. Участники симпозиума интересовались ролью государственной политики в создании соответствующих условий для сохранения и развития национальных особенностей разных народов (Л. Мюллингз), характером взаимодействия представителей различных этнонациональных групп, проживающих в рамках одной республики (Р. Хованнесян), соотношением подлинных образов традиционной культуры и их стилизации в поколенном срезе (Б. Медисин) и др. М. Фишбах, известный американский специалист по социально-демографическим проблемам, выступая в прениях, отметил несовершенство публикуемой в СССР статистики, что порой усложняет получение объективной картины демографических аспектов этнонациональной ситуации.

В. И. Козлов выступил с докладом «Этнокультурные факторы в жизнеобеспечении народов СССР». Кардинальный вопрос, поставленный докладчиком, — о важности межпоколенной передачи этнической информации. При этом сделано различие между целенаправленной, формализованной и спонтанной передачей информации, подчеркивалось разнообразие ее форм. В. И. Козлов обратил внимание на то обстоятельство, что степень жизнеобеспечения этносов или их частей зависит в первую очередь не от их размеров, а от социально-экономических условий их существования. Особенно отчетливо это прослеживается при сравнении особенностей этносоциального развития СССР и США. Доклад вызвал заинтересованное обсуждение как американских (М. Фишбах, Дж. Хайем, Х. Лемон, Ф. Риггс, С. Янигасако), так и советских (Л. М. Дробижева, М. Н. Губогло, В. Б. Евтух) участников симпозиума. В ходе дискуссии обсуждались характеристики понятия «этнос», вопросы о возможностях сохранения этнического своеобразия народов СССР в условиях сближения их социального, экономического и культурного уровня, о достижениях малочисленных народов СССР во всех областях общественной жизни и т. д.

Три из одиннадцати докладов были близки по своему предмету и методике изложения материала — в них речь шла о трех национальных меньшинствах Соединенных Штатов Америки. Это доклады С. Янигасако — «Азиатско-американский вопрос: трансцендентальный ориентализм», Х. Лемона — «Мексиканский вопрос в США: ретроспективный анализ этничности» и Л. Мюллингз — «Афроамериканцы сегодня». Все эти доклады имели в основном информативный характер. Они содержали множество конкретных данных о положении указанных меньшинств в американском обществе. В докладах Х. Лемона и Л. Мюллингз подвергались критическому анализу программы «позитивных действий». Эти программы не принесли ожидаемых результатов, но способствовали, по мнению докладчиков, обострению отношений между цветными и белыми американцами, поскольку расистско-шовинистические круги рассматривают их как «дискриминацию наоборот» (т. е. эти программы, как они считают, направлены против белого населения). Несостоятельными оказываются и программы «двуязычного обучения», предназначенные преимущественно для американцев мексиканского происхождения (они охватывают только 2% детей мексиканоамериканцев³). Несколько выше,

³ Евтух В. Б., Шамшур О. В. Програми «етнічної спадщини» та «білінгвізму» в школах США//Радянська школа. 1985. № 3. С. 90.

чем в среднем по стране, образовательный уровень выходцев из азиатских стран, особенно из Японии, Китая и Кореи. По мнению С. Янигасако, он обусловлен тем, что значительная часть молодежи этих стран, приезжая в США на учебу, остается здесь на постоянное жительство. К этому следует добавить, что среди собственно иммигрантов из названных трех стран довольно значителен процент людей с высоким уровнем образования.

В докладах С. Янигасако и Х. Лемона рассматривался важный вопрос о взаимосвязи между такими явлениями, как временная рабочая сила (временные иммигранты) и этничность. Выдвинутый ими основной тезис доклада заключается в том, что, объективно являясь носителями мексиканской этничности или этничности представителей азиатских стран, временные и нелегальные иммигранты не способствуют оживлению и поддержанию этого феномена в США. Они, как правило, не принимают участия в этнических организациях, их установки ориентированы на скорое возвращение на родину, и потому их связь с основным ядром упоминавшихся национальных меньшинств непрочна или же вообще отсутствует. Х. Лемон определил этничность временных и нелегальных иммигрантов как «негативную этничность», поскольку они в силу своего положения вынуждены зачастую поступать так, что способствуют формированию или укреплению уже имеющегося негативного стереотипа мексиканоамериканца.

В обсуждении рассматриваемых докладов приняли участие практически все присутствовавшие на симпозиуме ученые. У В. И. Козлова, М. Н. Губогло, В. Б. Евтуха принципиальное возражение вызвало то, что С. Янигасако рассматривает всех выходцев из азиатских стран в качестве единого этнического образования, объединяя их на основе происхождения из одного региона, и игнорирует этнические особенности выходцев из отдельных стран Азии. В прениях отмечалось также, что социально-экономическое положение рассматривавшихся трех групп населения США свидетельствует об их дискриминации во всех сферах общественной жизни. Проводя сравнительные исследования этносоциального развития в СССР и США — а именно это направление считается одним из главных в сотрудничестве советских и американских этнологов, по мнению В. И. Козлова, — необходимо учитывать важное различие между двумя странами. СССР включает различные этносы, в то время как США — части этносов, основное ядро которых находится за пределами американского этнополитического организма.

Доклад М. Н. Губогло «Лингвистический фактор в социально-культурном процессе у народов СССР» был посвящен этноязыковым аспектам национального развития в нашей стране. Определяя важность этого фактора в современном этническом взаимодействии, М. Н. Губогло подчеркнул, что в Советском Союзе созданы условия для развития национальных языков, большое внимание уделяется изучению русского языка как языка межнационального общения. В докладе отмечалось наличие относительно новой тенденции — овладение представителями некоренной для советских республик национальности языком коренной национальности. В определенной степени это свидетельство высокого уровня социально-культурного развития некогда отсталых народов, создавших за годы советской власти свою высокую национальную художественную культуру. Данные о конкретном изучении языков народов СССР вызвали интерес у С. Либерсона; М. Балзер проявила внимание к интралингвистическому развитию языков малочисленных народов СССР, Х. Лемон — к регулированию языковых процессов в нашей стране, Ф. Риггс — к статусу национальных языков в системе высшего образования и т. д.

В докладе Р. С. Карапетяна «Социально-культурная характеристика населения г. Еревана» шла речь о консолидационных процессах в среде армянского населения города, формирующегося за счет мигрантов из сельской местности и других республик, а также из-за пределов страны. При обсуждении доклада американские исследователи (М. Фишбах, Р. Хованнисян, Дж. Хайем) интересовались интенсивностью контактов в разных сферах общественной жизни между представителями коренной и некоренных национальностей, особенностями миграционных процессов внутри города и из других городов и сел в Ереван и ролью этнических факторов в этих процессах.

Два доклада на симпозиуме в значительной степени были посвящены методологии и методике этнологических исследований. Это доклад Ф. Риггса «Концептуальный аппарат исследования современных этнических процессов» и Б. Медисин — «Этничность в среде индейцев Аляски: методика исследования». Ф. Риггс проинформировал участников симпозиума о работе над составлением глоссария под общим названием «Этничность», в котором предприняты попытки уточнения этнологических терминов и концепций. По его словам, для успешного завершения этой работы и в будущем потребуется координация усилий ученых, занимающихся исследованием этнонациональной проблематики в разных странах. Такая координация, в частности, возможна и в рамках

двусторонних советско-американских симпозиумов, ставших уже традиционными международными конференциями, а также в ходе выполнения совместных проектов.

Б. Медисин отметила, что в изучении возможностей сохранения этничности индейцев в обществах североамериканских стран важное значение приобретают такие проблемы, как этнолингвистические (в переписи Канады обозначено 300 племен, что само по себе указывает на множество языков и диалектов), проблема ривайвализма (изучения традиционной культуры индейцев, сохраняющейся в условиях ассимиляции), проблема алкоголизма, процессы формирования паниндейской общности, объединительные движения и участие индейцев в движениях социального протеста.

Во время пребывания в США делегация советских ученых имела возможность при содействии IREX и по приглашению профессора Калифорнийского университета Р. Хованнесяна посетить Лос-Анжелес и встретиться с учеными-этнологами, работающими в этом университете и в университете Южной Калифорнии. В ходе дискуссий, состоявшихся в университетах, была обсуждена методика этносоциологических исследований, осуществляемых американскими и советскими учеными. В дискуссиях приняли участие известные в США исследователи А. Лайт, Дж. Сабах, М. Бозоргмер, Р. Декмеджян и др. Особый интерес у обеих сторон вызвало использование этнической статистики в изучении национальных процессов, скажем, по последней (1980 г.) переписи населения США. Заинтересованно обсуждались вопросы о факторах, влияющих на сохранение этничности в индустриальных обществах, государственном регулировании этносоциальных процессов. По общему мнению, подобные встречи ученых-обществоведов СССР и США способствуют не только глубокому теоретическому осмыслению современных процессов общественного развития и обмену научными идеями, но и вносят значительный вклад в сотрудничество ученых наших стран, во взаимопонимание между нашими народами.

В. Б. Евтух

ВЫСТАВКА «СОКРОВИЩА КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ОКЕАНИИ»

С 23 января по 22 марта 1987 г. в Музее прикладного искусства в Хельсинки демонстрировалась выставка АН СССР «Сокровища культуры народов Океании», названная финской стороной «Путешествие в Океанию». Выставка была организована в рамках сотрудничества между АН СССР и Академией Финляндии. В ее основу были положены уникальные океанийские коллекции ленинградского Музея антропологии и этнографии (МАЭ) АН СССР — старейшего русского музея, основанного еще в 1714 г. Петром I.

Народы Океании создали богатую, яркую и самобытную культуру, в значительной мере уничтоженную в колониальный период. Неповторимые памятники этой культуры ныне хранятся в музеях. МАЭ — одно из крупнейших в мире хранилищ таких сокровищ.

Начало океанийским собраниям МАЭ было положено в 1779 г., когда в музей поступила небольшая коллекция, подаренная спутниками знаменитого капитана Кука. Но основу океанийских фондов этого музея составили коллекции, привезенные русскими кругосветными мореплавателями первой половины XIX в. — И. Ф. Крузенштерном, Ю. Ф. Лисянским, О. Е. Коцебу, В. М. Головниным, М. П. Лазаревым, Ф. П. Литке и др. Большой вклад в приумножение океанийских сокровищ МАЭ внес великий русский ученый-гуманист Н. Н. Миклухо-Маклай. Поступление коллекций с островов Океании продолжалось в конце XIX — начале XX в. В советское время, в 20—30-х годах, в МАЭ были переданы этнографические коллекции по этому региону, хранившиеся в некоторых других музеях страны. Пополнение океанийских фондов МАЭ продолжается и в наши дни. Так, интересные коллекции привезли этнографы, участвовавшие в 6-м и 18-м экспедиционных рейсах научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев»¹.

Если не считать единичных экспонатов, океанийские собрания МАЭ за два века ни разу не покидали старинное здание Кунсткамеры на набережной Невы. Поэтому показ

¹ См. подробнее *Шафрановская Т. К., Азаров А. И.* Каталог коллекций отдела Австралии и Океании // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 39. Л., 1984. С. 5—25.

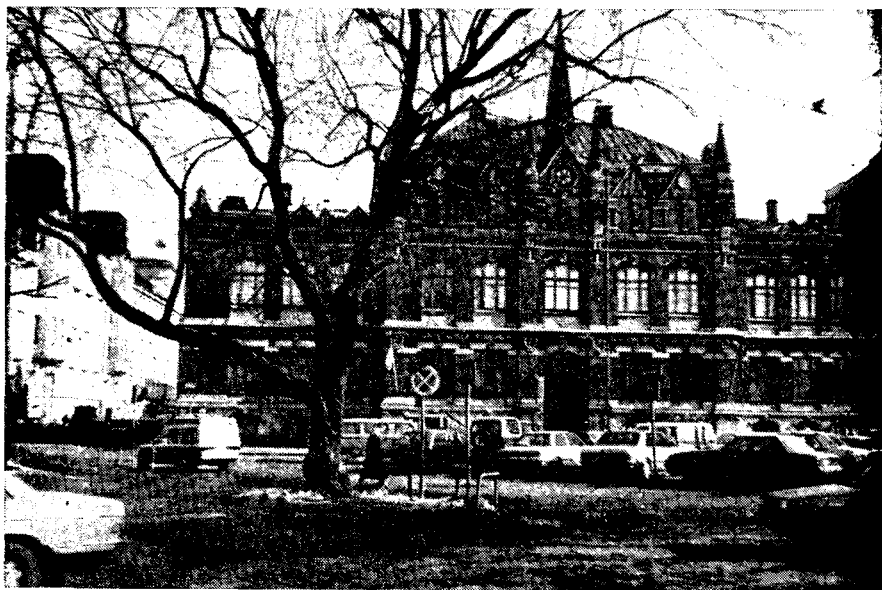

Рис. 1. Здание музея прикладного искусства, где демонстрировалась выставка
Фото Д. Д. Тумаркина

в Хельсинки советской выставки, насчитывавшей около 600 предметов из этих коллекций, привлек большое внимание как финской общественности, так и исследователей традиционной культуры народов Океании, работающих во многих странах мира.

На торжественном открытии выставки присутствовали Посол СССР в Финляндии В. М. Соболев, представители финского правительства, члены дипломатического корпуса, видные деятели науки и культуры, представители деловых кругов. В церемонии открытия выставки участвовала делегация АН СССР во главе с акад. Ю. В. Бромлеем.

Для работы на выставке были командированы 10 сотрудников Института этнографии АН СССР: Н. М. Гиренко (директор выставки), Д. Д. Тумаркин (научный консультант), А. И. Азаров, С. С. Поляков, А. А. Свиридов, Е. С. Соболева, Т. К. Шафрановская (стендисты), В. А. Кынчиков, О. Н. Панарина, А. И. Териюков (монтажники). Директор и консультант находились в Хельсинки в течение всего периода работы выставки, остальные — от двух недель до полутора месяцев. Необходимо отметить активное участие в подготовке выставки еще двух сотрудников Института этнографии АН СССР — Л. А. Ивановой и С. А. Старостенкова.

Как известно, Океанию обычно подразделяют на Меланезию, Полинезию и Микронезию. Однако по мере накопления научных знаний становится очевидной вся условность такого районирования, особенно выделения Меланезии в качестве единой области, да еще такого же таксономического уровня, как Полинезия и Микронезия. Теперь несомненно, что народы Южных морей имеют в значительной мере общие истоки, что их исторические судьбы нередко переплетались, что у них много общего в области культуры. Поэтому было решено представить на нашей выставке Океанию как один большой историко-культурный регион и саму экспозицию построить не по географическому, а по функционально-тематическому принципу. Это не только сделало выставку более компактной и зрелищной, но и позволило получить дополнительный эвристический эффект от широкого и последовательного сопоставления сходных элементов культуры народов всего океанийского островного мира.

Вводный раздел знакомил посетителей выставки с МАЭ и историей собирания океанийских коллекций этого музея. Здесь рассказывалось о Дж. Куке, о русских кругосветных мореплавателях первой половины XIX в., о Н. Н. Миклухо-Маклае и продолжении его исследований советскими этнографами. Особое внимание в этом разделе привлекала специально изготовленная для выставки модель шлюпа «Мирный», на котором М. П. Лазарев участвовал в кругосветной экспедиции, увенчавшейся открытием Антарктиды и ряда островов Океании.

Океан, его ресурсы изначально играли и продолжают играть огромную роль в жизни островитян Южных морей. Поэтому не случайно посетители после ознакомления с вводным разделом попадали в зал «Мореплавание и рыболовство». В его центре

Рис. 2. В зале «Орудия труда и оружие»
Фото Р. Траскелина

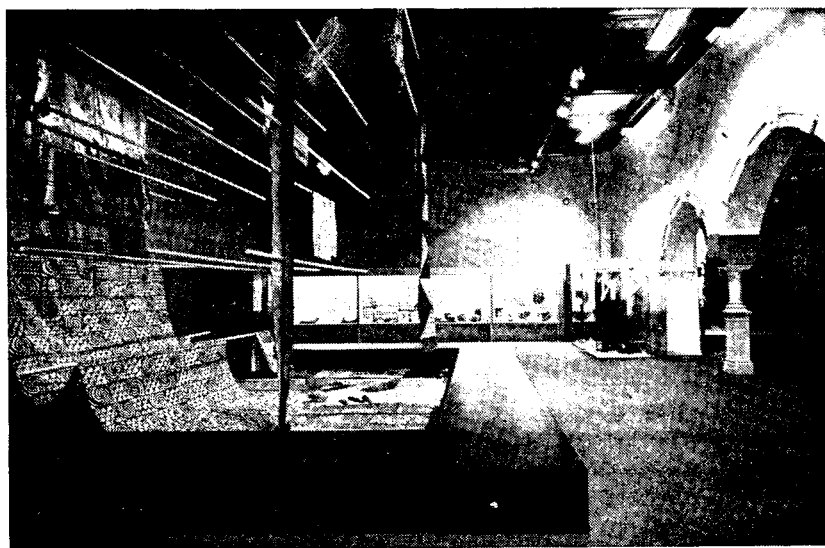

Рис. 3. В главном зале. На первом плане — часть экспозиции тапы
Фото Р. Траскелина

была установлена большая лодка-долбленка с аутригером, привезенная в начале XX в. с Гавайских островов, а в витринах вдоль стен размещались модели основных типов океанийских морских судов, мастерски выполненные в прошлом столетии самими островитянами (часть моделей была предоставлена ленинградским Центральным военно-морским музеем). В зале были также экспонированы весла-гребки, рулевые весла, черпаки и якоря, а также коллекция рыболовных крючков, сети, верши, остроги, гарпуны и другие рыболовные принадлежности. В целом экспонаты этого зала свидетельствовали о высоком развитии мореходства и рыболовства у народов Южных морей.

До появления в Океании европейцев островитяне не знали металлов. Но они достигли удивительного мастерства в изготовлении орудий из камня, кости, раковин, дерева и других наличных материалов. В этом посетители выставки могли убедиться в зале «Орудия труда и оружие». Здесь демонстрировался широкий набор орудий труда, причем наибольшее внимание было уделено такому полифункциональному орудю, как тесло, которое было представлено во всех его основных разновидностях. В зале экспонировались также все виды боевого и охотничьего оружия океанийцев — копья, копьеметалки, мечи, ударные и метательные палицы, луки и стрелы, пращи, ножи, кинжалы, стреловывдувные трубки, а также щиты, защитные нагрудники, шлемы и т. д.

Наиболее многочисленной была коллекция палиц, поражающих воображение своими причудливыми формами, антропоморфными деталями и богатой резьбой. Но особый интерес неизменно вызывал уникальный защитный костюм воина с островов Гилберта, сплетенный из кокосовых волокон. Он состоял из длинных штанов с нагрудником и подтяжками, рубахи, панциря с наспинным щитом, пояса и шлема.

Несколько разделов было размещено в главном зале, на который приходилось более половины всей выставочной площади. Посетители знакомились здесь прежде всего с разделом «Жилище, утварь и предметы домашнего обихода». Он включал несколько моделей хижин, деревянную резную панель, в прошлом украшавшую фасад маорийского дома, небольшую коллекцию изящно украшенных подголовников, заменявших островитянам подушки, всевозможную посуду и другую хозяйственную утварь. Среди этих экспонатов особенно выделялись великолепные образцы деревянных сосудов (чаши, ковши, миски, блюда и др.) — полированные, раскрашенные, инкрустированные перламутром, покрытые тонкой резьбой.

Специальные небольшие разделы были отведены плетению и ткачеству. В первом из этих разделов можно было увидеть немало раритетов, например тонкие ритуальные циновки из пандануса и изящные церемониальные веера конца XVIII — начала XIX в. Что же касается ткачества, то оно было представлено уникальными образцами материи со сложным вытканым орнаментом, привезенной в Россию в 20-х годах XIX в. с Каролинских островов — единственного архипелага Океании, где был известен ткацкий станок.

Гончарство было распространено в Океании шире, чем ткачество, но все же отнюдь не повсеместно, что объясняется как культурно-историческими факторами, так и отсутствием на многих островах необходимого сырья. На нашей выставке в соответствующем разделе была представлена продукция нескольких традиционных гончарных центров Новой Гвинеи и Фиджи. Особенно впечатляла посетителей керамика из новогвинейской деревни Айбом. Ее отличительные особенности — большое разнообразие и причудливость форм, а также рельефные антропоморфные и зооморфные личины на стенках сосудов².

Много внимания на выставке было уделено показу океанийской материи из луба (*тапа*). Для ее демонстрации финский дизайнер Б. Райялин создал специальную конструкцию, основными элементами которой были подвешенные на разной высоте деревянные перекладки. По ним волнами ниспадали огромные полотнища тапы. Другие образцы, меньших размеров, свешивались с отдельных перекладок или были разложены внизу за невысоким барьером. Здесь же демонстрировались инструменты и приспособления, применявшиеся при изготовлении этой материи. На выставке экспонировалось более 40 тап, существенно различавшихся по выделке, орнаментике и колориту — от редчайших образцов конца XVIII — начала XIX в. до современных тап, изготовленных, однако, в соответствии с древними художественными традициями.

В противоположной части главного зала, за двойным рядом колонн, были размещены два раздела. Один из них, «Одежда и украшения», знакомил посетителей со всеми видами традиционной одежды океанийцев и включал такие уникальные, датируемые концом XVIII в. предметы, как изящно орнаментированный таитянский плащ из семи слоев тапы и накидка гавайского верховного вождя из драгоценных золотистых, красных и черных перьев (ее изображение стало эмблемой выставки). В ярко и празднично оформленных витринах были представлены разнообразные украшения из раковин, черепахового щита, дерева, бамбука, скорлупы кокосовых орехов, перьев, кости и других материалов. Подолгу задерживались посетители перед одной из «жемчужин» выставки — нагрудником из 1700 перламутровых пластин, некогда части траурного одеяния таитянского жреца.

Этот раздел органично соседствовал с разделом «Музыкальные инструменты и танцевальные принадлежности», ибо украшения у народов Океании выполняли не только эстетические, но также ритуально-магические функции и чаще всего использовались при имевших такой же характер танцах. На выставке были представлены многие виды музыкальных инструментов океанийцев — щелевые и мембранные барабаны, носовые и губные флейты, флейта Пана, сигнальные роги, варган, музыкальный лук, гуделки, по-

² Гончарные изделия из Айбома — часть небольшой, но ценной коллекции, недавно подаренной Институту этнографии АН СССР французским живописцем и коллекционером русского происхождения Н. Н. Мишутушкиным и художником-полинезийцем А. Пилиоко, живущими на Новых Гебридах (Республика Вануату).

Рис. 4. Керамика из новогвинейской деревни Айбом
Фото Д. Д. Тумаркина

гремушки, трешотки и т. д. Здесь же демонстрировались жезлы, резные дощечки, амулеты и другие танцевальные принадлежности. Витрины обоих разделов были возвращены на фоне огромной, занимавшей часть стены фотографии, сделанной в 1971 г. советскими этнографами в новогвинейской деревне Бонгу. На этой фотографии изображены танцоры, в рост человека, в традиционных нарядах, с барабанами в руках. Точно такие же украшения и барабаны, приобретенные в 1870-х годах Н. Н. Миклухо-Маклаем, можно было увидеть в ближайших витринах. Это сопоставление, свидетельствующее об устойчивости культурных традиций на Берегу Маклая, неизменно привлекало внимание посетителей выставки.

Отдельное небольшое помещение было отведено разделу «Письменность острова Пасхи». Здесь в стеклянном кубе экспонировалась на специальной подставке деревянная дощечка, покрытая письменами (*кохау ронгоронго*), — один из немногих сохранившихся до наших дней памятников по существу еще не расшифрованной письменности. Пояснительные тексты и прорисовки рассказывали об этой загадке острова Пасхи, знакомили с исследованиями советских ученых по данной проблеме.

Завершал экспозицию зал, в котором был размещен раздел «Скульптура и маски». Здесь посетители соприкасались с таинственным и прекрасным миром океанийского пластического искусства. Маски из дерева, глины, растительных волокон, бамбука, тростника, листьев и птичьих перьев, скульптурные изображения из дерева, камня, кости, глины, извести и других материалов, разные художественные традиции и стили — все это буквально завораживало посетителей, становясь кульминацией всей выставки. Трудно сказать, что вызывало наибольший интерес — маски с характерным клювообразным носом из северо-восточной Новой Гвинеи или маска-наголовник в виде сидящего человечка с Новых Гебрид, большие антропоморфные фигуры из корневищ древовидного папоротника с того же архипелага или маленькие изящные статуэтки с острова Пасхи. К числу наиболее интересных экспонатов, несомненно, относились также скульптурные изображения предков (*корвар*) из западной Новой Гвинеи, а также отличающиеся изощренностью форм и сложной символикой маски и скульптурные композиции в стиле *маланган* с острова Новая Ирландия. Посетители обычно задерживались также возле антропоморфной фигуры из северо-восточной Новой Гвинеи. Очень похожая на нее фигура, но большего размера (более 3 м высотой), стояла у входа в этот зал.

Натурные экспонаты, составлявшие основу экспозиции, сочетались с пояснительными текстами, картами, фотографиями и репродукциями старинных рисунков. Много внимания было уделено художественному оформлению. Потоки направленного света, исходящие из специальных светильников, как бы выхватывали из полутьмы витрины, отдельные крупные экспонаты и другие элементы экспозиции. В выставочных залах зву-

Рис. 5. Фрагмент экспозиции главного зала
Фото Р. Траскелина

чали записи песен и танцевальных мелодий народов Океании, которые транслировались из аппаратной музея.

Совместная работа советских и финских специалистов по подготовке и проведению выставки проходила в обстановке дружбы и взаимопонимания, что подчас не исключало различных мнений по конкретным вопросам. Так, финские коллеги, и особенно директор Музея прикладного искусства известный искусствовед Я. Пелтонен, предпочитали придать выставке чисто художественный характер и свести до минимума пояснительные тексты, фотоиллюстрации и т. д. Советские же специалисты, отчетливо сознавая огромный художественный потенциал выставки, вместе с тем стремились сделать ее возможно более информативной, усилить ее научно-познавательный заряд. Такой подход оказался более созвучным запросам основной массы посетителей выставки. В соответствии с их многочисленными просьбами уже после ее открытия в экспозицию были включены дополнительные тексты. Наш опыт подтвердил вывод о необходимости «кратких пояснительных текстов, относящихся как к разделу в целом, так и к группе вещей или отдельным предметам», высказанный в статье об итогах советской археолого-этнографической выставки в Швеции³.

Несмотря на ограниченность выставочной площади (около 600 м²), был выделен специальный «аудиовизуальный» зал, в котором демонстрировались видеофильмы, рассказывающие о народах Океании, в том числе два переведенных на видеопленку документальных фильма, которые были созданы советскими кинематографистами, участвовавшими в 6-м и 18-м рейсах «Дмитрия Менделеева». Специально для выставки эти фильмы были снабжены дикторским текстом на финском языке. У входа в зал на открытом стенде были выставлены книги советских ученых о народах Океании; с ними ознакомились многие посетители выставки. По средам в вечерние часы советские специалисты читали в этом зале лекции о МАЭ, о Н. Н. Миклухо-Маклае, о своих экспедициях на острова Южных морей, о молодых независимых государствах региона. Все лекции сопровождались показом диапозитивов. Об этих выступлениях заранее сообщалось в газетах; они неизменно пользовались большим успехом и проходили в переполненном зале. Помимо вечерних лекций, наши ученые выступали с беседами по отдельным разделам экспозиции непосредственно в выставочных залах. Эти беседы тоже анонсировались в печати и собирали заинтересованную аудиторию.

Регулярные экскурсии на финском и шведском языках проводили гиды, прошедшие инструктаж у советских этнографов, командированных для работы на выставке. Кроме того, советские специалисты сами провели более 100 экскурсий на английском и русском языках — для почетных гостей, музейных работников, студентов и преподавателей университетов, сотрудников Академии Финляндии, активистов общества «Финляндия — СССР» и, конечно, для сотрудников Посольства СССР и других советских учреждений в Хельсинки и членов их семей. Наши специалисты, дежурившие на выставке, отвечали также на всевозможные вопросы посетителей.

Об огромном интересе, проявленном к выставке, свидетельствует тот факт, что ей было посвящено более 130 статей и заметок в финских газетах и журналах. Вся пресса

³ *Басилов В. Н.* Выставка «На шелковом пути» в Швеции//Сов. этнография. 1987. № 1. С. 149.

независимо от партийной принадлежности очень высоко оценивала выставку, характеризуя ее как важное событие в культурной жизни Финляндии. Благожелательную и содержательную статью о ней опубликовала также крупнейшая шведская газета «Дагенс нюхетер».

Сотрудников Института этнографии АН СССР, командированных в связи с выставкой в Хельсинки, ожидал приятный сюрприз. Оказалось, что здесь живут несколько семей, носящих фамилию Миклуха. Это потомки дяди Н. Н. Миклухо-Маклая. Они осведомлены о жизни и деятельности великого русского ученого-гуманиста и гордятся своим знаменитым родственником. Старейшие члены этих семей ознакомили нас с историей своего рода, уходящего, по их словам, корнями во времена Петра I. Они рассказали нам семейные предания и подарили несколько фотографий.

К открытию выставки был приурочен международный научный симпозиум «История и культура в бассейне Тихого океана», в котором приняли участие специалисты по этой проблематике из 8 стран — СССР, Финляндии, Австралии, Новой Зеландии, США, Англии, Италии и Дании⁴. Как с удовлетворением отмечали руководители Академии Финляндии, международный научный форум, посвященный изучению столь отдаленного региона, как Океания, впервые был проведен в небольшой североевропейской стране.

Организаторы выставки выпустили большой, богато иллюстрированный каталог с параллельными текстами на финском и английском языках, написанный группой сотрудников Института этнографии АН СССР⁵. Что же касается материалов симпозиума, то Академия Финляндии намерена опубликовать их в виде отдельной книги.

Подобно археолого-этнографической выставке АН СССР «На шелковом пути» («Кочевые народы Евразии»), демонстрировавшейся в 1985 г. в Хельсинки в здании того же музея, нынешняя выставка способствовала как дальнейшему подъему в Финляндии интереса к советской науке и тем самым укреплению дружбы между советским и финским народами, так и развитию взаимопонимания между народами разных регионов земного шара. Выставка, рассказывающая о кочевниках Евразии, уже была с успехом показана в нескольких странах. Хотелось бы надеяться, что и выставке «Сокровища культуры народов Океании» суждена долгая жизнь, что она находится в самом начале пути.

Д. Д. Тумаркин

⁴ См. Шнирельман В. А. Международный симпозиум в Хельсинки «История и культура в бассейне Тихого океана» // Сов. этнография. 1987. № 5.

⁵ Matka Oseaniaan. Journey to Oceania... Catalogue. Written by D. D. Tumarkin, I. Azarov, L. A. Ivanova, B. N. Putilov, E. S. Soboleva. Helsinki, 1987.

МАКЛАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ (VI—VIII)

В Ленинградской части Института этнографии АН СССР стало традицией проводить ежегодно в середине апреля Маклаевские чтения, на которых освещаются вопросы этнографии народов Тихого и Индийского океанов, а также жизнь и деятельность И. Н. Миклухо-Маклая. В 1984—1986 гг. были проведены соответственно VI—VIII Маклаевские чтения, вызвавшие интерес у специалистов. В данном обзоре будет упомянуто о некоторых из заслушанных докладов и сообщений.

Неоднократно на чтениях поднимались вопросы, возникшие при подготовке нового собрания сочинений И. Н. Миклухо-Маклая. Указывалось, что утрачены некоторые вторские рукописи, в сохранившихся текстах встречаются ошибки и опiski, ряд рукописей ученым не успел сам подготовить к печати. Н. А. Бутинов, Б. Н. Путилов, А. Н. Анфертьев (ИЭ АН СССР, Ленинград) построили свои сообщения на изученных ими текстах И. Н. Миклухо-Маклая, опубликованных на русском и иностранных языках, и обоснованно предложили взять за основу при переиздании тот или иной вариант.

Несомненный интерес вызывает введение в научный оборот вновь обнаруженных материалов о И. Н. Миклухо-Маклае. Т. К. Шафрановская (ИЭ АН СССР, Ленинград) перевела и изучила письма И. Н. Миклухо-Маклая, хранящиеся в архиве Зоологической станции в Неаполе. В них содержится новая информация об отношениях ученого и А. Дорна (немецкого зоолога и директора Зоологической станции), о том, как

упорно и настойчиво добивался Н. Н. Миклухо-Маклай осуществления своей мечты — создания подобных станций, необходимых для спокойной научной работы естественных испытателей. Другой свой доклад Т. К. Шафрановская посвятила обнаруженным в 36 неопубликованным рисункам Н. Н. Миклухо-Маклая, которые характеризуют его как талантливого рисовальщика, очень точно изобразившего коренных жителей Океании и Юго-Восточной Азии. Возможно, следует издать рисунки путешественника отдельным альбомом.

Д. Д. Тумаркин (ИЭ АН СССР, Москва) изучил многолетнюю переписку Н. Н. Миклухо-Маклая с А. Петерманном (выдающимся географом и картографом, редактором известного географического журнала, издававшегося в Готе), сохранявшуюся в архиве картографического предприятия в г. Гота (ГДР); большая часть писем ранее не была известна. Другое сообщение Д. Д. Тумаркина было построено на забытой статье Н. Н. Миклухо-Маклая «Один день в пути» (опубликована в 1887 г.), не включавшейся даже в библиографию трудов путешественника. В статье описано пребывание ученого в Батавии (ныне Джакарта), приведены интересные данные об этнополитической обстановке того времени в Индонезии.

Предположение о причинах выбора Н. Н. Миклухо-Маклаем Новой Гвинеи как места исследования высказал Н. А. Бутинов. По его данным, ученый решил доказать, что «папуасская раса» (к ней он вслед за Э. Геккелем относил папуасов, меланезийцев, негритосов Филиппин и Малакки) по способностям и развитию мозга не ниже европейской, а ее особые внешние признаки обусловлены тропической природой и образом жизни.

Б. П. Полевой (ИЭ АН СССР, Ленинград) рассказал о пребывании Н. Н. Миклухо-Маклая в Чили, Е. В. Иванова (ИЭ АН СССР, Ленинград) прокомментировала небольшую, но любопытную заметку ученого о пребывании его в 1875 г. в Сиаме.

Полемика, развернувшейся в австралийской прессе в 1882 г. относительно целей пребывания Н. Н. Миклухо-Маклая в Австралии и причин визита в австралийские порты русской эскадры под командованием контр-адмирала А. Б. Асланбегова, посвятивший доклад А. Я. Массов (Ленинградский кораблестроительный ин-т). На одном из кораблей этой эскадры, как известно, Н. Н. Миклухо-Маклай отбыл в Россию.

Е. В. Говор (Москва) предложила издать сборник воспоминаний современников о великом путешественнике, включая туда, например, воспоминания коллеги его отца — А. И. Штукенберга, рассказ англичанина, проживавшего при дворце магараджи Джохорского (1876 г.), и т. д.¹

Общественный интерес к Н. Н. Миклухо-Маклаю — великому гуманисту выразил один из ранних советских плакатов, выполненный в технике цветной литографии художником А. Е. Куликовым в 1923 г. Плакат-лубок был одной из наиболее наглядных и понятных для широких масс форм агитации в 1920-е годы. О неизвестном ранее лубке «Русский на острове Новая Гвинея», обнаруженном в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, рассказала Т. А. Воронина (ИЭ АН СССР, Москва). Лубок состоит из 13 картинок и кратко излагает историю первого путешествия Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в стиле русского лубка. Текст его, как отметила докладчица, основан на однотомнике сочинений ученого, изданном в 1923 г. Д. Н. Ануциным.

Этнокультурную ситуацию в Батавии во времена Н. Н. Миклухо-Маклая обрисовал Б. Б. Парникель (Ин-т мировой литературы АН СССР, Москва). В 70—80-х годах XIX в. здесь сложилась своеобразная многосоставная культура: начинает формироваться специфическая ост-индская литература на голландском языке, возникла пресса на «низком» малайском языке, вырабатывалась креолизированная песенно-музыкальная традиция *крончонг*, давшая начало театру «Комиди синар индиа», и т. д.

Значение документальных материалов русского флота как исторического источника, необходимость их дальнейшего изучения и более активного вовлечения в научный оборот многократно подтверждали доклады, прочитанные на Макаевских чтениях. Описание Порт-Морсби — административного центра юго-восточной части Новой Гвинеи, сделанное моряками корвета «Рында» в 1887 г., прокомментировал А. Я. Массов. Это одно из немногих дошедших до нас свидетельств очевидцев о положении дел в британском протекторате. Основываясь на архивных материалах, хранящихся в ЦГА ВМФ СССР, Д. Д. Тумаркин рассказал о посещении клипером

¹ См. подробнее Говор Е. В. Н. Н. Миклухо-Маклай в воспоминаниях современников (забытые страницы) // Сов. этнография. 1986. № 2.

«Вестник» Берега Маклая в 1886 г., спустя 2 года после его аннексии кайзеровской Германией. Докладчик предположил, что рапорт командира, крайне отрицательно оценившего климатические условия на Берегу Маклая, сыграл определенную роль при отклонении царскими властями проекта создания русского вольного поселения на Новой Гвинее.

О значении записок европейских мореплавателей как историко-этнографического источника рассказала Е. С. Соболева (ИЭ АН СССР, Ленинград) на примере описания путешественниками о-ва Тимор. Докладчица остановилась также на работах лингвистов, антропологов, этнографов и археологов, проводивших на Тиморе полевые исследования в XIX—XX вв.

Сообщение О. М. Федоровой (Центральная военно-морская библиотека, Ленинград) «Сведения по географии, истории и этнографии Ост-Индии конца XVI—начала XVII в.» касалось серии редких книг «Коллекция путешествий в Ост- и Вест-Индию», выходивших одновременно на латинском, французском и немецком языках в Бельгии и фрагментарно представленных в некоторых библиотеках СССР.

Доклад Е. В. Ивановой «Культура Сиам в описании французских авторов XVII в.» был построен на четырех весьма информативных сочинениях — посланника французского короля Ла Лубера, иезуитов Жервеза, Ташара и Шуази — и касался бесславной попытки превратить Сиа́м в колонию Франции, что привело к изгнанию европейцев из страны.

Основные направления в развитии индонезийской этнографической школы начиная с середины 1950-х годов определяются трудами Р. М. Кунчаранинграта, обзор которых сделала Е. В. Ревуненкова (ИЭ АН СССР, Ленинград). Кунчаранинграт стремился применить методику англо-американских этнографических школ к индонезийскому материалу. В союзе с социологами, демографами, экономистами он разрабатывал программу будущих этнографических исследований в Индонезии, подчиняя их актуальным проблемам социального, политического и культурного развития страны.

Дальнейшего изучения требует научная деятельность А. Н. Виноградова (1847—1919), археолога, коллекционера, китаеведа, работавшего в Китае в 1881—1889 и 1894—1897 гг. Труды А. Н. Виноградова (в монашестве Алексия, последние годы жизни проведшего в монастыре Опти́на пустынь), как сообщил М. Ф. Чигринский (ВГО, Ленинград), в большинстве своем хранятся в рукописном отделе Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина в неразобранном состоянии.

Как показала О. Ю. Артемова (ИЭ АН СССР, Москва), до сих пор не утратили теоретического и методологического значения работы А. Н. Максимова, внесшего немалый вклад в изучение коренных проблем истории первобытного общества. В равной мере хорошо владея доступными ему этнографическими сведениями об аборигенах Австралии, народах Сибири, Поволжья, Европейского Севера, он занимался вопросами истории семьи, брака, родовой организации, ранней истории развития хозяйства, религиозных верований, первобытных социальных норм и т. д.

М. Ф. Чигринский выступил с двумя докладами об изучении о-ва Тайвань. Он отметил некоторые археологические и этнографические материалы, свидетельствующие, по мнению китайских ученых, о знакомстве китайцев с аборигенами Тайваня во II тыс. до н. э. В другом докладе он дал обзор изучения японцами Тайваня, начиная с 1896 г.

К. Ю. Мешков (ИЭ АН СССР, Москва), характеризуя современное положение китайцев на Филиппинах, изложил историю их появления на этом архипелаге, отметил их определенное влияние на различные стороны филиппинской культуры, в частности на пищу. В другом докладе он обратился к истории японцев на Филиппинах в XV—XVII и XX вв.

Б. Б. Парникель проанализировал структуру и семантику чамского сказания о кокосовом орехе, где усматривается отголосок сказания о происхождении царского рода Кокосового ореха. Докладчик отнес сказание к местному варианту мифа о тотемическом «чудесном супруге», объединенному с мифом о «чудесной супруге». Супруги противопоставлены как «суша» и «море», что соответствует коренным космологическим оппозициям, характерным для «муссонной» Юго-Восточной Азии, и находит аналогии в династических мифах народов Западной Индонезии.

Х. М. Зарбалиев (Ин-т языкознания АН АзССР, Баку) посвятил свое выступление объяснению этнонима «минангкабау» (название одного из крупных народов Индонезии).

А. К. Оглоблин (ЛГУ) рассмотрел вопрос о включении всевозможных этниче-

ских компонентов в общенациональную культуру Индонезии. Они играют в ней разную роль, в связи с чем выделяются разные «типы вхождения» этнической культуры в общую (нейтрализация, сублимация и пр.). Тенденцию к этнической нейтрализации, по мнению автора, проявляет индонезийский язык (утрата старой малайской фразеологии, включение заимствований из европейских языков и санскрита и т. д.).

Всестороннего филологического изучения и сопоставления с другими источниками (в том числе со средиземноморскими народными книгами) заслуживает современная яванская гадательная книга традиционного жанра *примбон*. По мнению А. К. Оглоблина, ее текст содержит исторически разные слои, в том числе примеры синкретизма индо-яванских и мусульманских элементов.

Индонезийский театр *вайанг-пурво* как важный ритуал, в котором слились искусство и медицина, рассмотрела Е. В. Ревуненкова. Будучи связанными по происхождению с культом предков, эти красочные театральные представления, приурочиваемые к важным, подчас кризисным моментам в жизни человека или общины, смыкаются с обрядом лечения, который у других народов проводит шаман.

О. П. Дешпанде (Государственный Эрмитаж, Ленинград) в докладе «Приведение душ к отдыху („Бимасварга“ и балийский заупокойный обряд)» исходит из анализа хранящейся в Эрмитаже картины конца XIX—начала XX в., сюжет которой взят из «Бимасварги» — поэмы, созданной неизвестным автором в XIV—XV вв., по всей вероятности, на о-ве Бали. С учетом восточнояванских рельефов и существовавшего на Восточной Яве культа Бимы, связанного с появлением там секты бхайравов, докладчица проследила обстоятельства, которые придали Биме на Бали ореол спасителя-избавителя, способствующего переходу души умершего из одного мира в другой.

В. Р. Кабо (ИЭ АН СССР, Москва), рассмотрев некоторые верования и обряды андаманцев, семангов, австралийцев, выделил в качестве универсалий архаического сознания первобытный дитеизм (в отличие от монотеизма), шаманство и т. д.

О. Ю. Артемова отметила два вида возрастных делений традиционного общества коренных австралийцев: возрастные категории — группировки людей на определенной стадии жизненного цикла (старики, дети и пр.) и возрастные группы — особые объединения, или корпорации, в которые входят в основном представители одной возрастной категории, но принадлежность к которым определяется также иными факторами, имеющими социальный характер (старшие и младшие мужчины).

В докладе И. К. Федоровой (ИЭ АН СССР, Ленинград) «Война и мир в Океании» раскрывались причины и цели ведения войн в традиционных океанийских обществах, а также символика атрибутов и обрядов, проводившихся в связи с объявлением войны, заключением мира и перемирия. В другом докладе И. К. Федоровой вскрывались социальная роль и функции татуировки у полинезийцев и других народов Океании. Особое внимание уделялось символике различных мотивов, рисунков и отдельных элементов татуировки, была прослежена их связь с мифологией и фольклором.

Задачи и методы атрибуции музейных экспонатов продемонстрировала Л. А. Иванова (ИЭ АН СССР, Москва) на примере пяти тап из коллекции Н. Н. Мишутушкина — А. Пилиоко. Анализ способа изготовления лубяной материи (*тана*) и системы ее орнаментации в сопоставлении с аналогами, хранящимися в музеях мира (в первую очередь в МАЭ), позволили докладчику определить четыре тапы как западнополинезийские, а пятую — как гавайскую, а также датировать время приобретения коллекций последней четвертью XIX в.

Н. З. Климова (ИЭ АН СССР, Ленинград) рассказала об американской кругосветной исследовательской экспедиции 1838—1842 гг. под командованием У. Уилкса. Собранные во время плавания коллекции, в том числе и океанийские, хранятся во многих крупных музеях США и послужили фундаментом для основания Музея естественной истории при Смитсоновском институте. Другой доклад Н. З. Климовой затрагивал проблему меновой торговли в Меланезии и ее связь с системой церемониального обмена «кула».

Участники Маклаевских чтений выразили сожаление по поводу того, что не публикуются тезисы докладов конференции. Также было высказано пожелание обратиться в ЮНЕСКО с предложением отметить в 1988 г. столетие со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая.

Е. С. Соболев

В 1984—1986 г. Камская этнографическая экспедиция Пермского университета им. А. М. Горького совместно с Пермским областным краеведческим музеем изучала русское старообрядческое население Верхнекамья. По сохранности памятников народной культуры этот регион — один из уникальных на Урале¹. Этнографические работы проводились совместно с археографическими, фольклорными, диалектологическими, музыкальными исследованиями, которые ведут в этом же регионе экспедиции МГУ.

Цель экспедиции — путем опроса старожилов и изучения сохранившихся традиционных вещественных памятников получить материал для историко-этнографической характеристики населения Верхнекамья, на протяжении нескольких веков поддерживавшего тесные связи со старообрядцами Поморья и Сибири.

В экспедициях приняло участие 10 студентов исторического факультета, 3 научных сотрудника музея, 2 художника и фотограф. Руководил работами Г. Н. Чагин.

Для изучения Верхнекамья был избран стационарный метод. За три полевых сезона обследовано 70 сел и деревень в двух районах Пермской области: Верещагинском (Сепычевский, Соколовский, Кривчановский сельсоветы), Сивинском (Северокочетовский, Серафимовский, Мало-Сивинский, Кониплотинский сельсоветы) — и соседнем Кезском районе Удмуртской АССР (Абросятский, Степаненковский, Кулигинский, Мысовский сельсоветы). Участники экспедиции записали информацию от 175 человек в возрасте от 50 до 104 лет; 65% из них — старообрядцы. В Сепычевском, Соколовском, Кулигинском сельсоветах приобретено около 550 экспонатов, в числе которых полный комплекс орудий труда, связанных с земледелием, обработкой дерева, льна и конопли, ткачеством, а также разнообразная одежда и обувь.

Художники составили 18 планов поселений и усадеб, выполнили около 150 графических и живописных работ, в которых запечатлели усадьбы, постройки, образцы строительных приемов, орудия труда, народный костюм и орнамент. Материалы экспедиций получили достаточно исчерпывающую атрибуцию. Все они переданы на постоянное хранение в Пермский музей.

Русские крестьяне поселились в Верхне-

камье на свободных землях не позднее середины XVII в. С момента заселения они оказались в изоляции от соседнего населения в силу не географической специфики региона, а принадлежности к поморской старообрядческой вере.

В Верхнекамье преобладает широко известный на Европейском Севере речной тип заселения. Непременной принадлежностью поселений являются поля, так как земледелие стало здесь основным занятием. Кроме сел — центров волостей (Кулига, Сепыч) в крае существовали деревни — центры религиозных общин-соборов (Андронята, Красноселье, Степаненки и др.). Давнее объединение населения в территориальные соборы обусловило здесь и гнездовой тип расселения: к центрам соборов тяготели до десятка мелких деревень, починков и хуторов.

В деревнях сохраняются черты древней застройки — беспорядочной и кучевой с элементами рядовой (Мальковка, Красноселье, Ефимята, Юклята и др.). В многодворных поселениях имеются «концы», объединяющие как родственников, так и людей одного собора (Сепыч, Мальковка, Серафимовское, Мальцево и др.).

Замкнутый характер религиозных общин-соборов, отсутствие миграций населения обусловили повсеместное развитие домашних ремесел, ориентированных на удовлетворение потребностей крестьянского двора. В традициях населения было приобретение новых вещей только у мастеров из среды старообрядцев, в некоторых случаях — только у мастеров своего *согласия*. Многими предметами, изготовленными еще в условиях натурального хозяйства, жители пользуются и в наши дни. Поэтому нам выпала редкая возможность изучать их в естественной среде бытования.

Экспедиции углубленно изучали жилище и одежду населения. В раннем варианте жилище состояло из избы, сеней и клетки на погреб, а в позднем — вместо клетки появлялась вторая изба. Жилище такого типа население называет «связкой». Избы с дворами были связаны преимущественно в один или в два ряда (ранние варианты). Но в 1910—20-е годы наблюдается иная картина: дворы ставили в стороне от жилища, по периметру открытого двора вместе с другими хозяйственными постройками. Выявлены черты, свойственные только усадьбам Верхнекамья: бревенчатые чуланы для хранения одежды вдоль изб, стоявшие под единой крышей

¹ Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 20, 40—70, 91—150.

жилища, срубная конструкция ворот с резными колоннами (Демино, Соколово, Савенки, Егорово и др.). Планировка изб повсеместно севернорусского варианта. В интерьерах сохраняется немало архаических черт: бревенчатые потолки, *грядки* из брусьев, припечные доски-коньки, полцы над окнами, пристенные лавки, разделяющиеся по назначению на мужские и женские, полаты, «западни» для спуска в подполье. Участниками экспедиций записаны интересные обряды, связанные с постройкой дома и с приходом в него на новоселье (так называемые «влазины»). Народная одежда (понитки, зипуны, кафтаны-сибирки, шабуры, рубахи, порты, дубасы и сарафаны) отличается большой традиционностью. Ей присущи севернорусские признаки. Исключительно ценными являются сведения об одежде, предназначенной для моления и погребения.

В экспедициях собраны материалы по изобразительному творчеству населения Верхнекамья, обработке дерева, бересты и лыка, орнаментации тканей, поясов и полотенец, изготовлению керамики и металлических изделий. В наши дни традиционное художественное творчество проявляется в узорном ткачестве дорожек и плетении поясов.

Во время полевых работ сделаны интересные наблюдения по общественной, семейной и духовной жизни старообрядцев. Но сведений этих еще недостаточно для их развернутой характеристики. Изучению этих сторон культуры населения будут посвящены наши следующие экспедиции.

Г. Н. Чагин

* * *

В сентябре 1986 г. в Катон-Карагайском р-не Восточно-Казахстанской обл. работала экспедиция, организованная в соответствии с договором о научном сотрудничестве между кафедрой этнографии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Областным этнографическим музеем Восточного Казахстана.

В состав экспедиции входили группа студентов III—V курсов кафедры этнографии (6 человек, руководитель — Ю. И. Зверева) и четыре сотрудника Областного этнографического музея (руководитель — Т. П. Бочарова).

Цель экспедиции — исследование современных этнических процессов у населения бассейна рек Бухтарма и Белая, т. е. мест расселения в прошлом беглых старообрядцев — «бухтарминцев» («каменщиков»), поселившихся в горном Алтае в XVII в.;

сбор этнографических данных о семейной и общественном быте, материальной культуре населения в прошлом и настоящем, а также вещественных материалов для пополнения фондов областного музея.

Экспедиция частично проехала по маршруту, предпринятому в конце 1920-х годов Е. Э. Бломквист и И. П. Гринковой и при подготовке поездки опиралась на опубликованные ими в 1930 г. материалы¹.

Члены экспедиции работали в двух сельских советах: Марксовском (деревни Коробиха, Печи, Черемошка, Усть-Язовая) и Беловском (деревни Белая, Язовая, Фыкалка, Чаловка, Верхнекатунь); д. Черновая.

На все ныне существующие в сельсоветах поселения были составлены поселенческие паспорта, которые сразу показали значительные изменения в национальном составе населенных пунктов. Если еще в 20-е годы исконные старообрядческие селения Коробиха, Белое, Печи, Язовое, Фыкалка по составу населения были русскими, то в настоящее время в некоторых из них русское население составляет менее 50%; в других наметилась возрастающая тенденция к его дальнейшему сокращению. Об этом говорят данные за последние 10 лет и возрастной состав русского населения.

Участники экспедиции работали и по тематическому вопроснику, включавшему ряд тем: история поселения (названия частей селения, улиц, концов, образование новых улиц, топонимика ближайших мест и т. д.); хозяйственная деятельность (сроки выполнения сельскохозяйственных работ и т. д.); семейные родословные, семейные и общественные праздники, трудовая обрядность; досуг молодежи в прошлом (посиделки, игры, гадания) и настоящем; обычаи взаимопомощи. Кроме того, они собирали для музея образцы мебели, домашней утвари, вышивки, одежды, паласы домашнего изготовления (алаши, сырмачи).

Собранные материалы свидетельствуют о том, что в семейном и общественном быту, а также в материальной культуре населения края произошли значительные изменения. И прежде всего за 50 с небольшим лет полностью исчезли два, по мнению Е. Э. Бломквист, важных фактора, веками способствовавших сохранению старых форм культурно-бытового уклада, — заповедь «хранить завет отцов» и «противостоять» городскому влиянию.

¹ См. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930.

Среди вещественных материалов большой интерес представляет изготовленная в конце XIX в. деревянная казахская кровать (получена в дар в с. Топкаин), украшенная по резьбе полихромной росписью.

Членов экспедиции интересовали также проблемы двуязычия населения края в прошлом и настоящем. В прошлом языком межнационального общения здесь был казахский, в настоящее время — русский. Но и сейчас русское население, выросшее в этих местах, владеет казахским языком, хотя пользуется им мало.

За время работы экспедиции сделаны фрагментарные (полностью не удалось восстановить, и мы не ставили такую задачу) записи песен и шуток, сопровождавших свадебный обряд, молодежные посиделки, игры, а также пословиц и поговорок.

Изучалась и пища, особенно обрядовая, в значительной степени сохранившая традиционные черты (*толстые шти, горошница*, белый кисель, различные виды каш, супов, чай со сливками, кутья из распаренной пшеницы, политой разбавленным водой медом, и др.).

Члены экспедиции отсняли десятки кадров слайдовой и черно-белой фотопленки. Все собранные материалы и фотопленки после обработки будут храниться в архиве кафедры этнографии исторического факультета МГУ (оригиналы) и в фондах Областного этнографического музея Восточного Казахстана (копии).

В полевой сезон 1987 г. экспедиция продолжит свою работу.

Т. П. Бочарова, Ю. И. Зверева

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

М. В. Крюков

КИТАЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О ТАКСОНОМИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Одним из основных положений современной теории этноса является представление о том, что этнические общности имеют, как правило, сложную иерархическую структуру. «Народы — это как бы основные единицы этнической классификации человечества», — писал по этому поводу Н. Н. Чебоксаров, — наряду с которыми можно выделять этнические общности таксономически более высокого и более низкого порядка¹. Весьма симптоматично, что, обобщая теоретические исследования, осуществленные в КНР за последние десятилетия, известный китайский этнограф Фэй Сяотун высказал недавно мысль о существовании трех уровней таксономической классификации народов Китая: 1) «чжунхуа миньцзу» (букв. «китайский народ» — термин, употребляемый в современной китайской литературе для обозначения совокупности всех этнических общностей на территории Китая); 2) «миньцзу» — китайцы, тибетцы, монголы и другие народы, общее число которых принимается в настоящее время равным 56; 3) «миньцзу чжиси» — обладающие определенной спецификой подразделения некоторых из этих народов (канба и аньдо — в составе тибетцев, красные и синие мяо и т. д.)².

Китайские этнографы впервые вплотную столкнулись с теоретическими проблемами таксономии этнических общностей в начале 1950-х годов, когда в КНР развернулась работа по определению этнического состава населения страны. Эти исследования в известной мере опирались на предшествующий эмпирический опыт. Известно, что уже в китайских исторических и географических сочинениях XVIII—XIX вв. можно обнаружить попытки не только охарактеризовать этническую специфику народов Китая, но и выделить внутри их этнические подразделения, а также сгруппировать народы по признаку их генетического родства³. К проблеме классификации народов Китая в конце XIX — начале XX в. в той или иной мере обращались европейские и американские ученые, проводившие в то время полевые этнографические исследования в различных районах Китая. Пользуясь в основном этими данными, М. И. Казанин осуществил в 1933 г. первый опыт обобщающей характеристики этнического состава населения Китая⁴. По мере развертывания китайскими этнографами в 1930—1940-х годах экспедиционной работы по изучению некоторых групп национальных меньшинств Китая предлагались новые варианты этнической классификации населения ряда районов страны. Этот процесс можно, в частности, отчетливо проследить на примере провинции Юньнань — одного из самых сложных по своему этническому составу регионов Китая⁵.

¹ Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Сов. этнография. 1967. № 4. С. 96.

² Фэй Сяотун. О понятии «этнос» // Миньцзу туаньцзе. 1986. № 6. С. 7 (эта и все упоминаемые ниже работы китайских авторов, кроме специально оговоренных, — на кит. яз.).

³ Конкретный материал см.: Ю Чжун. Древние народы юго-запада Китая. Куньмин, 1979.

⁴ Казанин М. И. Национальный состав Китая // Проблемы Китая, II, 1933.

⁵ См. Чжэн Мин. Об аборигенных народах окраин Юньнани // Синь чжунхуа. 1935. Т. 3. № 10; Ван Цзецин. Изучение народов Юньнани // Чжуншань вэньхуагуань цзикань

Начавшиеся в начале 1950-х годов систематические исследования, имевшие своей целью ответить на вопрос, сколько же народов населяет КНР и что представляют из себя эти народы, по своим масштабам были совершенно несопоставимы со всем, что в этой области было сделано ранее⁶. Еще более существенным было то, что работа по изучению этнического состава КНР осуществлялись на принципиально иной, чем прежде, методологической основе: это был период активного изучения китайскими этнографами старшего поколения марксистской теории и применения ее к конкретным проблемам этнического развития своей страны.

В центре внимания китайских ученых в те годы естественно оказалось понятие «этнос». Характерной особенностью определений этого понятия, имевших хождение в китайской науке 1930—1940-х годов, было, помимо всего прочего, недостаточно четкое противопоставление этноса и расы. Одним из первых на необходимость разграничить эти две научные категории со всей определенностью указал Ци Сыхэ⁷. Но в 1942 г. Ло Чанпэй по-прежнему писал: «В принципе классификация этноса должна строиться а материале трех видов — физический тип, культура, язык»⁸.

В 1950-х годах в основу методики изучения этнического состава населения Китая было положено известное сталинское определение нации. Оценивая результаты этой аботы на первом ее этапе, Линь Яохуа писал: «Этнос — историческая категория, он орождается конкретными историческими условиями. Четыре признака, сформулированные Сталиным, имеют отношение к нациям эпохи поднимающегося капитализма. Однако эти признаки не упали с неба, они сложились еще на докапиталистическом этапе азвития. Поэтому при разграничении общностей людей докапиталистической стадии акже необходимо исходить из четырех указанных признаков. Обращаясь к специфике Китая и конкретным особенностям народов Китая, нельзя не видеть, что до освобождения большинство из них все еще находилось на докапиталистической стадии, а перечисленные выше признаки — в процессе своего формирования. Поэтому в работе по определению этнического состава населения нельзя было применять эту формулировку до-матически, без учета своеобразия ее проявления. Необходимо было прибегнуть к методу конкретного анализа конкретных проблем»⁹. Таким образом, элементы критического отношения китайских этнографов к сталинской концепции объяснялись не осознанием ее органических недостатков, а лишь тем обстоятельством, что она недостаточно читывала специфику китайской действительности.

На первом месте в этом определении стоит, как известно, общность языка. Не случайно, по-видимому, ряд китайских ученых разделяет точку зрения, согласно которой язык — главный признак этноса¹⁰, а лингвистические обследования должны быть основной составной частью работы по определению этнического состава населения¹¹. Исходная позиция в данном случае заключается в том, что этнические границы в основном совпадают с лингвистическими и поэтому соотношение между группой родственных народов, этносом и субэтносом совпадает с иерархией группы родственных языков, языка и диалекта. Однако в понимании сущности этого совпадения обрисовываются две различные позиции.

Ма Сюэлян и Дай Цинся опубликовали в начале 1980-х годов две статьи, посвященные проблемам соотношения этноса и языка. Смысл первой из них сводится к тверждению необходимости изучать этнос через призму языка (эту специфическую область человеческого знания авторы предлагают называть «лингвоэтнографией»). Значение такого рода исследований демонстрируется в данном случае на примере народа хани: проведя сопоставительный анализ нескольких сравнительно немногочисленных групп, обычно рассматриваемых в качестве субэтносов, «мы с помощью линг-

936. Т. 4. № 3; *Лин Чуньшэн*. Географическое расселение народов Юньнани//Дили юэбао. 1936. Т. 3. № 3; *Чжан Фэнци*. Строительство в окраинных районах Юго-Запада этнографические исследования//Шиши юэбао. 1937. Т. 17. № 1; *Тао Юнькуй*. Современное расселение некоторых аборигенных народов Юньнани и оценка их численности//Тиши юйянь яньцзюэ цзикань. 1938. Т. 7. № 4; *Ло Чанпэй*. О классификации народов Юньнани с точки зрения их языка//Бяньчжэн гуьлунь. 1942. Т. 1. № 7—8 и др.

⁶ См об этом: *Линь Яохуа*. Некоторые насущные проблемы, стоящие перед китайскими этнографами в связи с разрешением национального вопроса в Китайской Народной Республике//Сов. этнография. 1956. № 3. С. 79—91.

⁷ *Ци Сыхэ*. Этнос и раса//Юйгун баньюэкань. 1937. Т. 7. № 1—3.

⁸ *Ло Чанпэй*. Указ. раб.

⁹ *Линь Яохуа*. Определение этнического состава населения юго-запада Китая//Оньнань шэхой кэсюэ. 1984. № 2. С. 2.

¹⁰ *Ма Сюэлян, Дай Цинся*. Язык и этнос//Миьнцзу яньцзю. 1983. № 1. С. 9.

¹¹ *Сюй Чжисэнь*. Лингвистические обследования в работе по определению этнического состава населения//Гуйчжоу миьнцзу яньцзю. 1983. № 3. С. 178.

вистических методов можем доказать, что эти имеющие различные наименования группы входят в состав хани»¹².

Вторая статья Ма Сюэляня и Дай Цинся посвящена обратной процедуре — изучению языка через призму этноса (этим, по мнению авторов, должна заниматься «этнолингвистика»). Вывод, сформулированный авторами, гласит: «Определить, с чем имеем дело — с языком или с диалектом, — можно, в основном лишь учитывая структуру соотноствующего этноса; лингвистические аргументы не являются в этом отношении решающими»¹³.

Среди китайских ученых есть сторонники как первого, так и второго подхода к проблеме соотношения этноса и языка. В сущности на первой точке зрения стоял свое время Тао Юнькуй, утверждавший, что «классификация этносов на основании критерия языка фактически представляет собой классификацию языков. Этнограф попросту берет результаты исследования лингвиста и использует их применительно к своим проблемам, не более того»¹⁴. Близко к этому мнение Ло Чанпэя: «Если исторические факты не противоречат полученным выводам и если географическое рассредоточение не привело к дезинтеграции племен, то допустимо рассматривать единство языка как доказательство этнического единства»¹⁵. Мао Цзунъю, Мэн Чаоцзи и Чжэн Цзунцзэ, характеризуя различия между диалектами группы буну (ну), считают, что «они уже почти достигли уровня самостоятельных языков»¹⁶. Но это значит, что лингвист располагает какими-то объективными основаниями для самостоятельного суждения о критериях разграничения языка и диалекта. И Сюй Чжисэнь формулирует их: «В общих чертах, различия между говорами невелики, они проявляются преимущественно в фонетике. Различия между диалектами более существенны; помимо значительных фонетических отклонений они отчасти затрагивают и лексику. Что же касается различий между родственными языками, то они еще более фундаментальны: это не только фонетические расхождения, но также большое количество несовпадающей лексики и, что еще важнее, различия в грамматическом строе и основном словарном фонде»¹⁷.

Наряду с этим есть среди китайских ученых и решительные сторонники противоположной точки зрения. «При разграничении близкородственных языков, — полагает, например, Чжоу Яовэнь, — необходимо исходить не только из степени различий между ними, но и из политических, экономических и культурно-исторических особенностей человеческих коллективов, говорящих на этих языках»¹⁸. По мнению Гай Синчжи, «как понимать соотношение между языком и диалектом, с помощью каких критериев различать их — это проблема не собственно лингвистическая, она имеет политический и историко-культурный аспект. Язык вовсе не отделен четким барьером от диалекта... Каких-то чисто лингвистических критериев для их разграничения не существует»¹⁹.

Если эти исследователи правы, то данные языка в сущности утрачивают значение для решения вопроса о вычленении основных единиц этнической таксономии, ибо в этом случае лингвист говорит этнографу: «Скажите мне, где проходит граница между этносом и субэтносами, и лишь после этого я скажу вам, что есть язык этого этноса и что — диалекты, свойственные этим субэтносам». Нетрудно видеть, что при таком подходе к проблеме этнограф оказывается в прочном логическом кругу: он пытается определить А через Б, которое в свою очередь выводится из А.

Возникает вопрос: располагает ли этнограф какими-то иными, помимо языка, критериями создания этнической классификации и выявления ее типологических уровней?

Линь Яохуа останавливается в этой связи на характеристике трех остальных признаков из числа упоминаемых в определении нации. Он утверждает, что «общность территории — основа формирования этноса и в то же время один из критериев разграничения народов»²⁰. Однако пример, приведенный автором для доказательства данного

¹² Ма Сюэлянь, Дай Цинся. О «лингвоэтнографии» // Миньцзусюэ яньцзю. 1981. Т. 1 С. 216.

¹³ Ма Сюэлянь, Дай Цинся. Язык и этнос. С. 13.

¹⁴ Тао Юнькуй. Указ. раб. С. 422.

¹⁵ Ло Чанпэй. Указ. раб. С. 213.

¹⁶ Мао Цзунъю, Мэн Чаоцзи, Чжэн Цзунцзэ. Краткий очерк языков яо. Пекин 1982. С. 117.

¹⁷ Сюй Чжисэнь. Указ. раб. С. 187.

¹⁸ Чжоу Яовэнь. Как разграничивать близкородственные языки? // Сборник статей по языкам национальных меньшинств. Пекин, 1958. Т. I. С. 48—49.

¹⁹ Гай Синчжи. Предварительное исследование языков группы мянь-и // Миньцзюэ сюэбао. 1982. № 2. С. 213.

²⁰ Линь Яохуа. Определение этнического состава населения юго-запада Китая С. 2.

гезиса, на мой взгляд, бьет мимо цели. Народ бэнлун, пишет Линь Яохуа, представлен в Юньнани многочисленными этнографическими группами, которые помимо этого живут также и в Индокитае. Они расселены чересполосно с тай в долинах и цзинпо в горных районах, и тем не менее сохранили свои собственные общетнические особенности²¹. Но это значит, что территория расселения как раз и не может использоваться здесь как критерий для разграничения народов бэнлун, тай и цзинпо.

В принципе то же можно сказать и о приводимом далее Линь Яохуа признаке общности экономической жизни, поскольку он признает: «В процессе определения этнического состава населения экономическое единство было выявлено достаточно отчетливо отнюдь не в каждом национальном районе»²². Следует сказать более определенно: экономические связи функционируют у малых народов Китая не на этническом, а на межэтническом уровне, они не противопоставляют и не разграничивают отдельные народы, а, напротив, связывают их по чисто территориальному принципу.

Иначе обстоит дело с тем, что в определении нации названо «общностью психического склада». Этот признак за последние годы привлекает все более пристальное внимание китайских этнографов. Ян Кунь еще в 1955 г. высказывал мысль о том, что этот признак этноса является наиболее важным²³. При этом содержание его толкуется сейчас в значительной мере иначе, чем раньше. Фэй Сяотун подчеркивает, что речь идет в данном случае о «признании людьми данного народа факта принадлежности к одной общности»²⁴ Пэн Инмин — об «этническом сознании»²⁵, Гу Сюэцзинь — о «сознании принадлежности к этносу»²⁶. Отмечается, что такое понимание данного признака этноса фактически совпадает с содержанием, вкладываемым советскими учеными в понятие «этническое самосознание»²⁷. Кстати говоря, сам этот термин постепенно начинает использоваться и китайскими этнографами²⁸.

Многие авторы признают, что значение этого признака этноса в китайской науке раньше недооценивалось. «Мы еще недостаточно глубоко и всесторонне осознали сущность данного признака. Поэтому в нашей работе было так, что мы обращали внимание на „особенности“ этноса в сфере обычаев и привычек, образа жизни и религиозных обрядов и забывали об этническом сознании», — писал Фэй Сяотун²⁹. «На протяжении длительного времени, — отмечает Пэн Инмин, мы в своих этнографических исследованиях зачастую обращали внимание на „четыре признака“ нации, но упускали из виду важнейшую черту этноса — его устойчивость», обеспечиваемую функционированием этнического самосознания³⁰.

Принципиальное значение имеет вывод, к которому пришли китайские этнографы: общность психического склада этноса (читай: этническое самосознание) возникает как отражение объективных свойств этноса, в том числе и языка, и поэтому завершение формирования этого этнического признака означает в то же самое время и завершение складывания этноса³¹. Соответственно, это и самый устойчивый из всех признаков этноса: «этническое сознание является отражением... „четырех признаков“ этноса — его языка, территории, экономической жизни и форм культуры, которые являются предпосылкой и условием появления и развития этнического сознания; однако этническое сознание вместе с тем обладает самостоятельностью и устойчивостью; раз возникнув, оно может существовать длительное время; даже если язык, территория и экономическая жизнь этноса претерпели изменения, сознание... может сохраняться и не исчезать без серьезных на то оснований»³². Поэтому в процессе дезинтеграции этноса и последовательной утраты им своих признаков этническое самосознание исчеза-

²¹ Там же.

²² Там же. С. 3.

²³ Ян Кунь. Этнос и этнография. Чэнду. 1983. С. 8.

²⁴ Фэй Сяотун. Об идентификации этнических общностей//Чжунго шэхой кэсюэ. 1980. № 1.

²⁵ Пэн Инмин. Об устойчивости этноса//Чжуннань миньцзу сюэюань сюэбао. 1981. № 1. С. 80.

²⁶ Гу Сюэцзинь. Роль общности психического склада в разграничении этнических общностей//Чжуннань миньцзу сюэюань сюэбао. 1984. № 1. С. 104.

²⁷ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 173.

²⁸ Хэ Шутао. Этническое самосознание в период социализма//Миньцзу яньцзю. 1984. № 2.

²⁹ Фэй Сяотун. Об идентификации этнических общностей. С. 155.

³⁰ Пэн Инмин. Указ. раб. С. 76.

³¹ Гу Сюэцзинь. Указ. раб. С. 103.

³² Пэн Инмин. Указ. раб. С. 82.

ет в последнюю очередь³³; «исчезновение его происходит в момент, когда дни этноса уже сочтены»³⁴. Все эти идеи непосредственно перекликаются с суждениями советских ученых о том, что качественные сдвиги в этническом самосознании совпадают с «критическими точками» в процессе возникновения, развития и гибели этноса³⁵.

Такое понимание сущности этнических признаков и их взаимосвязи не позволяет согласиться с рядом положений тех авторов, которые стоят на позициях «изучения языка через призму этноса». Так, Ма Сюэлян и Дай Цинся полагают, что «изменения языка протекают медленнее, чем изменения этноса»³⁶ и поэтому возможны такие ситуации, когда «некогда единый этнос разделился на части, а язык еще не успел претерпеть соответствующих изменений» и, наоборот, «в результате слияния двух этносов возник новый народ, но языки этих этносов все еще существуют как самостоятельные единицы»³⁷. И далее: «Формирование этноса — предварительное условие возникновения языка. Единый язык этноса может возникнуть только после того, как возникла сама этническая общность»³⁸.

Аналогичная точка зрения раньше высказывалась и в советской научной литературе. Последователи «нового учения о языке» в свое время сформулировали тезис о том, что «раньше должен оформиться народ, для того чтобы мог оформиться его язык. Оформление такого языка могло идти параллельно становлению народа, но не могло ему предшествовать»³⁹. Между тем разработка современной теории этноса и этнического самосознания как важнейшего признака такого типа общностей свидетельствует как раз об обратном. Процесс формирования этноса завершается с оформлением его самосознания, возникающего как отражение всех объективных свойств этнической общности (в том числе и языка). Не случайно и ряд китайских исследователей признают сегодня, что общее этническое самосознание не может возникнуть без общего языка⁴⁰.

Последний тезис сторонников «изучения этноса через призму языка» заслуживает пристального внимания. Функции языка как этнического признака заключаются в обеспечении коммуникативных связей внутри этноса. С этой точки зрения «пользуется ли этнос своим собственным языком или языком, заимствованным у другого народа, — это второстепенный вопрос»⁴¹. Поэтому возможны (и фактически зафиксированы) случаи, когда различные народы говорят на одном и том же языке. Иначе обстоит дело в тех случаях (обычно приводимых сторонниками «изучения языка через призму этноса» в качестве доказательства недостаточности собственно лингвистических средств для определения границ этноса), когда субэтнические подразделения одного народа говорят на различных языках. Некоторые из приводимых ими примеров явно неубедительны. Так, если монголы Внутренней Монголии используют в качестве родного языка монгольский, а монголы Юньнани — ицзу или китайский, то это свидетельствует лишь о том, что небольшая группа монголов, осевшая в Юньнани после завоевательных войн Хубилая, давно уже оторвалась от своего основного этнического массива и значительно продвинулась по пути ассимиляции, о чем как раз и говорит переход ее на язык численно преобладающего этнического окружения.

Гораздо более серьезным может на первый взгляд показаться другой пример. Яо говорят на трех совершенно разных языках — мяен (относимом китайскими лингвистами к группе языков яо), буну (группа языков мяо) и лаккья (группа кам-суй тайских языков)⁴². Но действительно ли это свидетельствует о несовпадении лингвистических и этнических границ? Каким образом у яо могли сложиться черты общности психического склада и единое самосознание, если известно, что в ответ на попытку яо-мяен объясниться на своем языке с яо-юньен, живущим неподалеку, собеседник лишь «широко открывает глаза и не может понять ни слова»?⁴³ Нельзя ли подойти

³³ Гу Сюэцзинь. Указ. раб. С. 103.

³⁴ Сюн Сиюань. Коротко о единстве психического склада нации//Миньцзу яньцзю. 1983. № 4. С. 7.

³⁵ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза//Расы и народы. 6. 1976. С. 58; Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 281; Волкова Н. Г. Этническая история: содержание понятия//Сов. этнография. 1985. № 5. С. 23.

³⁶ Ма Сюэлян, Дай Цинся. Язык и этнос. С. 9.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 12.

³⁹ Мещанинов И. И. Новое в учении о языке//Большевик. 1945. № 13. С. 41.

⁴⁰ Сюй Чжисэнь. Указ. раб. С. 188.

⁴¹ Линь Яохуа. Определение этнического состава населения юго-запада Китая. С. 2.

⁴² Ма Сюэлян, Дай Цинся. Язык и этнос. С. 9.

⁴³ Ло Цзигуан. Языки гуансийских яо//Чжунго юйвэнь. 1953. Март. С. 33.

Классификация диалектов мяо

Диалект	Субдиалект	Говор
I. Восточный («казшон»)	1. Восточный	А. Южный Б. Центральный В. Северный
	2. Западный	А. Восточный Б. Западный
II. Центральный («хму»)	1. Северный	А. Северный Б. Центральный В. Южный Г. Восточный
	2. Южный	
III. Западный («хмон»)	1. Первый	А. Первый Б. Второй
	2. Второй	
IV. Северо-восточно-юнь-наньский («ахмау»)		
V. Южно-центрально-гуйчжоуские		

к объяснению данной ситуации с другого конца и предположить, что говорящие на различных языках яо вообще не являются единым этносом? Ведь не случайно же даже Ма Сюэлян и Дай Цинся, утверждая, что «различия в языке одного и того же народа, как бы они ни были значительны, все же воспринимаются как свойственные различным диалектам одного и того же языка», тем не менее признают возможным функционирование языка как внутриэтнического коммуникативного механизма только в том случае, если эти различия не превышают «определенных пределов» ⁴⁴.

Каковы же эти пределы? Представляется, что некоторые китайские лингвисты вплотную подошли к определению верхнего предела различий в языке одного народа. Еще в 1956 г. на научной конференции в г. Гуйяне, посвященной проблемам языка и письменности мяо, в докладе Второй экспедиции АН КНР по изучению языков национальных меньшинств термин «говор» употреблялся для характеристики ситуаций, когда различия, проявляющиеся только в фонетике, не препятствуют взаимопониманию, а «субдиалект» — когда носители одного диалекта не могут полностью понимать друг друга ⁴⁵.

Разумеется, степень взаимопонимания представляет собой некий континуум, изменения в котором происходят постепенно. Так, характеризуя лингвистическую ситуацию у мяо, авторы монографии о языках мяо-яо писали: «Мяо — выходцы из разных диалектных районов не могут общаться между собой на своем языке. Они с трудом до стигают взаимопонимания даже после того, как длительное время проживают совместно. Когда мяо из субдиалектных районов чуаньяньдяньского диалекта впервые сталкиваются друг с другом, они также не могут разговаривать между собой на своих субдиалектах... однако общение становится возможным после более или менее длительного совместного проживания. Что же касается говоров... то хотя люди, пользующиеся ими, в первый момент испытывают некоторые затруднения, но через непродолжительное время уже могут общаться друг с другом» ⁴⁶.

⁴⁴ Ма Сюэлян, Дай Цинся. Язык и этнос. С. 14.

⁴⁵ Проблемы разграничения диалектов мяо и создания мяоской письменности. Гуйян, 1956.

⁴⁶ Краткий очерк языков национальных меньшинств Китая. Языки мяо-яо. Пекин, 1959. С. 3.

Выясняется, что указанная градация степеней взаимопонимания может быть выражена в исчисляемых единицах, например в процентном соотношении общей лексики. Обратимся к одному из вариантов классификации диалектов мяо (см. табл. на с. 149) ⁴⁷.

Доля общей лексики в диалектах мяо в среднем равна 35,7%:

	I	II	III	IV
I —		41,8	28,6	24,4
II —		—	34,4	30,1
III —		—	—	54,9
IV —		—	—	—

Тот же показатель на уровне субдиалектов составляет в среднем 62,7%:

I			II			III		
1	1	2	1	1	2	1	1	2
2	—	64,2	2	—	60,8	2	—	63,2

Наконец, говоры имеют в среднем по 80,3% общей лексики:

I-1				I-2		
	A	Б	В		A	Б
A	—	80,8		A	—	93,9
Б	—	—	81,0	Б	—	—
В	—	—	—			

II-1					III-1		
	A	Б	В	Г		A	Б
A	—	81,6	73,7	72,7	A	—	78,5
Б	—	—	—	—	Б	—	—
В	—	—	—	—			
Г	—	—	—	—			

Где же проходит та грань, за которой, говоря словами Сюй Чжисэня, «количественные изменения переходят в качественные»? ⁴⁸ На примере мяо можно видеть, что максимальный уровень различий в лексике, при котором, несмотря на затруднения, все же возможно взаимопонимание как условие, обеспечивающее непосредственное общение членов этнической общности, составляет примерно 50%. Для общей лексики, представленной в «диалектах» мяо (35,7%), заведомо недостаточна для поддержания внутриэтнической коммуникации, но тот же показатель «субдиалектов» удовлетворяет этому требованию. Тем самым подтверждается вывод о том, что «квалификация трех (иногда четырех) основных разновидностей языков мяо как диалектов единого языка мяо представляется спорной. Генетически эти диалекты мяо, конечно, тесно связаны между собой. Однако они функционируют в настоящее время подобно вполне самостоятельным языкам» ⁴⁹.

Аналогичная картина обнаруживается при рассмотрении соотношения «диалектов» языка буну (ну), относимого к группе мяо. Для этого мы можем воспользоваться данными, опубликованными Чжан Цзымином, Сюй Чжисэнем и Ли Цзюэвэем. Они обследовали лексику цяньгуйского (I) (в трех локальных вариантах) и гуйчжоуского (II) «диалектов» буну ⁵⁰.

⁴⁷ Проблемы разграничения диалектов мяо и создания мяоской письменности. С. 3—5.

⁴⁸ Сюй Чжисэнь. Указ. раб. С. 187.

⁴⁹ Москалев А. А. Язык дуаньских яо (язык ну). М., 1978. С. 17.

⁵⁰ Чжан Цзыминь, Сюй Чжисэнь, Ли Цзюэвэй. Язык гуйчжоуских яо//Гуйчжоу миньцзу яньцзю. 1983. № 3. С. 198—199.

I				II
	1	2	3	
I 1	—	52,6	64,0	40,7
2	—	—	63,4	35,6
3	—	—	—	41,9
II	—	—	—	—

Здесь доля общей лексики двух «диалектов» равна в среднем 39,4% (тот же показатель для трех вариантов цянгуйского «диалекта» — 60,0%), а это означает, что «выделенные китайскими лингвистами пять диалектов группы ну (все они бесписьменны) по существу функционируют подобно вполне самостоятельным языкам»⁵¹. Это мнение, судя по всему, высказывалось и раньше, потому что авторы монографии о языках мяо-яо стремятся опровергнуть его. «Можно предвидеть, — пишут они, — что в будущем расхождения между диалектами не будут углубляться, а черт их сходства, напротив, будет с каждым днем все больше. Если мы концентрируем внимание на различиях между диалектами, сложившихся в прошлом, и не учитываем тенденцию развития, то это безусловная ошибка»⁵². Трудно согласиться с такой точкой зрения. Разумеется, не исключено, что в будущем действительно будет происходить процесс сближения языков буну; мы, однако, говорим сейчас о классификации языков народов Китая в том виде, в каком они сложились к настоящему времени.

Для сравнения укажем, что лексические сходства между тремя основными диалектами языка ли на о. Хайнань, по данным Оуян Цзюэя и Чжан Ицина⁵³, составляют 73,6%, т. е. их уровень гораздо выше критического рубежа взаимопонимости, и поэтому квалификация разновидностей языка ли как диалектов вполне оправдана. Это соответствует и зафиксированному авторами монографии факту: люди, говорящие на этих диалектах, «не испытывают значительных затруднений во взаимном общении»⁵⁴.

Обратим в связи с этим внимание на следующее важное обстоятельство. Как это неоднократно подчеркивается китайскими лингвистами, «разграничение диалектов во многих языках национальных меньшинств Китая тесно связано с субэтническими подразделениями, причем границы тех и других зачастую совпадают»⁵⁵. Характеризуя ясные «диалекты» группы мянь, Мао Цзунъю, Мэн Чаоцзи и Чжэн Цзунцзэ отмечают, что они выделяются не по территориальному признаку, а в соответствии с этническими самоназваниями⁵⁶.

К сожалению, в прошлом в китайской этнографической науке не уделялось достаточного внимания изучению этнических самоназваний. Более того, многие авторы прямо предостерегали от переоценки их роли: «Что касается людей, говорящих на одном языке, хотя и живущих на разных территориях, использующих разные диалекты и имеющих различные самоназвания, то при наличии общности политических, экономических и культурных особенностей нельзя только на основании самоназваний членить единый язык»⁵⁷. Как видим, здесь сторонники «изучения языка через призму этноса» вступают в противоречие со своей собственной концепцией, отказываясь от всестороннего учета ведущего этнического признака — самосознания этноса, проявляющегося в его самоназвании. Гораздо более убедительной представляется позиция тех лингвистов, которые признают «исключительно важное значение самоназваний народов в работе по определению этнического состава населения»⁵⁸. Некоторые этнографы идут еще дальше. Ян Кунь, например, уверен, что эту работу «вообще нужно начинать с выявления этнических самоназваний»⁵⁹.

⁵¹ Москалев А. А. Указ. раб. С. 13.

⁵² Краткий очерк языков национальных меньшинств Китая. С. 97.

⁵³ Оуян Цзюэя, Чжан Ицин. Краткий очерк языка ли. Пекин, 1980. С. 98.

⁵⁴ Там же. С. 88.

⁵⁵ Ма Сюэлян, Дай Цинся. Язык и этнос. С. 12.

⁵⁶ Мао Цзунъю, Мэн Чаоцзи, Чжэн Цзунцзэ. Указ. раб. С. 71.

⁵⁷ Чжоу Яовэнь. Указ. раб. С. 50—51.

⁵⁸ Сюй Чжисэнь. Указ. раб. С. 180.

⁵⁹ Ян Кунь. Этнос и субэтнические подразделения//Чжунъян миньцзу сюэюань сюэбао. 1984. № 4. С. 87.

Но зададимся вопросом: что же представляет собой обладающая самоназванием этническая общность в условиях, когда подразделения более низкого и более высокого уровня таких самоназваний не имеют? Это, несомненно, основная единица этнической таксономии — этнос, народ. И поэтому отнюдь не случайно, что самоназвания имеют те группы, в языке которых межгрупповые различия превышают рубеж 50% всей лексики. Именно так обстоит дело с упоминавшимися выше «диалектами» (языками) мяо и буну; вполне четкая корреляция между долей общей лексики и наличием самоназваний прослеживается и у мяо южной части Гуйчжоу⁶⁰:

Самоназвание группы	1	2	3	4
1 Камэ	—	48,5	46,0	39,0
2 Хмонг	—	—	44,2	41,6
3 Мханг	—	—	—	43,9
4 Ахмоз	—	—	—	—

Речь идет здесь, разумеется, о самоназваниях, а не об экзоэтнонимах, т. е. наименованиях, данных со стороны. Последние в принципе не имеют отношения к сфере выражения этнического самосознания. Более того, экзоэтнонимы сплошь и рядом неадекватно отражают реальные этнические границы, ошибочно объединяя народы, которые сами по себе четко осознают себя самостоятельными общностями. Примером такого рода могут быть лоба, проживающие в юго-восточной части Тибета⁶¹. Лоба по-тибетски означает «южанин», но общность, фигурирующая под этим экзоэтнонимом, не имеет общего самоназвания и состоит из нескольких подразделений, называющих себя по-разному — богар, нинбо, иду и др. При этом доля общей лексики в языке богар и иду составляет 14,0%⁶². Это означает, что богар и иду не только не диалекты одного языка (в диалектах тибетского языка, например, совпадает около 80% слов⁶³), но даже не близкородственные языки.

Особый случай возникновения экзоэтнонимов — искусственное распространение самоназвания народа на близкородственные ему этнические общности, имеющие иные самоназвания. В качестве самостоятельного народа китайские этнографы выделяют сейчас общность, называемую по-китайски булан. Однако самоназвание «планг» распространено лишь у части этой общности в Сишунбанна; в уездах Шуанцзян и Ланьцан булан называют себя «ава», «рик», «утир», а в уезде Юнда — «у»⁶⁴. Ли Даюэн считает заслуживающим внимания то обстоятельство, что одно и то же самоназвание «ава» имеет, с одной стороны, подразделение булан, с другой — одна из групп близкородственного булан народа «ва»⁶⁵; этот факт действительно немаловажен.

Пример булан не является исключением. Так, китайцы называют «мяо» одну из этнических групп населения о. Хайнань, но она имеет самоназвание «киммун», объединяющее ее с носителями одной из разновидностей языка яо (доля общей лексики в языке хайнаньских мяо и яо-мыен — 47,7%, хайнаньских мяо и мяо-хму из Кайли — лишь 16,8%⁶⁶). С другой стороны, экзоэтноним «яо», восходящий к общему компоненту самоназваний этнических групп, говорящих на разновидностях языка мыен, начиная с позднего средневековья был распространен китайцами на народы, имеющие совершенно иные самоназвания — буну (в разных фонетических вариантах), ну мхоу, кьонгнай, лаккья и т. д. Авторы монографии «Краткая история яо» считают, что это не имеет существенного значения: «Правители прошлого использовали различия в этих наименованиях, чтобы искусственно создавать внутриэтнические противоречия и тем самым достичь своей цели „разделяй и властвуй“». Хотя самоназвания и экзоэтно-

⁶⁰ Проблемы разграничения диалектов мяо и создания мяоской письменности. С. 3—5.

⁶¹ Национальные меньшинства Китая. Пекин, 1981. С. 283.

⁶² Сунь Хункай. Общие сведения о языке лоба-иду//Миньцзу юйвэнь. 1983. № 6. С. 63.

⁶³ Цюй Айтан. Общие сведения о тибетском языке//Чжунго юйвэнь. 1963. № 6. С. 524—525.

⁶⁴ Чжоу Чжичжи, Янь Цисян. Общие сведения о языке булан//Миньцзу юйвэнь. 1983. № 2. С. 71.

⁶⁵ Ли Даюэн. Коротко о мон-кхмерских языках Китая//Юньнань миньцзу сюэбао. 1984. № 3. С. 54.

⁶⁶ Янь Сюэцзюнь. Пример изучения этнической истории на основе сочетания лингвистических и этнографических данных//Сб. статей по языкам национальных меньшинств. 1958. Т. 1. С. 47.

нимы подразделений яо различны и даже язык их имеет свои особенности, в процессе длительного исторического развития этот народ имел общие судьбы и единство психического склада, „яо“ всегда было его общим этническим наименованием, и он сложился в единую и неделимую этническую общность»⁶⁷. Несмотря на весьма решительный тон этого утверждения, оно тем не менее не может считаться бесспорным хотя бы потому, что на языке лаккья, включаемых в единую общность яо, высказывание «Ты — яо? Он — яо» может быть выражено лишь в форме «Ма тук хуай тук лаккья? Лак ток лаккья» («Ты — лаккья? Он — лаккья») ⁶⁸.

Недооценкой значения самоназваний объясняется и выдвигаемый некоторыми лингвистами тезис, будто бы различия между диалектами одного языка могут быть иногда более значительными, чем различия между одним из этих диалектов и другим близкородственным языком. Так, по мнению Ма Сюэляня и Дай Цинся, расхождения между северным и южным диалектами языка чжуан больше, чем между северным диалектом языка чжуан и языком бун ⁶⁹. Однако уместно в этой связи привести размышления Фэй Сяотуня о методах обследования народов Южного Китая в первые годы работы по определению этнического состава населения страны. «На том этапе, помнится, мы изучали каждый народ в отдельности... Хотя применение такого метода диктовалось конкретными потребностями того периода, он имел как достоинства, так и многочисленные недостатки, — вспоминал Фэй Сяотун в 1982 г. — В Гуйчжоу тогда был народ, называемый «чжунцзя». Сам он был против такого наименования, поэтому было принято название «бун». Говорили бун на чжуанском языке. После того как бун были официально признаны государством в качестве самостоятельного народа, делегация из центра прибыла в Гуанси и чжуан также были признаны самостоятельным национальным меньшинством. Так бун и чжуан, признанные в разное время, стали двумя народами. Я вовсе не хочу сказать, что они один народ, но причины того, почему они стали двумя народами, заслуживают внимания» ⁷⁰.

Действительно, экзоэтноним «бун», восходящий к самоназванию «буай», оказался распространённым и на другие близкородственные этнические группы с самоназваниями «бучжуан», «буроао», «бутаи» и т. д. Но в составе народа чжуан также признается существование подразделений с самоназваниями «бучжуан», «буай», «бунун», «бутаи» ⁷¹. Вряд ли после этого следует удивляться тому, что языковые различия внутри группы «буай», населяющей юг Гуйчжоу и север Гуанси и оказавшейся разделенной на две части, менее значительны, чем в сравнении с другими группами.

Итак, результаты этнографических и лингвистических исследований, проводившихся китайскими учеными на протяжении последних 30 с лишним лет, подтверждают, что по крайней мере в пределах групп близкородственных народов границы основных таксонов этноса и языка совпадают. Языковой материал, привлекаемый для построения этнолингвистической классификации, обладает тем бесспорным преимуществом, что он дает возможность измерить типологическую дистанцию между этими таксонами в объективно исчисляемых единицах (например, в процентном соотношении лексических схождений). Другие признаки этноса (черты материальной и духовной культуры, например) в принципе не поддаются подобному измерению. Кроме того, черты материальной культуры соотносятся с определенным этносом не так четко, как язык. Поэтому классификация элементов культуры дает в конечном итоге совершенно иную систему — хозяйственно-культурные типы, ареалы которых вообще не совпадают с этническими границами.

Для выявления таксономии этнических общностей и главным образом для определения основных ее подразделений — этносов (народов) решающее значение имеет такой признак этноса, как этническое самосознание, проявляющееся в общем самоназвании. Закономерно, что ареалы самоназваний достаточно точно совпадают с ареалами тех лингвистических таксонов, в пределах которых высокая доля общей лексики (более 50%) обеспечивает коммуникативную функцию языка.

Многие общие и частные проблемы таксономии этнических общностей в Китае еще ждут своего решения. Отражением этого является тот факт, что работа по определению этнического состава населения страны еще отнюдь не завершена ⁷². По сло-

⁶⁷ Краткая история народа яо. Наньнин, 1983. С. 11.

⁶⁸ Мао Цзунъю, Мэн Чаоци, Чжэн Цзунцзе. Указ. раб. С. 162—170.

⁶⁹ Ма Сюэлянь, Дай Цинся. Язык и этнос. С. 12.

⁷⁰ Фэй Сяотун. Поддерживая идею комплексного обследования народов бассейна реки Миньцзу сюэбао. 1982. № 2. С. 2.

⁷¹ Национальные меньшинства Китая. С. 500.

⁷² Линь Яохуа. Определение этнического состава населения юго-запада Китая. С. 5.

вам Гу Сюэцзиня. «сейчас никто не может взять на себя смелость утверждать, что в Китае действительно проживает только 56 народов»⁷³. И главной проблемой в этом отношении по-прежнему остается соотношение между этносом и субэтническим подразделением. «Анализ и сравнительное изучение объективно существующих групп внутри этноса будет способствовать уяснению длительного исторического процесса этнической дифференциации и ассимиляции, что открывает путь к пониманию закономерностей развития этноса»⁷⁴ — с этим выводом одного из ведущих китайских этнографов Ян Куня вполне можно согласиться.

⁷³ Гу Сюэцзинь. Указ. раб. С. 102.

⁷⁴ Ян Кунь. Этноты и субэтнические подразделения. С. 85.

С. Г. Чантуришвили

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДРЕВНИХ ГРУЗИНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ХРОНИК

(Новейшие издания в русском переводе хроник
из свода грузинских летописей) *

«Картлис цховреба»¹ является одним из важнейших письменных источников для древней и средневековой истории не одной только Грузии, но и Кавказа в целом, а также примыкающих к нему обширных регионов — Южной России и Передней Азии. В ней мы находим сведения и об их социальной и этнокультурной истории, об этнических процессах, протекавших в различных формах и направлениях. Эта сторона «Картлис цховреба» до сих пор исчерпывающе не исследована.

Необходимость использования свода «Картлис цховреба» для воссоздания исторического прошлого народов Кавказа признавалась всегда. Но тут же возникали непреодолимые препятствия, главные из которых — языковой барьер и отсутствие в прошлом сколько-нибудь удовлетворительного, критически осмысленного текста при наличии многочисленных списков свода. Впервые «Картлис цховреба» был переведен на французский язык грузиноведом — академиком М. И. Броссе². Вплоть до последнего времени это было единственное, давно ставшее библиографической редкостью издание, которым пользовались исследователи, не владевшие древнегрузинским языком. Недостатком издания М. И. Броссе было то, что перевод осуществлен на основе позднейших списков свода, составленных не ранее XVIII в., без учета списков XV—XVII вв.

Широкому кругу русских исследователей «Картлис цховреба» стал доступен по публикациям М. Джанашивили (конец XIX в.).³ В предисловии к «Жизни картлийских царей» Г. В. Цулая пишет, что «работа Джанашивили сыграла в свое время положительную роль в деле ознакомления широких масс читателей с содержанием древних грузинских источников... Однако фрагментарность, слабая комментированность переводов (в значительной части пересказов), к тому же осуществленных по критически непроверенному оригиналу, значительно снижали научную ценность работы М. Джанашивили, и исследователи обращались к ней в редких случаях» (I, с. 14). Только советское время благодаря усилиям целого ряда историков стало возможным всестороннее изучение «Картлис цховреба».

* Картлис цховреба (История Грузии). I. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана/Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарий Цулая Г. В. М., 1979. 102 с.; II. Летопись Картли/Перевод, введение и примечания Цулая Г. В. Тбилиси, 1982. 112 с.; III. Джунаншер Джунаншерияни. Жизнь Вахтанга Горгасала/Перевод введение и примечания Цулая Г. В. Тбилиси, 1986. 150 с. В дальнейшем ссылки даются в тексте с указанием номеров работ и страниц.

¹ Картлис цховреба (История Грузии)/Грузинский текст, установленный по всеобщим рукописям С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. Т. I.

² Brosset M. Histoire de la Géorgie. SPb., 1849. Т. I.

³ См. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России, Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. XXII.

вам Гу Сюэцзиня. «сейчас никто не может взять на себя смелость утверждать, что в Китае действительно проживает только 56 народов»⁷³. И главной проблемой в этом отношении по-прежнему остается соотношение между этносом и субэтническим подразделением. «Анализ и сравнительное изучение объективно существующих групп внутри этноса будет способствовать уяснению длительного исторического процесса этнической дифференциации и ассимиляции, что открывает путь к пониманию закономерностей развития этноса»⁷⁴ — с этим выводом одного из ведущих китайских этнографов Ян Куня вполне можно согласиться.

⁷³ Гу Сюэцзинь. Указ. раб. С. 102.

⁷⁴ Ян Кунь. Этноты и субэтнические подразделения. С. 85.

С. Г. Чантуришвили

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДРЕВНИХ ГРУЗИНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ХРОНИК

**(Новейшие издания в русском переводе хроник
из свода грузинских летописей) ***

«Картлис цховреба»¹ является одним из важнейших письменных источников для древней и средневековой истории не одной только Грузии, но и Кавказа в целом, а также примыкающих к нему обширных регионов — Южной России и Передней Азии. В ней мы находим сведения и об их социальной и этнокультурной истории, об этнических процессах, протекавших в различных формах и направлениях. Эта сторона «Картлис цховреба» до сих пор исчерпывающе не исследована.

Необходимость использования свода «Картлис цховреба» для воссоздания исторического прошлого народов Кавказа признавалась всегда. Но тут же возникали непреодолимые препятствия, главные из которых — языковой барьер и отсутствие в прошлом сколько-нибудь удовлетворительного, критически осмысленного текста при наличии многочисленных списков свода. Впервые «Картлис цховреба» был переведен на французский язык грузиноведом — академиком М. И. Броссе². Вплоть до последнего времени это было единственное, давно ставшее библиографической редкостью издание, которым пользовались исследователи, не владевшие древнегрузинским языком. Недостатком издания М. И. Броссе было то, что перевод осуществлен на основе позднейших списков свода, составленных не ранее XVIII в., без учета списков XV—XVII вв.

Широкому кругу русских исследователей «Картлис цховреба» стал доступен по публикациям М. Джанашивили (конец XIX в.).³ В предисловии к «Жизни картлийских царей» Г. В. Цулая пишет, что «работа Джанашивили сыграла в свое время положительную роль в деле ознакомления широких масс читателей с содержанием древнегрузинских источников... Однако фрагментарность, слабая комментированность переводов (в значительной части пересказов), к тому же осуществленных по критически непроверенному оригиналу, значительно снижали научную ценность работы М. Джанашивили, и исследователи обращались к ней в редких случаях» (I, с. 14). Только в советское время благодаря усилиям целого ряда историков стало возможным всестороннее изучение «Картлис цховреба».

* Картлис цховреба (История Грузии). I. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана/Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарий Цулая Г. В. М., 1979. 102 с.; II. Летопись Картли/Перевод, введение и примечания Цулая Г. В. Тбилиси, 1982. 112 с.; III. Джуаншер Джуаншерияни. Жизнь Вахтанга Горгасала/Перевод введение и примечания Цулая Г. В. Тбилиси, 1986. 150 с. В дальнейшем ссылки даются в тексте с указанием номеров работ и страниц.

¹ Картлис цховреба (История Грузии)/Грузинский текст, установленный по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. Т. I.

² Brosset M. Histoire de la Géorgie. SPb., 1849. Т. I.

³ См. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. XII.

Ценность рецензируемых работ Г. В. Цулая, во-первых, в том, что автор впервые дал максимально приближенный к оригиналу русский перевод ранних наиболее сложных частей «Картлис цховреба»; во-вторых, что не менее важно, Г. В. Цулая снабдил каждую из своих публикаций обстоятельными введениями, а также скрупулезно составленными комментариями (в общем более 500); при этом значительная часть комментариев представляет собой небольшие этюды, лаконично излагающие историю исследуемого вопроса, в которых высказана самостоятельная авторская точка зрения. Отметим, что исследовательская часть публикаций Г. В. Цулая в целом значительно превосходит объем собственно переводов. Таким образом, перед нами не только переводы памятников древнегрузинской нарративной литературы, что само по себе уже трудно переоценить, но и их исследование в различных аспектах: историческом, источниковедческом, этнокультурном и т. д.

Этнокультурный аспект является основным направлением всего авторского комментария. Г. В. Цулая показал, что материалы для этнокультурной истории грузин и других народов Кавказа в раннем цикле «Картлис цховреба» обнаруживаются не только в прямых свидетельствах; немаловажное значение имеют и свидетельства побочного характера. Так, обосновывая мысль, что творческое наследие Леонти Мровели не зависит от «Жизни Вахтанга Горгасала» Джунаншера Джунаншершериани, Г. В. Цулая указывает на различие и даже, по его словам, диаметрально противоположность культурно-идеологического содержания произведений этих авторов XI в., а также особенности отражения ими этнического развития грузин и контактировавших с ними народов Кавказа.

В рецензируемых работах показаны взаимоотношения грузин с другими народами Кавказа в древности и средневековье. Так, в сочинении Леонти Мровели, которым открывается свод древнегрузинских летописей, особое место уделено династическим связям правящей элиты Грузии с высшей знатью народов Северного Кавказа и Закавказья. При этом, подобные сведения порой встречаются сразу после упоминания того или иного народа. Примером может служить первое в грузинских источниках упоминание вайнахов (чеченцев, ингушей) — дурдзуков. Анализируя это обстоятельство, Г. В. Цулая увязывает его с тем, что в грузинской устной исторической традиции вполне могли существовать предания о связях восточногрузинских племен с вайнахами «еще до упоминания последних в письменной литературе». На это, по его мнению, должно указывать также наличие в сочинении Леонти Мровели «отца» — Тирет — эпонима предков вайнахов Дурдзука (I, с. 54, 63). Установление же династических связей, как бы легендарны они ни были, служило свидетельством тесных союзнических контактов, но для самого летописца выявление таких связей не было самоцелью. Наоборот, исторический факт прошлого интересует Леонти Мровели «постольку, поскольку он может быть образцом политического союза современной ему Картли с государственными образованиями Северного Кавказа» (I, с. 63). И действительно, когда народам Кавказа династические связи навязывались насильственно, возникали резкие конфликты, как это зафиксировано в «Летописи Картли» (II, с. 47, 79).

Г. В. Цулая останавливается на исторически очень важных проблемах междоусобных войн в среде народов Кавказа, занимающих столь значительное место на страницах всего свода «Картлис цховреба». При изучении текста «Летописи Картли» автор опирается на уже высказанное заключение⁴, согласно которому войны между народами Кавказа существенно отличались по своему характеру от войн с иноземными завоевателями: «Иноземный враг ставит целью разорение, наложение дани, порабощение и ликвидацию страны. Войны между кавказскими народами — это преимущественно *войны домашние*, исход которых предполагает не завоевание и порабощение, а объединение родственных народов под гегемонией того или иного участника» (III, с. 12—13). В своей исследовательской части автор показал, что эта особенность «домашних войн» народов Кавказа была характерна и для эпохи, о которой писал Леонти Мровели, автор XI в.

Интересны высказывания Г. В. Цулая относительно эволюции содержания этнонима картвели — картлиец, который лег в основу современного самоназвания грузин, хотя значение данного этнонима в труде Леонти Мровели ограничено в основном восточной частью Грузии — Картли (античная Иберия). Раздельное упоминание картлийцев (картвели) и эгров (мегрело-чанов) «относить к XI в. можно с известными оговорками, так

⁴ Бердзенишвили Н. А. О грузинской историографии // Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1966. Т. VIII. С. 329 (на груз. яз.).

как в этот период этническая консолидация грузинской феодальной народности достигла сравнительно высокого уровня. Именно в это время под термином „картвели“ стали подразумевать не только собственно картлийцев, но грузин в целом и даже многочисленное некартвельское население Грузинского царства, т. е. название „картвели“ в известном смысле имело политическое содержание» (I, с. 44). И вместе с тем автор утверждает, что перевод «Картли» и «картвели» из сочинения Леонти Мровели (а тем более его предшественников) на русский язык в форме «Грузия» и «грузин» является анахронизмом. Названию «Грузия» соответствует «Сакартвело», впервые засвидетельствованное в «Истории царя Давида» (I, с. 40, 44). Лишь в «Жизни Вахтанга Горгасала», говорит Г. В. Цулая, «мы фактически впервые встречаемся с терминами *Картли* и *картвели*, которые в ряде случаев надо воспринимать не в значении Восточной Грузии и ее жителя, как это имеет место в сочинении Леонти Мровели (хотя и в сочинении Джуншера данное значение пока еще преобладает), а соответственно *Грузия* и *грузин* в широком смысле этих понятий» (III, с. 13, 123, примеч. 22).

В результате исследования начальной части «Картлис цховреба» выявлен основной ее мотив — интеграция разрозненных грузинских земель и племен в объединенное государство. При этом автор пишет, что еще в первом упоминании грузинского источника о государственном объединении Восточной и Западной Грузии важное место отводится овсам и лекам — соседним негрузинским племенам (I, с. 63). Это свидетельство грузинского источника, которое современные исследователи обоснованно считают воплощением политической программы Леонти Мровели⁵, служит одним из лучших доказательств прогрессивности идеи древнегрузинских историков о значительной роли некартвельских племен в процессе консолидации отдельных грузинских политических единиц в объединенное Грузинское царство. Рецензируемые публикации содержат об этом множество материалов; наиболее ярко показана роль Абхазского царства в истории Грузии. Этот вопрос Г. В. Цулая исследовал достаточно убедительно. Он привлек древнеармянскую версию «Картлис цховреба», что позволило окончательно решить бывшую долгое время спорной проблему о характере создания на рубеже VIII—IX вв. Абхазского царства. Возникновение этого государственного образования, сыгравшего выдающуюся роль в формировании объединенного Грузинского царства, Г. В. Цулая считает — и, думаю, достаточно обоснованно — не результатом завоевания правителями Абхазского княжества территории Западной Грузии, а следствием процесса их воссоединения (II, с. 31—34).

До сих пор не до конца ясен вопрос об объеме и атрибуции некоторых письменных памятников, составивших ранний цикл свода «Картлис цховреба». Так, Г. В. Цулая утверждает, что традиционно принятый объем труда Джуншера Джуншеряни нуждается в текстологическом пересмотре. Сама эта идея не нова. Еще П. И. Ингорквва считал, что финальная часть «Жизни Вахтанга Горгасала» представляет собой не что иное, как эксцерпт⁶. Но до сих пор не было дано конкретного ответа на вопрос об объеме и составе этого эксцерпта. Г. В. Цулая устанавливает, что та часть «биографии» Горгасала, в которой описаны гибель и погребение картлийского царя, и является завершением труда Джуншера Джуншеряни (III, с. 45 сл.). Остальную часть «Жизни Вахтанга Горгасала» до описания походов арабов в Западную Грузию в 30-х годах VIII в. включительно автор называет «Исторической хроникой» Псевдо-Джуншера (III, с. 46), разделяя ее на две самостоятельные части, принадлежащие, по его мнению, двум различным авторам. «Первая часть „Исторической хроники“ Псевдо-Джуншера, — пишет Г. В. Цулая, — кончается, вероятно, там, где начинается повествование о политической активизации арабов-мусульман» (III, с. 46). Это утверждение аргументируется прежде всего данными культурно-политического порядка. По мнению автора, в обеих частях «Исторической хроники» Псевдо-Джуншера описаны различные культурные и политические тенденции. Так, если в первой части картлийские феодалы свои сепаратистские права обосновывали «пожалованными грамотами» персидских царей и тем самым игнорировали политическую и культурную программу Вахтанга Горгасала, то во второй — владетельные феодалы, борясь против консолидирующих сил в Грузии, стали связывать свои феодальные притязания не с указанными «пожалованными грамотами», а со своим «происхождением» якобы «от дома» Вахтанга Горгасала и

⁵ Книга посланий/Древнеармянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями издал Алексидзе З. Н. Тбилиси, 1968. С. 167 (на груз. яз.).

⁶ Ингорквва П. И. Леонти Мровели, грузинский историк VIII в. // Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры Груз. ФАН СССР. Тбилиси. 1941. Т. 9 (на груз. яз.).

его преемников (III, с. 46—47, 51). В отличие от исследователей, считающих, что здесь мы будто бы имеем развитие точки зрения сочинителей «пожалованных грамот»⁷, Г. В. Цулая устанавливает, что «это было не дальнейшим развитием идей названных документов», а противопоставлением им, их юридическим отрицанием, возникшим в иных условиях и с соответствующими целями, и сохранились они в двух разных исторических источниках, соединенных поздними составителями свода КЦ сообразно с хронологической последовательностью описываемых в них событий» (III, с. 51).

В специальной литературе высказывалась точка зрения, согласно которой сильное влияние на творчество Джуаншера Джуаншершериани оказал иранский эпос⁸. Наряду с этим до сих пор бытует идея о местных фольклорных источниках гиперболизированного образа Вахтанга Горгасала в посвященном ему жизнеописании. Г. В. Цулая пересмотрел все эти взгляды. «Жизнь Вахтанга Горгасала,— считает автор,— писал благочестивый грузинский христианин, и все, о чем бы он ни думал, могло быть направлено против остатков иранского влияния в Грузии. Поэтому, создавая гиперболизированный, домысленный образ картлийского царя, Джуаншер вполне закономерно должен был ориентироваться не на элементы противного его духу „иранского эпоса“, а на формировавшие его мировоззрение канонизированные за много веков до него библейские сюжеты. И действительно, выясняется, что в „Жизни Вахтанга Горгасала“ нашли место творчески осмысленные применительно к контексту исторических событий на Кавказе времени Вахтанга Горгасала библейские повествования о подвигах иудейского царя Давида — символа идеального властителя» (III, с. 37).

Столь же решительно пересмотру подверг Г. В. Цулая и мнение о местных эпикофольклорных источниках литературного образа Вахтанга Горгасала. По его верному замечанию, «грузинскому фольклору неизвестен эпический цикл, посвященный Вахтангу Горгасалу. Однако вопрос об эпическом характере образа Вахтанга Горгасала этим не снимается» (III, с. 14). Далее проводится мысль, что богатая эпическая традиция грузинского фольклора могла влиять «(особенно в ранний период средневекового историописания) на индивидуальное творчество историков, порой описывавших реальные события и героев в эпически расцвеченном стиле».

Следует отметить, что сообщаемые Леонти Мровели сведения, зачастую определяемые в результате суперкритического отношения к ним как полуполегендарные, дополнены подробными данными о строительной деятельности картлийских царей. Речь идет о широком строительстве на территории Картли городов и храмов, постройке крепостей, что несомненно свидетельствует о высоком экономическом уровне Картли в первых веках нашей эры. Специально следует отметить, что эти сведения Леонти все более и более подтверждаются проведенными в недавнее время и ведущимися в Грузии в широких масштабах археологическими раскопками⁹; это сообщает достоверность приводимым Леонти Мровели сведениям, которые считались раньше полуполегендарными.

Следует также особо отметить, что научные комментарии Г. В. Цулая пронизаны идеей о дружбе закавказских народов, о выработанном в течение веков сознании их единства и братства, которым проникнут и сам свод «Картлис цховреба» — редкое в этом отношении произведение в средневековой литературе. Слова «идея братства» мы здесь используем не только фигурально — ведь известно, что, по концепции автора «Жизни картлийских царей» Леонти Мровели, все кавказские народы были сыновьями одного общего отца Таргамоса — библейского персонажа. Другое дело, что в исторических произведениях того времени существовала традиция связывать происхождение людей с библейскими персонажами. Однако следует учитывать главное: уже тогда в Грузии имела политическая основа для появления идеи о едином происхождении кавказских народов, которая и составляет концепцию названного произведения Леонти Мровели.

С текстологическими проблемами сочинений Леонти Мровели и Джуаншера Джуаншершериани в грузинской историографии нередко связывался вопрос об объеме «Летописи Картли». До сих пор многие авторы склонны были считать названную летопись

⁷ Мамулия Г. С. Генезис легенды о реформах «царя» Арчила (VIII в.) и ее политическая тенденция // Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1976. С. 117 (на груз. яз.).

⁸ Ингоркова П. И. Краткий обзор истории грузинской литературы // Соч. Тбилиси, 1978. Т. 4. С. 310 (на груз. яз.); Орбели И. А. Бахрам Гур и Азадэ // Избр. соч. Ереван, 1963. С. 550.

⁹ Чантуришвили С. Г. Культура и быт Грузии V—X вв. (Опыт историко-этнографического изучения). Тбилиси, 1984. С. 297 (на груз. яз.).

«органичной» частью якобы единого, непрерывного повествования с включением в него сочинений Леонти Мровели и Джуаншера Джуаншерияни, постулируя нередко принадлежность его первому. Г. В. Цулая обоснованно отклонил это мнение, логично, на основе анализа раннего цикла «Картлис цховреба» приписав рецензируемые переводы различным авторам, каждый из которых обладал своим мировоззрением, литературным стилем и по-своему отразил описываемую действительность (II, с. 25—27).

Автор не только обосновывает мысль о независимости текста «Летописи Картли» от двух предшествующих хроник раннего цикла «Картлис цховреба», но прежде всего выявляет своеобразие отраженной в анонимной летописи этнокультурной обстановки периода объединительного движения в Грузии в VIII—XI вв., указывая на большую роль наряду с политическими факторами в этом многовековом процессе факторов культурного порядка. Логическому обоснованию этой идеи, которой до сих пор уделен недостаточно внимания, посвящена значительная часть введения к «Летописи Картли».

Подводя итоги, скажем, что издание на русском языке отрывков из произведений Леонти Мровели ввело в научный оборот ценный исторический источник по истории народов Кавказа. Следует лишь сожалеть, что из трех произведений Леонти Мровели это первое не было переведено целиком. Хочется высказать пожелание, чтобы в будущем было осуществлено полное издание перевода «Жизни картлийских царей». Зато два последующих произведения «Картлис цховреба» — «Жизнь Вахтанга Горгасала» Джуаншера Джуаншерияни и «Летопись Картли» — Г. В. Цулая перевел полностью.

Перевод на русский язык трех произведений «Картлис цховреба» и их издание весьма расширили круг исследователей, которые теперь сумеют пользоваться этими источниками. Следует также отметить, что Г. В. Цулая внес значительный вклад в изучение средневековой этнополитической и этнокультурной истории кавказских народов.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Matti Kuusi. Proverbia septentrionalia. 900 Balto-Finnic Proverb Types with Russian, Baltic, German and Scandinavian Parallels/In cooperation with Joalaid M., Krikmann A., Leino P., Kokare E., Laukkanen K., Mälik V., Sarv I./Folklore Fellows Communications. V. CI. № 236. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, 1985. 451 p.

От возникновения замысла этого труда до выхода его в свет прошло 22 года. Его создание стало возможным благодаря тесному сотрудничеству ученых Финляндии и СССР (в первую очередь Эстонии, а также Латвии и Литвы); переводы на английский язык выполнены с помощью английских и американских ученых (с. 450—451). Инициатор и ведущий автор издания акад. Матти Кууси — один из крупнейших современных фольклористов, профессор университета в Хельсинки, основатель и редактор журнала «Proverbum». На разных этапах подготовки тома в работе участвовали многие фольклористы из Финляндии и Советских Прибалтийских республик. Текст, с которым теперь могут ознакомиться читатели, подготовлен М. Кууси в соавторстве с К. Лаукканеном и П. Лейно (Финляндия), М. Иоалайд, А. Крикманном, В. Мяльк, И. Сарв (ЭССР) и Э. Кокаре (Латв ССР). Книга «Северные пословицы» вышла во всемирно известной серии «Folklore Fellows Communications» («Сообщения общества фольклористов»), основанной в 1907 г., в одном из первых выпусков которой был издан «Указатель сказочных типов» А. Аарне, при всем своем несовершенстве ставший отправной точкой всех последующих опытов систематизации фольклорного материала.

Рецензируемый труд опирается на иную методологию, нежели «финская школа» первой половины XX в., но усвоил ее стремление к широкому охвату материала, к его строгой систематизации и классификации, к постановке принципиальных методологических проблем. Он представляет собой сборник пословиц прибалтийско-финской подгруппы финно-угорских языков с параллелями из языков-соседей — русского, латышского, литовского, немецкого, скандинавских. Сборник основан на количественных критериях, и в этом его существеннейшее отличие от всех предыдущих. Другая важная его особенность состоит в том, что он не только содержит материал для последующего изучения, но и сам является итогом большой аналитической работы.

Том открывается многоаспектным «Введением». Здесь в общих чертах прослеживается этногенез прибалтийско-финских народов, становление их культуры. При этом на наш взгляд, некоторые утверждения, относящиеся к исторической антропологии и этнографии, сформулированы излишне категорично. Полезны включенные во «Введение» карты географического распространения прибалтийско-финских языков, а также примеры картографирования некоторых пословиц, по-разному распределенных в разных языках (с. 15—21). Содержательны замечания о пополнении фонда пословиц путем заимствования у соседей и в средневековой латинской традиции (с. 23—26).

Во «Введении» особо выделен раздел «Отбор и организация исходного материала» (с. 26—28). В основу исследования положена гипотеза, в принципе не вызывающая серьезных возражений: чем чаще пословица записывалась собирателями, тем она, видимо, чаще употребляется (употреблялась) носителями языка. Каждая запись пословицы собирателем называется вариантом, а сама пословица — типом. Таким образом, различные типы пословиц представлены разным количеством вариантов в записях фольклористов. К сожалению, ни в данном разделе, ни во всем «Введении» не указано точно или хотя бы приблизительно, каков общий фонд вариантов для каждого языка. Сообщается только, что на рубеже 1970—1980-х годов общий фонд финских пословиц составлял свыше 2 млн. вариантов, а эстонских — около 162 тыс. (с. 9). В то же время относительно водских пословиц подобные данные не приводятся. Из-за этого не всегда удается проследить ход статистических вычислений. Кроме того, некоторые данные представляли бы самостоятельный интерес (например, как убывает количество вариантов с возрастанием ранга пословицы в частотном списке), но они (очевидно, из-за недостатка места) не обсуждаются специально.

Возникает вопрос, насколько репрезентативны и сопоставимы накопленные данные по разным языкам. Неясно, например, можно ли считать, что ливский и карельский пословичный фонды обследованы и зафиксированы одинаково подробно. Поскольку такой уверенности нет, то к цифрам, обозначающим количество вариантов данного пословичного типа в данном языке, следует относиться весьма осторожно.

Фонд записей, использованных в «Северных пословицах», составлялся на протяжении XIX—XX вв. (с. 22). Количество вариантов определенного пословичного типа отражает, таким образом, не реальную частоту употребления пословицы на протяжении небольшого, строго ограниченного промежутка времени, а довольно расплывчатую среднюю частоту записей за полтора столетия. Пословица, весьма распространенная в XIX в. и вышедшая из широкого употребления в XX в., легко может быть представлена меньшим количеством вариантов, чем другая, несколько превосходящая первую по распространенности в XX в., но значительно уступающая ей в этом в XIX в.

Наконец, необходимо как-то учитывать огромную разницу в количестве говорящих на каждом из шести языков, находящихся в поле зрения авторов. Очевидно, что в прямой зависимости от него находится количество вариантов пословицы. На сегодняшний день неясно, по какому закону связаны эти две величины, но 500-кратное численное превосходство носителей одного языка над носителями другого должно быть принято во внимание самым серьезным образом.

Мы думаем, что распространенность пословичных типов во всех шести языках соотносить можно и нужно; вынужденная разница в исходных условиях между финским, карельским, эстонским языками, с одной стороны, и венским, ливским и водским — с другой, такова, что соотносить их по количеству записанных вариантов пословиц нецелесообразно.

Все отмеченные трудности в организации материала несколько не умаляют ценности труда М. Кууси и его соавторов. Их работа носит новаторский характер; в ней ставятся проблемы, важные и для фольклористов, и для этнографов, и для лингвистов.

Составители сборника стремятся несколько смягчить обрисованные противоречия исходного материала. Количество вариантов каждого пословичного типа (абсолютная частота) заменяется его относительной частотой. Если абсолютные частоты в исходном материале ранжированы от 1 до 700, то шкала относительных частот имеет значения от 1 до 9. Перевод абсолютных частот в относительные осуществляется для каждого языка по особым правилам, учитывающим громадные перепады абсолютных частот в разных языках. Так, в финском языке, где значения абсолютных частот особенно высоки, относительной частоте 1 соответствуют абсолютные частоты от 1 до 4; иначе говоря, имеется ли одна, две, три, четыре записи данной пословицы, данный пословичный тип в финском материале получает относительную частоту 1. В эстонском материале, где значения абсолютных частот ниже, относительной частоте 1 соответствуют абсолютные частоты 1 и 2, и т. д. К сожалению, таблица на с. 27 и лаконичные пояснения к ней на с. 26 не дают возможности проследить всю процедуру приведения абсолютных частот к относительным.

С этого момента работа проделана безукоризненно. Для каждого пословичного типа его относительные частоты во всех языках суммируются, затем составляется общий частотный список пословичных типов. Сперва в порядке убывания сумм относительных частот помещены пословицы, имеющиеся во всех шести языках, потом — в пяти, за исключением ливского, затем — в пяти, за исключением венского, и т. д.

Предварительно для каждого языка был установлен минимум абсолютных частот, начиная с которого пословичные типы включались в общий материал (с. 26). Теперь из него отобраны 900 наиболее частотных пословичных типов, образующих основной фонд прибалтийско-финских пословиц. Именно их список составляет ядро книги и занимает большую часть ее объема (с. 83—407). Рассмотрим построение статьи, посвященной отдельному пословичному типу.

Сперва указывается ранговый номер, определяющий место данного пословичного типа среди остальных. В дальнейшем он может использоваться в паремиологических исследованиях, в сборниках пословиц, хотя и не так широко, как в сказковедении используются номера указателя Аарне — Томсона, но с весьма важной целью: сопоставить международный материал с пословицами прибалтийско-финских народов. После этого в качестве заглавия статьи приводится английский перевод как инвариант данного пословичного типа. Далее даются эквиваленты из языков соседних народов. Только теперь помещается основной материал статьи: приводятся данная пословица на тех прибалтийско-финских языках, на которых она зафиксирована в источниках,

причем для каждого языка указано количество записей (вариантов). Неизбежно возникающие вопросы о полном или неполном соответствии отдельных языковых реализаций инварианту обсуждаются в «Примечаниях» на с. 408—411. Завершается статья ссылками на источники, из которых заимствованы пословицы данного типа. Список их приведен на с. 78—82.

К сборнику приложены глоссарии и таблицы соответствий, или конкорданции. Последние значительно расширяют возможности использования материала. Они позволяют без затраты времени находить нужную пословицу из собрания пословиц данного народа в «Северных пословицах»; находить параллели к пословичным типам сборника собрания пословиц других финно-угорских народов; в Библии и в собраниях пословиц Востока (по известному изданию Г. Л. Пермякова). Глоссарии дают возможность находить нужный пословичный тип по ключевым словам. Для того чтобы читатель мог более точно локализовать ту или иную запись пословицы, в книге дан свод основных диалектных различий, отражающихся на письме, по финскому, карельскому, эстонскому и вепсскому языкам (с. 82).

В том органически входит важный раздел «Связи между прибалтийско-финским и неприбалтийско-финским материалом», написанный А. Крикманном. Он представляет собой относительно самостоятельное исследование, опирающееся на материал «Северных пословиц», а его результаты дополняют книгу ценными сведениями. В качестве метода исследования использован корреляционный анализ, опирающийся на данные количества пословичных типов и вариантов в каждом языке. Если анализ, основанный на количестве типов, представляется безукоризненным, то относительно анализа, основанного на количестве вариантов, приходится напомнить сомнения, высказанные в начале нашей рецензии. Общие выводы исследования сомнений не вызывают, сводятся они к следующему. Очевидно, что близость пословичного фонда определяется географической близостью и интенсивностью этнокультурных контактов. Финский, вепсский и ливский пословичные фонды выделяются как «терминальные», являющиеся центрами притяжения для иноязычных пословичных влияний (финский — для скандинавского, вепсский — для русского, ливский — для латышского и литовского). В результате статистической обработки материала построен выразительный граф этнических взаимозависимостей (с. 35), который подытоживает этот раздел сборника.

Между статистическим исследованием А. Крикманна и списком 900 пословичных типов, образующим главную часть сборника, помещена «Аналитическая таблица» (с. 37—77). В ней сосредоточен большой материал, характеризующий каждый пословичный тип: в каких из прибалтийско-финских языков он зафиксирован и с какой относительной частотой; какова его суммарная относительная частота; в каких из соседних языков зафиксированы к нему параллели. Делаются ссылки на номера синонимичных, аналогичных и частично совпадающих пословичных типов из данного сборника; для пословиц, облеченных в метрическую форму, указывается особенность этой формы (стих «Калевалы» и т. п.); дается стилистическая характеристика (сравнение, синтаксический параллелизм и т. п.); описывается (в случае необходимости) способ рифмования; характеризуется «модальность» (нормативная, комический эффект и т. п.); обозначается место пословичного типа в структурно-семиотической классификации пословиц (один-два или много; один — все и т. д.). Последние две характеристики разработаны А. Крикманном: отмечается семантическое поле пословичного типа и соотношение между поверхностным уровнем пословицы и ее глубинным семантическим уровнем.

Подведем итоги. «Северные пословицы» — труд принципиально нового типа. Он соотносит материал прибалтийско-финских языков между собой и с материалом генетически более отдаленных языков и народов. Одновременно это многоаспектное паремиологическое исследование, охватывающее не только собственно фольклорную проблематику, но также этнографическую, лингвистическую, стилистическую. Наконец, сборник может служить важным справочным пособием, необходимым и как шаг на пути к построению единой международной классификации пословиц. «Северные пословицы» поднимают паремиологию на новый уровень. Вместе с тем здесь обозначился ряд проблем нерешенных, ждущих решения в будущем.

И наконец, рецензируемый том — прекрасный пример успешной совместной работы ученых Финляндии и СССР в рамках договора о научно-техническом сотрудничестве

В. С. Баевски

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ОЛЬДЕРОГГЕ

30 апреля 1987 г. после тяжелой и продолжительной болезни на 84-м году жизни в Ленинграде скончался выдающийся советский востоковед, признанный патриарх и один из основателей отечественной африканистики, создатель и бессменный руководитель сектора этнографии народов Африки Института этнографии АН СССР и кафедры африканистики Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук, профессор Дмитрий Алексеевич Ольдерогге. Уход из жизни Дмитрия Алексеевича Ольдерогге, ученого с мировой известностью и блестящего педагога,— невосполнимая утрата для нашей науки.

Дмитрий Алексеевич был личностью огромного масштаба. Он неистово жил в науке и для науки, но, чуждый нетерпимости, кабинетному высокомерию, он до последнего вздоха сохранял поразительное жизнелюбие, гражданскую активность и мудрый интерес ко всему окружающему миру. Его жизнеощущение и мировосприятие были заразительны и привлекательны, а блеск и острота мысли, широта знаний — поразительны. В нашу эпоху дифференциации наук Дмитрий Алексеевич Ольдерогге был редким примером сочетания энциклопедизма с глубоким профессионализмом: он — историк и этнограф, языковед и фольклорист, социолог, географ и музеевед, человек колоссальной общей культуры с огромной эрудицией в самых различных, часто неожиданных областях. Глубокий и тонкий знаток и ценитель русской поэзии, Д. А. Ольдерогге в последние годы нередко повторял слова любимого им. Ф. Тютчева:

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать,—
Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;
От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир...

Д. А. Ольдерогге была органически близка и дорога идея постоянно обновляющегося мира. Он щедро раздавал накопленные духовные богатства ученикам, видя в них продолжателей своего дела, научной жизни. Дмитрия Алексеевича невозможно было воспринимать как человека преклонных лет, настолько молод он был душой. Его смерть воспринимается как трагическая неожиданность, заставившая остро ощутить, что в жизни существуют и незаменимые люди.

Д. А. Ольдерогге родился 6 мая 1903 г. в Вильнюсе в семье военного, но с трех лет, после переезда семьи, его жизнь и деятельность неразрывно связана с Петербур-

гом-Петроградом-Ленинградом. В первые годы после Октябрьской революции ему пришлось прервать учебу, так как необходимо было содержать семью: он клеил афиши, закончил бухгалтерские курсы, год учился на рабфаке Технологического института, работал экскурсоводом в Антираелигиозном и Русском музеях. В 1920 г. вступил добровольцем в Красную Армию. Будучи на военной службе, Д. А. Ольдерогге находив возможность слушать лекции знаменитых петроградских профессоров-историков. Сам Дмитрий Алексеевич вспоминал: «Я знал, что хотел изучать социологию и историю. первоначально — до университета — интересовался средними веками, происхождением государства, отчасти социологическими сюжетами и сомнениями: существуют ли законы истории? Отсюда интерес к социологии, что и привело впоследствии к этнографии...»

В 1922 г. Ольдерогге пришел в университет с направлением из армии, которое час — то и с удовольствием цитировал: «При сем [то есть при бумаге] направляется демобилизованный красноармеец Д. Ольдерогге для повышения квалификации...»

С 1922 по 1925 г. Д. А. Ольдерогге учился в Ленинградском университете. Он слушал курсы лекций выдающихся ученых — академиков В. В. Бартольда, Н. Я. Марра, В. В. Струве, профессоров Н. Д. Флитнер, Л. С. Шербы, Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза, П. В. Эрнштедта и др. Поначалу он колебался в выборе специальности, но, в конечном счете, стал специализироваться как египтолог, изучать древние языки, историю, лингвистические дисциплины; заинтересовался проблемами африканской этнографии.

После окончания университета в 1925 г. Д. А. Ольдерогге начал работать в Музее антропологии и этнографии, на базе которого позднее был образован Институт этнографии АН СССР, с которым ученый был связан всю жизнь. О начале своей научной деятельности Дмитрий Алексеевич вспоминал так: «По окончании в 1925 г. университета меня В. В. Струве направил в Музей антропологии и этнографии АН. Я был избран в 25 году (1 октября 1925 г.) научным сотрудником 2-го разряда по отделу Африки, которым заведовал Ал. Викт. Шмидт, ученик Б. А. Тураева, египтолог. Однако он занимался археологией пермских древностей, их издавал, ездил в экспедиции и т. д. Когда я в отделе Африки продолжал заниматься египтологией, узнал об этом Лев Яковлевич Штернберг. (В другом месте Дмитрий Алексеевич писал: „Благодарю судьбу за встречу с Л. Я. Штернбергом“.) Он, зимой 25 года, как-то вечером вызвал меня к себе и устроил мне допрос. Вернее сказать, разнос. Мы сидели с 6 до 9 часов вечера у него в кабинете. Этот разговор, — монолог Льва Яковлевича, точнее (я молчал), — был бурным. Он почти кричал: Что же это делается?? Археологией занимается дилетант (точно не помню, кем назвал Л. Я. зав. отделом археологии), Африкой — археолог, а нам нужен африканист... Я был растерян, слушал и ничего не мог возразить. Но эта беседа изменила все мои интересы». В 1927—1928 гг. Д. А. Ольдерогге углубляет свое африканистическое образование за рубежом. Произошло это, как вспоминал Д. А. Ольдерогге, так: «Весной 27 года Лев Яковлевич (Штернберг), встретив меня (я бежал в университет на арабский язык, приватно, уже не будучи студентом), спросил: „А что, если мы Вас пошлем в Германию изучать африканские языки? Ведь читают дравидийские языки (это было ново тогда). Почему бы не начать и африканские?“» Лекции и консультации ведущих африканистов, книжные хранилища и музейные фонды Берлина, Гамбурга, Лейдена, Амстердама и Тервюрена — все это сыграло важную роль в становлении Д. А. Ольдерогге как африканиста широкого профиля, ученого мирового класса. Уже в 1929 г. он читает курс этнографии народов Африки на географическом факультете Ленинградского университета и одновременно преподает языки суахили в ленинградском Восточном институте. В 1930 г. совместно с Н. В. Юшмановым и А. П. Рифтиным организует кафедру семито-хамитского языкознания Ленинградского историко-филологического-лингвистического института, на которой с 1934 по 1939 г. читает в звании доцента курсы языков суахили и зулу, а также сравнительной грамматики. В 1937 г. эта кафедра вошла в состав филологического факультета ЛГУ, в 1944 г. была реорганизована в кафедру египтологии и африканистики восточного факультета ЛГУ. После смерти Н. В. Юшманова в 1946 г. по рекомендации академик И. Ю. Крачковского бессменным заведующим ее становится Д. А. Ольдерогге.

Одновременно разворачивается научная деятельность Д. А. Ольдерогге и в МАЭ. В 1930 г. ему присваивают 1-й разряд и назначают заведующим отделом Африки, в 1932 г. он становится старшим научным сотрудником и директором музея вплоть до 1940 г. В 1935 г. Д. А. Ольдерогге без защиты присваивается ученое звание кандидата исторических наук.

Первые две научные работы Д. А. Ольдерогге, посвященные еще египтологической тематике, вышли в 1928 г. — статьи «Управитель Бурга» и «К организации цехового управления в древнем Египте эпохи Среднего царства». Последняя крупная работа, вышедшая при жизни ученого, — «Системы счета в языках народов Тропической и Южной Африки» — вторая из задуманной большой серии работ по этой теме опубликована в 14-м выпуске созданной Д. А. Ольдерогге серии сборников «Africana» («Африканский этнографический сборник») в 1984 г.¹

Интенсивная научная, музейная и преподавательская деятельность ученого (отметим создание постоянной экспозиции африканских культур в МАЭ и публикацию в 1936 г. сборника «Абиссиния (Эфиопия)» с большой статьей «Население и социальный строй Эфиопии» (под его общей редакцией) были прерваны Великой Отечественной войной. С первых дней Д. А. Ольдерогге вступил в народное ополчение и участвовал в оборонных работах. В кабинете Африки была оборудована огневая точка. В страшную зиму 1941 г. Дмитрий Алексеевич продолжал работать в МАЭ. Превозможая голод и холод, ходил на научные доклады в университет и Эрмитаж. В июле 1942 г. по приказу Президиума АН СССР он был эвакуирован в Ташкент, откуда в 1944 г. вернулся в Ленинград для восстановления МАЭ. За это время им была подготовлена крупная и новаторская по своим идеям работа «Кольцевая связь родов или трехродовой союз», защищенная в 1945 г. в качестве докторской диссертации. Этот труд, частично представленный в статье «Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии» (1946 г.), был первым в серии работ, посвященных проблемам социальной организации догосударственных образований и эволюции систем родственных отношений. Последующие работы в рамках этой проблематики, такие как «Малайская система родства» (1951), «Система родства баконго в XVII в.» (1959), «Система нкита» (1960), «Описательные системы родства народов Западного Судана» (1964), «Брат — сын матери. Псевдоматриархат» (1975) и ряд других, позволили по-новому взглянуть на социальные процессы в эпоху классообразования, ввели новый материал в научный оборот, заложили прочный фундамент дальнейших теоретических исследований в этой области этнографии.

Комплексный подход к исследованию, гармоничное сочетание конкретно-исторического анализа и теоретического обобщения характерны для большинства работ Д. А. Ольдерогге, к какой бы области африканистики они ни относились. Его пионерские, многоплановые работы по этнической и социальной истории африканского континента, несущие большой теоретический заряд и вводящие в научный обиход массу новых источников и свежих исторических данных, получили широкое признание и имели огромный резонанс как в нашей стране, так и за рубежом. Путеводными вехами в изучении этносоциальной истории народов Африки стали такие работы, как «Хамитская проблема в африканистике» (1949), «Об этногенезе народов Центрального Судана» (1952), «Социальный строй Сонгаи» (1955), «Западный Судан в XV—XIX вв.» (1960), «Колониальное общество — этап в этническом развитии Тропической Африки (Постановка проблемы)» (1973). Признанный авторитет в этносоциальной истории Африки, он пишет раздел «Древнейшие миграции в Африке» для «Всеобщей истории Африки», создаваемой под эгидой ЮНЕСКО, (1980—1981 гг.). Осуществляемое в Праге много томное учебное издание для вузов социалистических стран — «Африка южнее Сахары. Развивающиеся страны. Идеология и политика» — открывается статьей Д. А. Ольдерогге «О некоторых особенностях развития народов Тропической Африки». Этапы становления советской африканистики, у истоков которой стоял Д. А. Ольдерогге, отмечены такими обобщающими работами, как том «Народы Африки» — первый в серии «Народы мира. Этнографические очерки», вышедший в 1954 г. под редакцией Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина, в котором фундаментальные разделы по древнейшей истории, языкам, письменности, антропологии написаны Д. А. Ольдерогге. Этот труд в 1955 г. был удостоен премии АН СССР, а в 1961 г. в Берлине переведен на немецкий язык. При деятельном участии Д. А. Ольдерогге был подготовлен и первый в СССР двухтомный энциклопедический справочник «Африка» (1963, отв. редактор И. И. Потехин).

Всю свою творческую жизнь Д. А. Ольдерогге был убежденным сторонником комплексного подхода к изучению общественных процессов и утверждал, что без иссле-

¹ Библиографию трудов Д. А. Ольдерогге см.: Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология. К 70-летию чл.-кор. АН СССР Д. А. Ольдерогге. М., 1973. С. 11—23; Востоковедение/Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук. 1977, № 4. Вып. 20; там же. 1979. № 6. Вып. 22; там же. 1980. № 7. Вып. 23; там же. 1981, № 8; Сов. этнография. 1983. № 4. С. 126—130.

ге как один из основателей историко-этнографического направления в советской африканистике» (В кн. «Изучение истории Африки. Проблемы и достижения». М., 1985).

Собственная научная деятельность никогда не заслоняла одного из важнейших дел его жизни — воспитания кадров советских африканистов. Его ученики работают практически во всех африканистических научных, учебных и практических центрах страны, во многих странах за рубежом: в ГДР, Венгрии, ПНР, ЧССР, НРБ, Румынии, в странах Африки, пополнив ряды национальной интеллигенции. Активной была его роль и в общественно-политических организациях — Обществе дружбы с народами Африки, Комитете солидарности стран Азии и Африки, и др.

Признание заслуг Д. А. Ольдерогге перед советской наукой выразилось в избрании его членом-корреспондентом АН СССР (в 1960 г.) по Отделению языка и литературы, в награждении его орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, двумя орденами «Знак Почета», медалями «За доблестный труд» и «За оборону Ленинграда».

Д. А. Ольдерогге был почетным членом Географического общества, постоянно работал в Восточной и Сказочной комиссиях, много сделал для активизации экспедиционной работы. За выдающиеся научные труды в области географических наук в 1966 г. ему была присуждена именная золотая медаль им. П. П. Семенова-Тянь-Шанского.

Международное признание вклада Д. А. Ольдерогге в африканистику выразилось в избрании его членом многих зарубежных научных организаций: Международного африканского института, Научной ассоциации африканистов Англии, членом-корреспондентом Лондонского института африканских и восточных исследований, членом-корреспондентом Британской академии, членом Французского общества африканистов, членом совета по изданию этнографической библиографии (ЮНЕСКО), членом Академии заморских наук (Париж). Он был почетным доктором Варшавского университета; Университет им. Карла Маркса (Лейпциг) удостоил Д. А. Ольдерогге медалью им. Карла Маркса за подготовку кадров африканистов для ГДР.

Неоднократно Д. А. Ольдерогге представлял советскую науку за рубежом, участвуя в международных конгрессах, выступал с чтением лекций в Варшавском университете, Сорбонне, Карловом университете (Прага).

Д. А. Ольдерогге отдал науке, научному творчеству, подготовке советских кадров всю свою сознательную жизнь, продолжая работать до последнего дня, несмотря на тяжелейший недуг. В последние месяцы он работал над рецензиями, комментариями к изданиям, трудился над статьей из цикла, посвященного этнографии античности — «Трагедия Эсхила „Умоляющие“ в свете этнографии», посвященной памяти профессора А. И. Доватура, с которым Дмитрия Алексеевича связывала более чем полувековая дружба, над очередной частью исследования систем счета в языках Африки. Дмитрий Алексеевич продолжал принимать коллег-учеников, интересовался их научными и житейскими проблемами. Даже в больнице он не терял оптимизма, живо обсуждал будущие научные проекты, хотя порой и говорил: «Если удастся отсюда выбраться». К несчастью, болезнь победила.

В огромном архиве Д. А. Ольдерогге осталось множество незаконченных рукописей, заготовок для годами обдумывавшихся новых работ, конспекты знаменитых лекционных курсов, почти готовая к публикации, но не завершенная книга по культуре народов Африки — плод размышлений и поисков всей жизни ученого. Смерть не позволила ему самому довести до конца начатое. Часть этого наследия, научную ценность которого трудно переоценить, когда-нибудь будет опубликована его последователями. Нет сомнения, что появятся и специальные научные исследования, посвященные жизни и деятельности Дмитрия Алексеевича Ольдерогге, оценке его вклада в отечественную и мировую науку.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1987 году

Статьи

	№	Стр.
Агларов М. А. Этнокультурные процессы в условиях множественности политических структур в Дагестане (до XX в.)	4	48
Алексеев В. П. О некоторых заблуждениях, связанных с морфологической характеристикой верхнепалеолитических людей Европы	1	44
Алексеев В. П. Антропология СССР: некоторые итоги и перспективы исследования	5	17
Анчабадзе Ю. Д. Народное искусство в современном обществе (социальная роль и перспективы развития)	4	38
Арутюнян Ю. В. Национально-региональная специфика процессов сближения города и деревни в СССР	1	3
Балезин А. С. Традиционные власти и колониальные вожди в Восточной Африке (к вопросу о терминологии и типологии)	3	35
Балушок В. Г. Обряды и обычаи жизненного цикла украинских цеховых ремесленников (XVI — середина XVII в.)	2	41
Белявина В. Н.—См.: Бондарчик В. К., Белявина В. Н.	5	31
Бессмертный Ю. Л. К изучению обыденного сознания западноевропейского средневековья	1	36
Бондарчик В. К., Белявина В. Н. Этнокультурные процессы в городах Белоруссии: история и современное развитие	5	31
Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Великий Октябрь и советская этнография	5	3
Будина О. Р., Шмелева М. Н. Проблема традиционности современной бытовой культуры русского городского населения	6	15
Бутовская М. Л. Эволюция группового поведения приматов как предпосылка антропогенеза	1	52
Гусев В. Е. Этнографические интересы А. С. Пушкина	6	60
Денисова Р. Я. Популяционно-антропологический аспект этногенеза	6	37
Джарылгасинова Р. Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке (основные аспекты проблемы)	4	9
Иванова Э. А. Этническое самосознание болгар на этапе перехода от народности к нации	2	51
Карагодин А. И. Унаган-боголы (об эволюции форм зависимости у монголоязычных кочевников)	2	61
Киселев Г. С. О роли власти в генезисе классового общества (на материале доколониальных обществ Тропической Африки)	4	58
Козинцев А. Г. Краниоскопия и расовая классификация	2	12
Кон И. С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе	6	26
Куббель Л. Е. «Формы, предшествующие капиталистическому производству» Карла Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации	3	3
Курочкин А. В. Календарные праздники на украинско-молдавском пограничье и их современные судьбы	1	24
Мыльников А. С. К изучению истории народной культуры в свете теоретического наследия В. И. Ленина	2	3
Нитобург Э. Л. О «капле крови» в странах Америки: (расовая принадлежность: социальный и биологический аспект)	5	41
Пайн Э. А. Система территориальных общностей и ее роль в формировании и воспроизводстве этнокультурных традиций в условиях урбанизации	1	10
Петренко В. Ф. Психосемантический подход к этнопсихологическим исследованиям	4	22
Петрова А. С. Феномен общения с точки зрения этнопсихологии (к постановке проблемы)	3	12
Полищук Н. С. У истоков советских праздников	6	3
Советская этнография в условиях перестройки	4	3
Чеснов Я. В. К этнографическому изучению жизнедеятельности человека (на примере традиционной абхазской культуры)	3	23
Чистов К. В.—См.: Бромлей Ю. В., Чистов К. В.	5	3
Шлыгина Н. В. Быт рабочих Финляндии в конце XIX — начале XX в.	2	31

Дискуссии и обсуждения

Алексеев В. П. О некоторых аспектах освещения истории этнографической науки [Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей, М. В. Крюкова «Этнография: место в системе наук, школы, методы»]	5	67
Арутюнов С. А. К расширению предмета этнографии [Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей, М. В. Крюкова]	5	60
Арутюнян Ю. В. О дифференциации и взаимодействии этнографии и социологии в исследовании национальных процессов [Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей, М. В. Крюкова]	6	48
Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Этнография: место в системе наук, школы, методы	3	45
Бутинов Н. А. О предмете этнографии [Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей, М. В. Крюкова]	6	52
Вайнштейн С. И. Историческая этнография в структуре этнографической науки [Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей, М. В. Крюкова]	4	77
Козлов В. И. К вопросу о границах этнографической науки [Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей, М. В. Крюкова]	6	53
Крюков М. В.—См.: Бромлей Ю. В., Крюков М. В.	3	45
Марков Г. Е. Этнография и историзм [Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей, М. В. Крюкова]	4	82
Мыльников А. С. Об этнографическом изучении культуры: источниковедческий аспект [Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей, М. В. Крюкова]	4	85
Першиц А. И. Этнография: некоторые спорные вопросы [Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей, М. В. Крюкова]	4	71
Решетов А. М. О совершенствовании методов этнографической науки [Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей, М. В. Крюкова]	5	61
Семенов Ю. И. О предмете и внутренней структуре этнографической науки [Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей, М. В. Крюкова]	4	73
Старовойтова Г. В. Еще раз о предмете этнографии [Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей, М. В. Крюкова]	5	56
Чистов К. В. Наши предшественники и история этнографии [Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей, М. В. Крюкова]	6	57

Из истории науки

Алексеев В. П. Творчество Николая Ивановича Вавилова и изучение истории человечества	6	72
Арутюнов С. А., Волкова Н. Г., Сергеева Г. А. Вклад А. Н. Генко в этнографическое изучение Кавказа	3	61
Волкова Н. Г.—См.: Арутюнов С. А., Волкова Н. Г., Сергеева Г. А.	3	61
Гринев А. В. Забытая экспедиция Дмитрия Тарханова на Медную реку	4	88
Сергеева Г. А.—См.: Арутюнов С. А., Волкова Н. Г., Сергеева Г. А.	3	61
Соколов Б. В. Юлиус Липперт (к 100-летию его «Истории культуры»)	2	74

Этнография в музеях

Крюков М. В. «Наш маленький мир» (Музей Человека в Инуяме)	1	70
Шангина И. И. Этнографические музеи Ленинграда в первые годы Советской власти (1918—1923 гг.)	5	71

Сообщения

Абдулхамидов А. Общинные традиции в орошаемом земледелии дореволюционного Узбекистана (XIX—начало XX в.)	2	100
Башилов В. А., Родригес К. А. Доиспанское жилище в юго-западной Колумбии	5	118
Бгажноков Б. Х. Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов	2	89
Воронина Т. А. Забытый плакат-лубок о Н. Н. Миклухо-Маклае	5	125
Галстян А. П. Некоторые аспекты армяно-русского двуязычия (по материалам этносоциологического обследования Еревана)	6	81
Глинский Е. А. О технике стрельбы из лука у народов Северо-Востока Сибири	6	100
Губаева С. С. Горные таджики Каратегина в Ферганской долине (конец XIX—начало XX в.)	1	86
Зубко Г. В. Материалы к древнейшей мифологии фульбе	1	111
Комарова Г. А. Этнические установки при выборе брачного партнера (по материалам службы брачных объявлений в Уфе и Чебоксарах)	3	80
Кривоногов В. П. К современной этнической ситуации в Тофаларии	5	81
Кунанбаева А. Б. Казахский эпос сегодня: сказитель и сказание	4	101
Локотко А. И. Типы традиционной застройки крестьянского двора в Белоруссии (XIX—середина XX в.)	4	114
Лопуленко Н. А. Межэтнические отношения и самосознание у эскимосов США и Канады	5	90

Ментешашвили З. А. Кабиль: образ жизни, обычаи, нравы	1	95
Мкртчян Р. А. Краниологический материал из неолитического могильника «Госпитальный холм»	2	112
Мур Дж. Индейцы-чейены в американской капиталистической системе наемного труда	5	111
Наумова О. Б. Национально-смешанные семьи у немцев Казахстана (по материалам экспедиции 1986 г.)	6	91
Патина Т. В. Конфессия и этнос в Кении	5	100
Перепелкин Л. С. К вопросу об этнокультурных факторах трудовой деятельности работника современной промышленности (некоторые итоги экспертного опроса рабочих Узбекистана)	2	83
Родригес К. А.—См.: Башилов В. А., Родригес К. А.	5	118
Савуров М. Д. Современная трансформация антропонимической модели у уйгуров Узбекистана	4	110
Сажин В. В. Тенденции изменения этнической мозаичности населения областей и районов Украинской ССР	1	80
Скильский Д. М. Народное искусство резьбы по дереву на Гучульщине	3	90
Текеев К. М. Карачаевские и балкарские узорные войлоки (<i>алы киизы</i>)	2	107
Токуаки Баннай Изучение русского фольклора в Японии	3	99
Уразманова Р. К. Еще раз о задачах этнографической науки в разработке, внедрении и совершенствовании социалистической обрядности	3	73
Успенская Е. Н. Население пригималайских районов Северной Индии (этнографическая характеристика)	1	102

Поиски, факты, гипотезы

Альбедиль М. Ф., Левизи Л. Л. Кольцо протоиндийской богини и индийские коллекции МАЭ	2	117
Дзенискевич Г. И. Роль тотемной символики в потлаче у тлинкитов	3	106
Краснодембская Н. Г. Сингальский царь Пандукабха — прообраз Кришны? (К вопросу о ранней этнической истории народов Южной Азии)	6	110
Левизи Л. Л.—См.: Альбедиль М. Ф., Левизи Л. Л.	2	117
Рабинович М. Г. «Домик в Коломне» — картинки из жизни старого русского города (Поэма А. С. Пушкина как исторический источник)	1	123
Соломоник И. Н. Катхпугли: народные марионетки Раджастхана (к проблеме ирано-индийских этнокультурных связей)	4	128

Наши юбиляры

Список основных работ доктора исторических наук Л. Г. Барага (к 75-летию со дня рождения)	2	130
Список основных работ доктора исторических наук И. С. Вдовина (к 80-летию со дня рождения)	6	120
Список основных работ доктора филологических наук Н. П. Колпаковой (к 85-летию со дня рождения)	5	137
Список основных работ доктора исторических наук, члена-корреспондента АН ГрузССР А. И. Робакидзе (к 80-летию со дня рождения и 55-летию научной деятельности)	5	139
Список основных работ по этнографии и музееведению доктора исторических наук Т. В. Станюкович (к 40-летию научной деятельности)	3	115
Список основных работ доктора исторических наук Д. И. Тихонова (к 80-летию со дня рождения)	1	133

Хроника

Тер-Саркисянц А. Е. Работа Ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР в 1986 году	3	118
---	---	-----

Научная жизнь

Алексеев В. П., Деревянко А. П. Пребывание канадских археологов в Советском Союзе	2	141
Анчабадзе Ю. Д. Заседание ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященное памяти А. Н. Генко	3	133
Басилов В. Н. Выставка «На шелковом пути» в Швеции	1	145
Бутинова М. С. XVII научная конференция по изучению Австралии и Океании	1	136
Гортер-Гренвик В. Т.—См.: Давыдов А. Н., Гортер-Гренвик В. Т., Саарниemi П.	3	136
Гурвич И. С., Жорницкая М. Я., Кузьмина Л. П. Советско-канадский симпозиум «Этнография: традиционные и современные культуры, традиции и образ жизни коренных народов Севера Советского Союза и Канады»	1	135
Давыдов А. Н., Гортер-Гренвик В. Т., Саарниemi П. Визит плавучего музея — судна «Паулине» в Архангельск	3	136
Деревянко А. П.—См.: Алексеев В. П., Деревянко А. П., Джарылгасинова Р. Ш., Логашова Дж. Б. Первая всесоюзная конференция по тюркской ономастике	4	143

Евтух В. Б. Международная конференция «Этнические процессы в современном мире»	2	134
Евтух В. Б. Советско-американский симпозиум «Роль этничности в современных общностях»	6	127
Жорницкая М. Я.—См.: Гурвич И. С., Жорницкая М. Я., Кузьмина Л. П.	1	135
Измайлова А. А. Методический семинар в Ленинкане, посвященный танцевальному искусству народов СССР	3	134
Кожановский А. Н. На Втором международном конгрессе каталанского языка	1	139
Козлов В. И., Ямсков А. Н. Научная конференция «XXVII съезд КНСС и проблемы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах»	5	142
Коротко об экспедициях	1	151
Коротко об экспедициях	2	143
Коротко об экспедициях	3	139
Коротко об экспедициях	4	148
Коротко об экспедициях	5	152
Коротко об экспедициях	6	141
Куббель Л. Е. На III Конгрессе Международного общества этнологии и фольклора Европы	6	123
Кузьмина Л. П.—См.: Гурвич И. С., Жорницкая М. Я., Кузьмина Л. П.	1	135
Куратов А. А., Давыдов А. Н., Терехин Н. М. Всесоюзная конференция в Архангельске, посвященная 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова	2	139
Полищук Н. С. Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984—1985 годов	3	125
Саарниemi П.—См.: Давыдов А. Н., Гортер-Гренвик В. Т., Саарниemi П.	3	136
Соболева Е. С. Маклаевские чтения	6	137
Терехин Н. М.—См.: Куратов А. А., Давыдов А. Н.	2	139
Тумаркин Д. Д. Выставка «Сокровища культуры народов Океании» в Финляндии	6	131
Шнирельман В. А. Международный симпозиум «Культура и история в бассейне Тихого океана»	5	147
Яковлева Т. В. XVI международная конференция объединенной редакции журнала «Демос»	4	145
Ямсков А. Н.—См.: Козлов В. И., Ямсков А. Н.	5	142

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Грица С. И. Новые этномузыкальные исследования в Белоруссии	3	149
Гришаев И. А. Статистико-этнографическое исследование народов Поволжья	2	145
Губанова Г. А.—См.: Лазарев А. И., Губанова Г. А.	1	153
Еремина В. И. Новое издание «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева	5	156
Колесническая И. М. Научные издания русского фольклора Сибири (1979—1984 гг.)	2	149
Крюков М. В. Китайские ученые о таксономии этнических общностей	6	144
Лазарев А. И., Губанова Г. А. М. Я. Мельц. Русский фольклор. Библиографический указатель	1	153
Чантуришвили С. Г. Новейшие издания в русском переводе хроник из свода грузинских летописей «Картлис цховреба»	6	154
Чешко С. В. Западные советологи о национальных отношениях и этнокультурных процессах в Средней Азии (1970—1980-е годы)	3	141

Общая этнография

Абрамова З. А. Д. Столяр. Происхождение изобразительного искусства	3	152
Баевский В. С. <i>Matti Kuusi. Proverbia Septentrionalia</i>	6	158
Кожин П. М. Этнографические исследования развития культуры	1	156
Комарова О. Д. Демографический энциклопедический словарь	2	157
Марков Г. Е. Б. В. Андрианов. Неоселое население мира (Историко-этнографическое исследование)	1	159
Никишенков А. А. <i>Ethnologie Occidentale. Essais critiques sur l'idéologie</i>	2	153
Соколов Б. В. Х. Ловмянский. Русь и норманны	5	162
Шлыгина Н. В. Der Wandel der Dörfer und Städte und die gegenseitige Beeinflussung in der Zeit nach dem Ersten Weltkrieg	5	164

Народы СССР

Анчабадзе Ю. Д. Э. А. Керимов. Очерки истории этнографии Азербайджана и русско-азербайджанских этнографических связей (XVIII—XIX вв.)	1	166
Байбури А. К.—См.: Грачева Г. Н., Байбури А. К.	2	163
Березина М. Я., Крупник И. И. Н. В. Юхнева. Этнический состав и эт-		

носоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX—начало XX века. Статистический анализ	1	162
Бусыгин Е. П. <i>Народы Поволжья и Приуралья (историко-этнографические очерки)</i>	3	155
Вайнштейн С. И., Васильев Д. Д. Д. Г. Савинов. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху	1	169
Васильев Д. Д.—См.: Вайнштейн С. И., Васильев Д. Д.	1	169
Великая Н. Н. (Бараниченко). <i>Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе</i>	3	158
Воронина Т. А. <i>The Lubok. Russian Folk Pictures. 17th to 19th centuries</i>	1	164
Галбен А. И. ² В. А. Александров. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в.	2	160
Грачева Г. Н., Байбури А. К. Е. С. Новик. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме	2	163
Зухба С. Л. <i>Абазинские народные сказки</i>	3	161
Итонишвили В. Дж. М. Н. Макалатия. Скотоводство в горной части Восточной Грузии	3	159
Карагодия А. И. <i>Проблемы этногенеза калмыков</i>	1	167
Кербелите Б. П. Э. В. Померанцева. Русская устная проза	4	155
Конька У. С. <i>Рода нашего напевы</i>	3	162
Крупник И. И.—См.: Берзина М. Я., Крупник И. И.	1	162
Кузнецов И. М. <i>Население Еревана. Этносоциологические исследования</i>	5	167
Левина Е. М. <i>Дитячий фольклор: коліскові пісні та забавлянки</i>	2	165
Османов М. О., Шихсаидов А. Р. С. Ш. Гаджиева. Семья и брак у народов Дагестана в XIX—начале XX в.	4	153
Сусоколов А. А. <i>Статистика в этнографии</i>	4	151
Халиков Н. А. <i>Историко-этнографический атлас Прибалтики. Земледелие</i>	5	168
Шихсаидов А. Р.—См.: Османов М. О., Шихсаидов А. Р.	4	153

Народы Зарубежной Европы

*Богина Ш. А. О. А. Ганцкая. Польская семья	3	165
Гуревич А. Я. Ф. Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное	4	156
Ермакова Н. С. <i>Tove Scutnabb-Kangas. Bilingualism or Not: The Education of Minorities</i>	4	160
Керимова М. М. В. Чајкановић. Речник српских народних верovanja о билькама	3	167
Козлов С. Я. В. А. Житомирский. Апартеид по-британски	4	159
Куббель Л. Е. Н. А. Красновская. Происхождение и этническая история сардинцев	3	169

Народы Зарубежной Азии

Комарова О. Д. Т. Ф. Сиверцева. Семья в развивающихся странах Востока (социально-демографический анализ)	4	163
Черевко К. Е. Г. Е. Светлов. Путь богов (синто и история Японии)	5	171

Народы Америки

Агранат Г. А. <i>Русская Америка в «Записках» Кирила Хлебникова</i>	4	161
Березкин Ю. Е. D. Vopavía. Mural painting in Ancient Peru	2	16
Кулакова Н. Н. Ш. А. Богина. Этнокультурные процессы в США. Конец XVIII — начало XIX в.	4	166

Народы Австралии и Океании

Арутюнов С. А. И. М. Меликсетова. Трибализм и государственность (этнонациональные и социально-политические процессы в Папуа — Новой Гвинее в 60-е—80-е годы XX в.)	4	170
Бахта В. М. <i>Библиография Австралии</i>	3	170
Георгий Спиридонович Читая	2	171
Дмитрий Алексеевич Ольдерогге	6	161

Указатель статей, опубликованных в журнале в 1987 г.	6	166
--	---	-----

SUMMARIES

The Rise of Soviet Feasts

The author describes the early stage of the rise of Soviet state feasts (1918) resulting in a new calendar of feasts (Red Calendar). The article is based upon reports published in the papers of Moscow, Petrograd and ten province centers in 1918. The publication is intended to attract ethnographers' attention to this sort of sources.

N. S. Polishchuk

The Problem of the Traditional Aspect of Modern Russian Urban Culture

The authors try to consider contemporary ethnographic phenomena in Central Russian cities from the viewpoint of their traditional character. Firstly, the content of the tradition, its completeness and intensiveness is fixed, secondly — the extent to which the elements of the tradition are actually spread.

The elements of everyday culture under consideration are the following: dwelling and settlement, family life and communal feasts. It's found that different spheres of everyday life have certain peculiarities as regards the functioning of the traditional stereotype, which may be preserved in full or fragmentarily. A comparative analysis of ethnographic data from this viewpoint may provide information on the extent to which the traditional character of everyday life as a whole and its elements is preserved.

O. R. Budina, M. N. Shmelyova

Motherhood and Fatherhood in a Historic-Ethnographic Perspective

Comparative interdisciplinary study of parenthood becomes more and more important within the humanities. In the author's opinion, studying this set of problems requires differentiation between emotional attachment of parents towards children, realized parental values, father's and mother's social roles, appropriate cultural symbols and actual parental behaviour. The compared data of sociobiology and the humanities indicate that parenthood is a complex biosocial phenomenon, which cannot be reduced to biological instinct. The character of parental attitudes and the functional differentiation between father and mother are influenced by many social and cultural factors including type of economic activity, family structure, type of sex stratification and symbolism. Many aspects of parenthood are still vague, particularly the institution of fatherhood. The data of history and ethnography throw some light at the problems discussed by educators and psychologists; the ethnographers, in their turn, need the data provided by psychology and pedagogics.

I. S. Kon

Ethnogenesis from the Viewpoint of Population Theory

The article elucidates the problems of ethnogenesis from the viewpoint of population theory, judging from the data of paleoanthropology. The author stresses the social nature of human population, thus differing from any other biological population. The social factor, determining the scope of marital connections and the form of family and providing the link between population and society makes clear the correlation between the hierarchies of the population and the primeval ethnic community. The latter can thus be regarded as a major population consisting of primeval communities which are elementary units of both ethnosocial and populational hierarchies of the ethnic community. The process of ethnogenesis in the primeval society took place at the level of those elementary local populations. A series of skulls from a single burial ground in which members of a single or several communities are buried can be regarded and studied as a paleopopulation. In this case the burial ground must be studied as a closed system, using all the data of paleoanthropology and archaeology, indicating the form of family, the scope of marital connections, the type and direction of the gene drift, the demographic structure of the population and the social structure of the society.

R. Ya. Denisova

**On Delimitation and Interaction between
Ethnography and Sociology in the Study
of Ethno-National Processes**

The author considers similarities and differences between ethnography and sociology in their problem-matter and research techniques. Two main directions of ethnosociology are closely connected with each other. The first direction is aimed at reflecting the interethnic diversity of general social processes, while the second one studies the role of social factors in ethnic dynamics.

Yu. V. Arutiunyan

On the Subject of Ethnography

Yu. V. Bromley and M. V. Kriukov raise the important question of the subject of ethnography. There was a period in the history of Soviet ethnography when it concentrated mainly upon social relations in tribal and early class societies. Later there came a shift towards the study of culture (subsistence types, historic-cultural areas). Nowadays ethnic problems (ethnogenesis, ethnic history, typology of ethnic communities, ethnic relations) are in the foreground. These problems taken together seem to comprise the subject-matter of ethnography.

N. A. Butinov

On the Boundaries of Ethnography

The author concentrates on the problem of ethnography's formal and actual boundaries. Analyzing the definition of ethnography's essence and subject-matter proposed by Yu. V. Bromley and M. V. Kriukov, he indicates that in practice ethnographers, following the social needs, solve some problems reaching beyond the limits set by that definition. The scope of ethnographers' activities varied many times. Nowadays many urgent problems arise at junctions between different sciences. There is also an urgent need of studying national (ethnic) relations. Defining modern ethnography as a complex branch of knowledge embracing all aspects of the rise and existence of ethnic communities, the author considers further specification of its tasks unreasonable.

V. I. Kozlov

**Our Forerunners and the History
of Ethnography**

Soviet ethnography is now entering a new stage of its development, so it's necessary to look back at some theoretical problems.

The history of both Russian and world ethnography must be studied more thoroughly, and a new concept must be developed. In particular, delimitation is necessary between «schools» and «currents». It must be noted that the historical evolution of Russian ethnography had considerable peculiarities caused by the specific features of Russian history and social thought.

The history of ethnography is to some extent the history of understanding the subject and the cognitive and social functions of this branch of the humanities. That's why we must not regard as our forerunners only those scholars who understood these problems in the same way we do now.

K. V. Chistov

A. S. Pushkin's Ethnographic Interests

The author stresses that the great Russian poet recognized individuality of and ascribed value to all human cultures. That was a major consequence of his humanistic universalist outlook.

The article follows the evolution of A. S. Pushkin's ethnographic interests. He dealt primarily with folk poetry, but his interest in folk culture was much broader. His works reflected his own observations and information obtained from publications on the life of the Russians, the Moldavians, the peoples of the Caucasus and other areas, covering their clothing, food, morals, customs, beliefs (especially folk demonology). A. S. Pushkin's works contain also some observations of urban culture.

Early 1830s saw the crystallization of A. S. Pushkin's general ideas concerning folk culture. The poet's scholarly objectivity and moral impartiality stirred his interest in the fates of the «uncivilized» peoples of the Russian Empire and small ethnic groups, in the impact of colonialism, slavery and serfdom upon folk traditions and morals. Young Pushkin's ethnographic interests were largely influenced by the general romantic drive towards folklore. Later those interests were determined by his own historical studies and realistic aesthetical ideas, being connected with urgent social problems and universal human cultural and ethical values. A. S. Pushkin's creative work contributed to the rise of public interest in ethnographic problems.

V. Ye. Gusev

The Work of Nikolay Ivanovich Vavilov and the Study of Human History

Vavilov is known as a prominent biologist. However, many of his discoveries have major importance in understanding the historic dynamics of human physical type and spatial differentiation of human culture. Among these discoveries are the law of homologic series in hereditary variability, the rule of peripheral concentration of recessive genes, the principle of discrete formation of species. The significance of these regularities in the evolution of man and his culture is illustrated by some examples. Vavilov's historic-ethnographic observations made in almost inaccessible areas travelled by him are first-rate primary sources.

V. P. Alexeyev

CONTENTS

N. S. Polishchuk (Moscow). The Rise of Soviet Feasts. *O. R. Budina, M. N. Shmel'yova* (Moscow). The Problem of the Traditional Aspect of Modern Russian Urban Culture. *I. S. Kon* (Moscow). Motherhood and Fatherhood in a Historic-Ethnographic Perspective. *R. Ya. Denisova* (Riga). Ethnogenesis from the Viewpoint of Population Theory.

Discussions

Discussing *Yu. V. Bromley's* and *M. V. Kriukov's* Article «Ethnography: Its Place in the System of Science, Main Currents, Methods». *Yu. V. Arutiunyan* (Moscow). On Delimitation and Interaction between Ethnography and Sociology in the Study of Ethnographically National Processes. *N. A. Butinov* (Leningrad). On the Subject of Ethnography. *V. I. Kozlov* (Moscow). On the Boundaries of Ethnography. *K. V. Chistov* (Leningrad). Our Forerunners and the History of Ethnography.

In Memoriam A. S. Pushkin [1837—1987]

V. Ye. Gusev (Leningrad). A. S. Pushkin's Ethnographic Interests.

From the History of Ethnography

V. P. Alexeyev (Moscow). The Work of Nikolay Ivanovich Vavilov and the Study of Human History.

Communications

A. P. Galstyan (Yerevan). Some Aspects of Armenian-Russian Bilingualism (the Results of an Ethno-Sociological Study in Yerevan). *O. B. Naumova* (Moscow). Ethnically Mixed Families among the Germans of Kazakhstan (the Field Data of 1986). *Ye. A. Glinsky* (Leningrad). Bow-Shooting Skills in North-East Siberia.

Searchings, Facts, Hypotheses

N. G. Krasnodembskaya (Leningrad). Pandukabhaya, King of the Sinhalese—the Prototype of Krishna? (Some Problems of the Early Ethnic History of South Asia).

Our Anniversaries

List of Major Works by *I. S. Vdovin*, Doctor of Historical Sciences (to His 80th Birthday).

Academic Life

L. Ye. Kubbel' (Moscow). The 3rd Congress of the International Society of European Ethnology and Folklore. *V. B. Yevtukh* (Kiev). Soviet-American Symposium «Ethnicity's Role in Modern Communities». *D. D. Tumarkin* (Moscow). An Exhibition «Treasures of Oceanian Culture». *Ye. S. Soboleva* (Leningrad). Maklay Readings (VI—VIII). Expeditions in Brief

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *M. V. Kriukov* (Moscow). Chinese Scholars on the Taxonomy of Ethnic Communities. *S. G. Chanturishvili* (Tbilisi). Ethnocultural Aspects of Old Georgian Chronicles. General Ethnography. *V. S. Bayevsky* (Smolensk). Mattii Kuusi. Proverbial Septentrionalia.

Dmitry Alexeyevich Ol'derogge

Index for 1987.

Технический редактор *Гришина Е. И.*

Сдано в набор 09.09.87	Подписано к печати 27.10.87	A-11611	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₂
Высокая печать	Усл. печ. л. 15,4	Усл. кр.-огт. 45,2 тыс.	Уч.-изд. л. 18,1 Бум. л. 5
	Тираж 2886 экз.	Зак. 4293	

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6